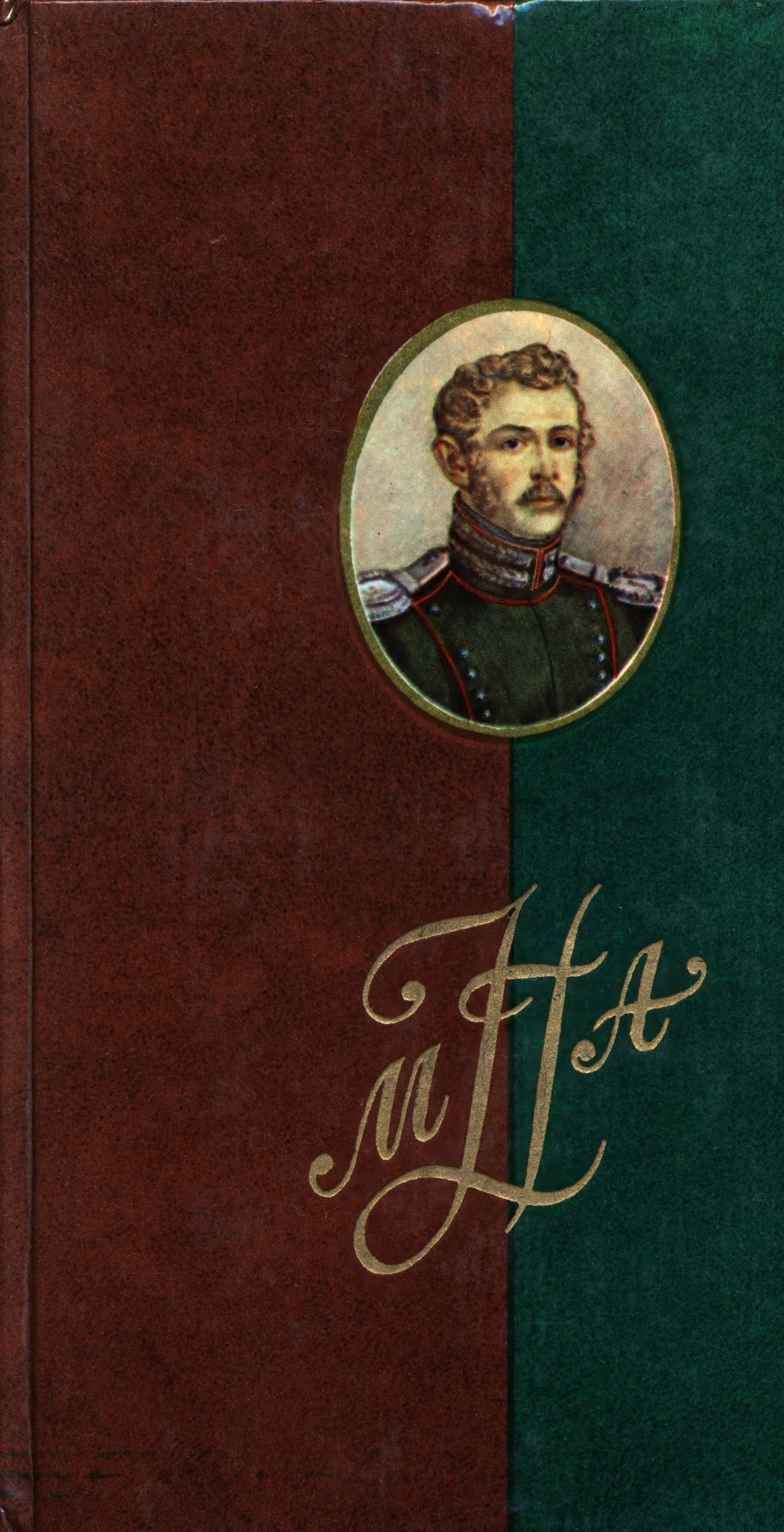

СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

Документы
и материалы

М. А. НАЗИМОВ

ПИСЬМА,
СТАТЬИ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство
1985

Издание подготовлено
О. В. ПОПОВЫМ

Ответственный редактор тома
В. А. ФЕДОРОВ

Рецензент *И. В. ПОРОХ*

ДЕКАБРИСТ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НАЗИМОВ

Осужденный Верховным уголовным судом по восьмому разряду к «лишению чинов и дворянства и к ссылке на поселение», штабс-капитан лейб-гвардии Коннопионерного эскадрона Михаил Александрович Назимов хотя и не принадлежал к числу руководящих деятелей тайного общества, но принимал активное участие в обсуждении его программы и планов. Он пользовался большим авторитетом у своих друзей и соратников, которые с уважением и любовью отзывались о его талантах, широкой эрудиции, располагающем к нему характере.

Сохранившиеся материалы раскрывают жизнь и деятельность Назимова крайне неполно и неравномерно. Период его жизни до 1825 г. (детство, ученье, военная служба) отражен лишь в справке псковского предводителя дворянства и в скупых ответах декабриста на вопросы Следственного комитета[1]. Немного сведений о политических воззрениях и деятельности Назимова содержится и в его следственном деле. Назимов был весьма осторожен в своих показаниях, всячески преуменьшая свою роль в тайном обществе, говорил и писал только о том, чего уже невозможно было скрыть перед следствием.

Период сибирской ссылки Назимова (1826—1837) известен лишь по воспоминаниям других декабристов, главным образом А. Е. Розена и Н. И. Лорера, и немногим официальным документам. Из обширной переписки, которую вел Назимов, сохранилось лишь 60 писем, дати-

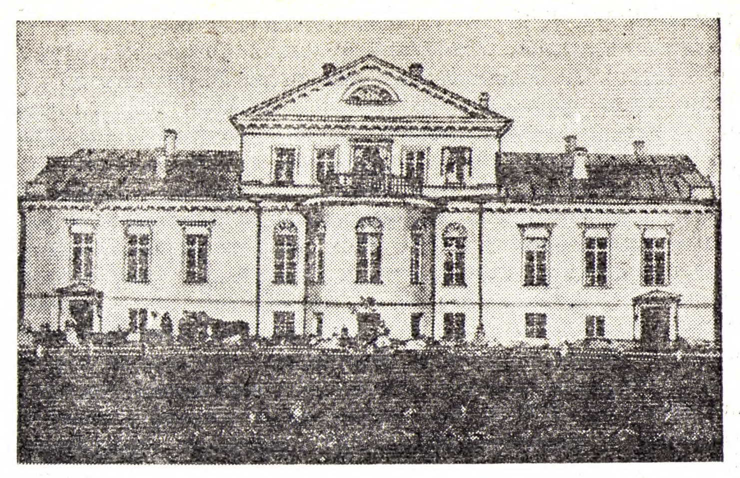
[1] Наст. т., с. 23—24; *ВД*, т. 15, с. 179—204.

руемых 1837—1886 гг., относящихся ко времени его пребывания на Кавказе (1837—1846) и на родине в Псковской губернии (1846—1888). Значительная часть писем утрачена. Известно, что М. А. Назимов написал воспоминания об А. И. Одоевском (переданные Розену) и по просьбе Н. А. Некрасова — о женах декабристов А. В. Розен и Е. П. Нарышкиной. Но эти мемуарные записки, к сожалению, утрачены.

Жизнь и деятельность Назимова слабо освещены в литературе. До революции краткие сведения о нем были сообщены Н. Ф. Окулич-Казариным. В советское время опубликовано несколько статей К. А. Иеропольского, Л. Ивановой, С. И. Недумова и Л. Назаровой[2]. В статье К. А. Иеропольского содержится краткая биография декабриста, составленная на основании сведений, полученных автором от родных Назимова, и по опубликованным Н. Ф. Окулич-Казариным данным. Статьи Л. Ивановой, С. И. Недумова и Л. Назаровой посвящены вопросу об отношениях Назимова с Лермонтовым по материалам воспоминаний современников и составленной П. А. Висковатым биографии поэта. Книга А. А. Попова «Декабристы-псковичи», вышедшая в 1980 г., содержит краткий биографический очерк о Назимове.

Михаил Александрович Назимов происходил из старинного дворянского рода. В летописях и актах часто упоминается о службе Назимовых московским царям, об участии их в многочисленных походах против татар, Великого княжества Литовского и Ливонского ордена. Представители этого небогатого рода «честью и правдою, не щадя живота своего» служили родине и не раз вставали на защиту ее от врагов. Так, соратник воеводы М. В. Скопина-Шуйского Юрий Яковлевич Назимов был

[2] Окулич-Казарин Н. Ф. Некоторые сведения о псковских декабристах.— Рус. архив, 1870, № 2, с. 187-191; Иеропольский К. А. М. А. Назимов.— В кн.: Познай свой край. Псков, 1924, вып. 1, с. 40—44; Иванова Л. Лермонтов и декабрист Назимов.— ЛН. М., 1952, т. 58, с. 431—440; Недумов С. И. Новые материалы о декабристе М. А. Назимове в связи с отношениями его с М. Ю. Лермонтовым.— В кн.: М. Ю. Лермонтов. Сб. ст. и материалов. Ставрополь, 1960, с. 240—250; Назарова Л. Отчизны верные сыны.— Звезда, 1975, № 1, с. 139—145.

ДОМ В ИМЕНИИ ГОРОНЧАРОВЕ, ГДЕ РОДИЛСЯ М. А. НАЗИМОВ

Псковский художественно-исторический музей

убит в 1576 г. при защите Пскова от войск польского короля Стефана Батория, несколько Назимовых пали в боях с польскими интервентами в 1606—1613 гг., воевода Иван Тихонович Назимов (ум. 1706) участвовал в крымских походах Петра I 1695—1699 гг., отразил в 1700 г. нападение шведов на Псковско-Печерский монастырь[3]. Старший брат М. А. Назимова, Борис Александрович, пройдя трудными дорогами Отечественной войны 1812 г., был убит в бою с французами под Данцигом в 1813 г.

Михаил Александрович Назимов родился 19 мая 1801 г. В семье его отца, надворного советника Александра Борисовича Назимова, островского уездного предводителя дворянства, было еще шестеро детей: старшие— Борис, Сергей, Александр, Варвара и младшие — Илья и Анна. В 1810 г. умер отец. Мать, Марфа Степановна (урожд. Шишкова), осталась с семью детьми.

Семья Назимовых принадлежала к помещикам среднего достатка: в Псковском, Печерском и Островском уездах Псковской губернии за ними числилось 600 ре-

---

[3] Назимовы.— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 20, с. 463.

визских душ крестьян[4]. Имение было расстроено и обременено долгами. Псковский уездный предводитель дворянства Н. А. Яхонтов (отец поэта А. Н. Яхонтова) писал в своем докладе губернатору в октябре 1826 г.: «На недвижимом имении состоит долгу казенного и частного до 70 т[ыс]. рублей <...>. Издержки, требуемые на воспитание детей <...>, отделение части имения замужней дочери, значительные пожертвования и исправное исполнение повинностей в войну 1812 года не давали возможности привести дела имения в надлежащее устройство». Однако «заботливостью М. С. Назимовой долги уплачивались исправно», и ее дети получали «приличное воспитание»[5]. Борис, Сергей и Александр проходили обучение в Морском корпусе, Илья — в Инженерном училище, а Михаил в 1810 г. был определен в широко известный частный общеобразовательный институт протоиерея М. Б. Каменского, где учащиеся получали солидную подготовку в объеме лицейской программы. В ответах на вопросы Следственного комитета Назимов сообщал: «Воспитывался в Санкт-Петербурге в частном институте у протоиерея Каменского. Учителями моими были в оном: закона божиего — сам протоиерей, российской словесности — г[осподи]н Малиновский, логики — протоиерей Каменский, он же и латинского языка; французского — г[осподи]н Натлер, немецкого — г[осподи]н Вожуки, английского — г[осподи]н Гринам, математике вообще, съемке, фортификации и частию артиллерии — отставной инженер-капитан Васильев, черчению, ситуации — г[осподи]н Денкер, физике и статико-механике — г[осподи]н Приоров и Вольгемут, географии статистической — г[осподи]н Вожуки, истории всеобщей и российской — г[осподи]н Рогов»[6].

Как видим, в этом, казалось бы штатском, учебном заведении преподавались и чисто военные науки, что позволило Назимову в дальнейшем успешно служить в артиллерийских и саперных частях. По свидетельству самого декабриста, он, желая поступить в дальнейшем на военную службу, во время обучения в институте Камен-

---

[4] *ЦГАОР*, ф. 48, д. 315, л. 55.

[5] Окулич-Казарин Н. Ф. Некоторые сведения о псковских декабристах, с. 187—191.

[6] *ВД*, т. 15, с. 192.

ского «занимался наиболее математическими науками и прочими предметами, для оной нужными»[7]. Назимов много читал, преимущественно военные и исторические книги; обладая незаурядными способностями, много рисовал, интересовался архитектурой и музыкой.

В марте 1816 г., окончив институт, Назимов поступил на военную службу юнкером в конную артиллерию. 23 марта 1817 г. он произведен в прапорщики. О времени его службы в конной артиллерии сохранились крайне скудные сведения. Из показаний Назимова на следствии узнаем, что там он познакомился с К. Ф. Рылеевым. Уже в Петербурге, в начале 20-х гг., они встретились вновь и подружились[8].

В марте 1819 г. Назимова из глухой провинции, Острогожского уезда Воронежской губернии, где он проходил службу, переводят в Петербург, в гвардейский Саперный батальон. Там он попадает в окружение гвардейских офицеров — отпрысков знатнейших фамилий. Но его не тянет к ним, к развлечениям светской жизни. Его влекут науки, искусство, он всецело отдается службе и изучению саперного дела. Его знания и добросовестное отношение к службе обратили на себя внимание начальства, в том числе шефа саперов великого князя Николая Павловича, который оценил способности молодого офицера и стал «отличать» его своей «благосклонностью»[9]. При сформировании в 1820 г. Коннопионерного эскадрона Николай Павлович, будучи генерал-инспектором инженерной части, перевел в этот эскадрон и Назимова, а в дальнейшем способствовал продвижению его по службе. В том же году Назимов был произведен в подпоручики, в 1822 г.— в поручики, а в 1825 г. — в штабс-капитаны[10].

В 1821 г. гвардия выступила в заграничный поход. В ее составе находился и Коннопионерный эскадрон. Сначала она остановилась в Витебске, затем в Бешенковичах и стала на зимние квартиры в Кайданове, в 40 верстах от Минска. Зимой офицеры часто ездили в Минск, многие

---

[7] Там же, с. 202.

[8] Там же, с. 180.

[9] Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 261 (далее: *Лорер*).

[10] *ВД*, т. 15, с. 180. Здесь в формулярном списке ошибка: вместо «штабс-капитан», как в подлиннике (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 386, л. 9), напечатано «капитан».

отлучались из эскадрона в Петербург. Уезжал по семейным делам в отпуск в Псков и Назимов. В это время его младший брат Илья, закончив Инженерное училище, был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Саперный батальон. Как гласит справка 1826 г. об имущественных делах Назимова, его мать в связи с совершеннолетием всех своих сыновей «разделила между ними наследственное родовое имение, и на часть Михаила Назимова досталось сто, а на прочих детей по пятидесяти душ, однако Михаил Назимов принял на себя уплату долгов на частях других братьев, числящихся до 40 т[ыс.] рублей»[11]. В ту же зиму он был в Петербурге, где хорошо был принят в доме командира эскадрона полковника барона К. К. Засса. Подтверждением этому служит рисунок Назимова в альбоме баронессы Засс [12].

В мае 1822 г. эскадрон выступил в Вильно, откуда двинулся в Дерпт, а в августе, в связи с отменой предполагавшегося заграничного похода, был снова расквартирован под Петербургом. В 1822—1823 гг. Назимов вошел в круг лиц, близких ему по воззрениям и интересам.

У Назимова завязалась тесная дружба с братьями Иваном и Михаилом Пущиными, А. А. Бестужевым, М. М. Нарышкиным, а впоследствии с Н. И. Лорером. Назимов обладал удивительными качествами обаятельного и отзывчивого человека. «Немного людей встречал я с такими качествами, талантами и прекрасным сердцем, всегда готовым к добру, каким был Михаил Александрович Назимов,— вспоминал о нем впоследствии Лорер,— [он] делал добро на деле, а не на словах и был в полном смысле филантропом, готовым ежеминутно жертвовать собою для других <...>. Прибавьте к этому, что М[ихаил] А[лександрович] обладал многосторонним образованием, читал много с пользою и постоянно встречал вас с приветливою улыбкою, которая очаровывала вас с первого же раза» [13].

На Назимова особенно большое влияние оказал Ми-

---

[11] *ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 315 («О собрании сведений о положении и домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников»), л. 55 об.

[12] Альбом хранится в *ГПБ*.

[13] *Лорер*, с. 261.

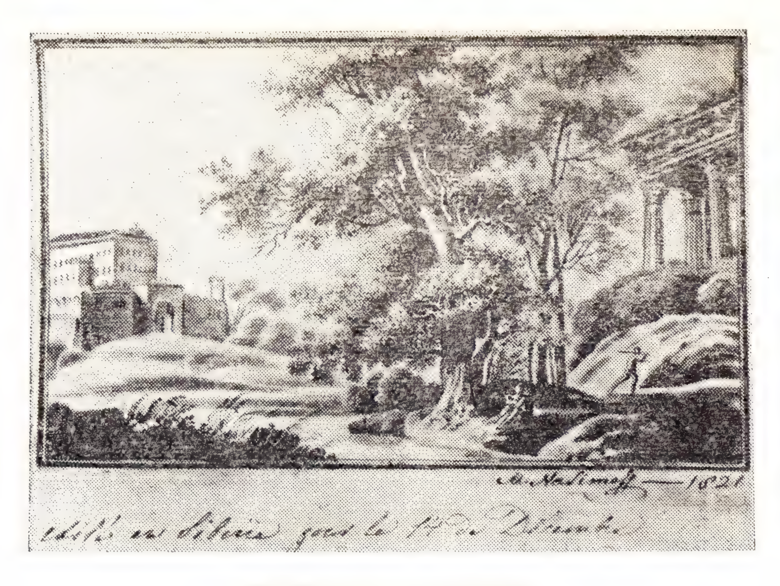

РИСУНОК М. А. НАЗИМОВА
ИЗ АЛЬБОМА БАРОНЕССЫ ЗАСС, 1821 Г.
Подпись под рисунком: «Сосланный в Сибирь за 14 декабря» (франц.). *ГПБ*

хаил Михайлович Нарышкин. Старший по возрасту и широко образованный полковник Тарутинского полка, активный член тайного общества, Нарышкин немало способствовал развитию передовых взглядов Назимова. Годы, проведенные впоследствии вместе на поселении в Кургане и на военной службе на Кавказе, еще более сблизили этих двух декабристов. Знакомство и тесная дружба Назимова с Нарышкиным, как и с другими членами тайного общества декабристов, сыграли решающую роль в судьбе Назимова. В 1823 г. Нарышкин принял его в тайное общество.

Назимов вступил в тайное общество почти одновременно со своим давним другом Рылеевым, с которым находился в постоянном и тесном общении. Нет никакого сомнения, что их общение не ограничивалось только «разговорами о словесности», как пытался в этом уверить следствие Назимов. 1823—1825 гг., годы пребывания Назимова в Северном обществе, характерны активизацией

деятельности этого общества. Быстро росла численность его членов, оживленнее стала его деятельность, связанная несомненно с приходом в общество Рылеева и образованием вокруг него наиболее радикальной группы — «рылеевской отрасли». Именно благодаря в основном усилиям этой группы было подготовлено и осуществлено восстание 14 декабря 1825 г.

Назимов был принят в члены Северного общества, вероятно, в первой половине, а не в «исходе 1823 года», как утверждал он в своих показаниях, ибо до осенних совещаний тайного общества Никита Муравьев познакомил его со своей конституцией. Назимов достаточно хорошо ее изучил: брал к себе на дом, переписал и подготовил свои замечания, которые он высказывал как самому Муравьеву, так и на совещаниях. Критические замечания его на муравьевский проект направлены в сторону его радикализации. Назимов полностью разделяет основные программные положения декабристов — освобождение крестьян, уничтожение самодержавия, введение конституции и представительного образа правления.

Он был далеко не «рядовым» членом Северного общества. В апреле 1825 г. он был введен «в первый круг» («убежденных»). Ему, по свидетельству Е. П. Оболенского, «предоставлялось право принимать других членов и поверялись все тайны общества». Все факты активной роли Назимова в Северном обществе стали известны из показаний других подследственных о Назимове. Его же собственные показания крайне скупы и лаконичны. Многие из предъявленных обвинений Назимову удалось или искусно отвести, или смягчить. Но Николаю I и Следственному комитету была ясна активная роль Назимова в тайном обществе.

О формировании взглядов Назимова можно судить лишь по его ответам на вопросы Следственного комитета, хотя они и содержат крайне скудные сведения о его действительных убеждениях. Все же попытаемся разобраться, что привело преуспевающего гвардейского офицера в тайное общество и к мысли, что «свобода необходима России».

Назимов читает произведения французских энциклопедистов, философов, экономистов. «<...> чтение прав, Монтескю, статистики и политической экономии, развернув моему неопытному уму возможность и средства государ-

ственного благосостояния, доказывали мне, что законная свобода есть ближайший к оному путь, и я преклонялся на сторону сего мнения. <...> г[осподин] полковник Нарышкин, от которого я был принят, давал мне политические увражи (сочинения.— *О. П.)* Бенжамен Констана, Бентама и записки о необходимости законов фон-Визена, равно как и другие книги, которых авторов не упомню»[14]. Характерен выбор сочинений и авторов. Шарль Луи Монтескье — французский просветитель; в своих «Персидских письмах» он выступает против абсолютизма и монархии. Он писал, что «святилище чести, доброго имени и добродетели, по-видимому, нужно искать в республиках и в странах, где дозволено произносить имя отечества». В «Размышлении о причинах величия и падения римлян» Монтескье проводит мысль, что величие Рима обусловливалось гражданским духом и любовью римлян к свободе. Его труды «О духе законов» и «Разделение власти» содержат критику королевской деспотии и учение о разделении исполнительной и законодательной власти. Бенжамен Констан, французский политический деятель, в своих сочинениях развивает идеи буржуазного либерализма, идеалом государственного устройства считает конституционную монархию по английскому образцу. Либеральные тенденции характерны для его работы «О религии...», Иеремей Бентам — английский юрист и философ, родоначальник «утилитаризма». Этика Бентама изложена в его произведении «Деонтология, или наука о морали». В ее основе лежит «принцип пользы», согласно которому действия людей, их отношения должны получать моральную оценку по приносимой ими пользе — «принцип наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов». В записке Д. И. Фонвизина «Рассуждение об истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и оттого о зыблемом состоянии как империи, так и своих государей» дана острая критика существующего строя.

Одновременно Назимов интересовался современной политической жизнью Европы. А там — в Испании, Италии и других государствах — в это время происходили бурные революционные события. Декабрист А. С. Гангеблов в своих воспоминаниях пишет: «Незадолго до по-

---

[14] *ВД*, т. 15, с. 202.

следней нашей загородной стоянки Зет предложил мне пристать к небольшому кружку, предполагавшему заняться обозрением всеобщей истории, причем принять курс Сегюра. Кружок этот состоял из его, Зета, Назимова и Семенова (однофамильца моих измайловских товарищей). Оба последние жили в одном с нами (Гарновском) доме. Я охотно согласился, и в тот же вечер мы собрались у Семенова. Но не прошло и часу, как от древней истории, от Тиглат-Паласаров и Салманасаров, мы свернули на Риего, недавно повешенного в Испании, а затем и на другие подобные материи и так протолковали допоздна. Следующее заседание прошло в таком же роде»[15].

Нет сомнения, что ко времени вступления Назимова в тайное общество у него сложились определенные политические убеждения: он явно не одобрял существующее государственное устройство, был противником крепостного права, с сочувствием относился к европейским революционным событиям. Мы не можем категорически утверждать, что М. А. Назимов придерживался республиканских воззрений. Признание в этом на следствии было бы важным криминалом для подсудимого. Однако его осторожные показания о конституции Никиты Муравьева звучат явно антимонархически: «<...> я заметил г[осподину] Муравьеву,— показывает Назимов,— что во всяком правлении каждая из властей должна непременно иметь свою полную силу, а что в его проекте сия цель упущена, ибо власть императора вовсе ослаблена; что таковое правление в России невозможно, по величине ее пространства; что никакой государь не согласится на таковое ограничение; что в сем случае, имея на своей стороне привычку народа, недовольного новым правлением, подпору от иностранных держав, он может все потрясти; что это повлечет за собою междоусобие, откроет поприще честолюбцам, обольстителям народа, ищущим своей собственной пользы; что Россия, будучи тогда в слабом, болезненном состоянии, не в силах будет отразить интриг и явных нападений извне; что, будучи расторгаема своими и чуждыми, разрушится; что, наконец, священные особы императорской августейшей фамилии могут

---

[15] Гангеблов А. С. Как я попал в декабристы и что за тем последовало.— Рус. архив, 1886, № 6, с. 219. Зет — подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Матвей Демьянович Лаппа.

сделаться жертвою всех сих несчастий; и что одним словом, по мнению моему, Конституция, им предлагаемая, кажется мне неудобоисполнимою»[16]. Он старается убедить членов Следственного комитета в своей лояльности, критикуя конституцию Муравьева именно за ограничение самодержавной власти. Та же мысль высказана им в его ответе о «Русской правде» Пестеля: «Прошлого 1825 года князь Оболенский сказывал мне, что есть на юге конституционный проект какого-то Пестеля, которого сущность состоит в разделе земель или введении римского закона (loi agraire), какового проекта и князь Оболенский не одобрял, и мне казался он вовсе неосновательным и вредным, как средство республиканского правления»[17]. «О проекте Конституции, виденном мною у Никиты Муравьева, сказано мною в 6 пункте. Слышал от кн[язя] Оболенского, что существует и другой подобный какого-то Пестеля, но о смысле его он ничего мне не сказывал». Здесь Назимов также заявляет о себе как о противнике республиканских идей, изложенных в «Русской правде», но наряду с этим о конституции Никиты Муравьева говорит: «Я снова заметил ему, что параграф о власти императора как будто приклеен»[18]. Эти слова позволяют предположить, что он не был сторонником монархической формы государственного устройства, изложенной Муравьевым. На вопрос Следственного комитета, заданный Е. П. Оболенскому и И. И. Пущину: «При чтении плана Конституции Никиты Муравьева саперный офицер восставал противу оной потому, что она была в духе монархическом, и, обратясь к Матвею Муравьеву, спрашивал: думают ли мнимой Конституцией остановить действие власти государя»,— они, не отрицая существа антимонархического высказывания «саперного офицера», отвечали: «саперный офицер <...> есть Назимов»[19]. Эти свидетельства особенно ценны, так как с Оболенским и Пущиным Назимов был достаточно близок, и его политические воззрения были им хорошо известны. Из показаний самого Назимова мы также узнаем, что он «намеревался сам заняться составлением

---

[16] *ВД*, т. 15, с. 193.
[17] Там же, с. 201.
[18] Там же, с. 193.
[19] Там же, т. 1, с. 261—267; т. 2, с. 221, 225.

Конституции, подобной существующим в Англии и во Франции, надеясь, что неосновательное мнение о возможности Конституции Муравьева само по себе уничтожится временем» [20].

Назимову ясно, что добиться целей тайного общества возможно лишь путем вооруженного восстания. Об этом он пишет в своих показаниях: «Вообще, сколько мне известно, предполагалось начать действия по кончине в бозе почивающего императора или в случае внезапного восстания.

а) Надеялись преклонить войско на свою сторону объявлением краткого срока службы и свободы народа вообще. Тогда предполагалось, что войска военного поселения будут сильною опорою, и я сам был этого мнения. Начальников же, не согласных на Конституцию, находили нужными арестовать». Тут же он уточняет: «Надежды успеха основывались на уменьшении срока службы солдат и объявлении свободы помещичьим крестьянам»[21].

Представляет интерес следующее высказывание Назимова: «<...> поелику она (конституция Никиты Муравьева.— *О. П.)* имеет сходство с Конституциею Северо-Американских Штатов, то мы должны узнать там действительно на самом месте, все ли так хорошо, как пишут, и для того надо, чтобы кто из членов отправился туда, все исследовал подробно во всех отраслях правления и, возвратясь, дал в том верный отчет обществу. Что даже иначе это будет странно» [22].

Таким образом, можно предположить, что Назимов по своим убеждениям примыкал к наиболее радикальной части Северного общества, признававшей необходимость уничтожения крепостного права, склонялся к введению республиканского строя. Недостаточно ясно его мнение по вопросу о наделении крестьян землей при освобождении их от крепостной зависимости. Судя по его показаниям о конституции Пестеля в части «раздела земель», который ему казался «вовсе неосновательным и вредным», он, видимо, считал, что земля должна оставаться

---

[20] Там же, т. 15, с. 196.
[21] Там же, с. 196—197.
[22] Там же, с. 196.

у прежних владельцев — помещиков, а крестьяне будут пользоваться ею на условиях аренды. О его взглядах в период проведения крестьянской реформы см. ниже (с. 46, 131, 167—177).

Весной 1825 г. в Петербург с Кавказа приезжает А. И. Якубович. Он прибыл с намерением совершить покушение на Александра I, рассматривая этот факт как месть царю за высылку его (Якубовича) на Кавказ (за участие в дуэли). Иван Пущин, считая, как и другие члены Северного общества, этот акт преждевременным, надеялся на авторитет Назимова, который мог отговорить Якубовича от покушения на царя.

Состоялась ли встреча Назимова с Якубовичем, сказать трудно. На следствии сам Назимов показывал: «<...> слышал, что он (Якубович.— *О. П.)* за ранами лечился в С.-Петербурге, но никогда знаком и в никаких сношениях с ним не был»[23]. Однако, по всей вероятности, знакомство Назимова с Якубовичем все же состоялось. Это видно из настоятельной просьбы Ивана Пущина к брату Михаилу в письме от 30 мая 1825 г. «свести» Назимова с Якубовичем[24]. Это письмо осталось неизвестным Следственному комитету. Назимов же, как выше указано, упорно отрицал сам факт своей встречи с Якубовичем.

Как видно из показаний других декабристов, Назимов принимал деятельное участие в Северном обществе: стремился «умножать число членов общества», приняв в него подпоручиков М. Д. Лаппу и Н. П. Кожевникова, обсуждал с членами тайного общества вопросы о будущем политическом устройстве России, о целях и средствах тайного общества. Так, М. Д. Лаппа показывал: «<...> Я познакомился с штабс-капитаном Назимовым еще в 1824 году, но не прежде как в 1825 он мне открылся, что он в обществе тайном и что имеет препоручение меня пригласить в оное. Цель этого общества, как мне он сказал, жертвовать всем для представительного правления, даже жизнию». И дальше: «<...> рассказывал Гангеблову из слов Назимова, который неоднократно говорил ему, что есть люди решительные, готовые собою

---

[23] Там же, с. 198.

[24] Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 96.

жертвовать и даже покуситься на жизнь покойного государя, но что их удерживают и что до этого никогда не дойдет»[25]. Подпоручик Н. П. Кожевников показал: «<...> услышал я в первый раз от штабс-капитана Назимова, что есть общество, которого цель — ввести Конституцию»[26].

Назимов участвовал во многих совещаниях тайного общества, проходивших в 1823—1824 гг., на которых обсуждались его устав и проект конституции Н. Муравьева. По свидетельству В. Д. Вольховского, М. И. Муравьева-Апостола, И. И. Пущина, Назимов активно обсуждал программные и уставные положения тайного общества.

В переговорах членов Северного общества с Пестелем весной 1824 г. Назимов не участвовал (его имя никто из участников переговоров не упоминает), однако содержание переговоров и ряд высказываний Пестеля ему известны. Назимов, по-видимому, был в курсе этих переговоров и знал значительно больше того, о чем он показал на следствии. Тогда он отрицал свое знакомство с Пестелем, заявляя, что он только слышал о проекте конституции «какого-то Пестеля».

Находясь в тесном общении с Н. Муравьевым, Рылеевым и Оболенским, Назимов активно обсуждал с ними не только программу тайного общества, но и «план действий». Не случайно в решительный момент подготовки к восстанию собравшиеся на квартире Рылеева 13 декабря члены тайного общества сожалели, что среди них нет Назимова. Когда 12 декабря стало известно, что Константин Павлович действительно отрекся от престола и готовится присяга Николаю, когда в связи с этим окончательно решен был вопрос о выступлении в день присяги, И. И. Пущин в тот же день отправил письмо М. Ф. Орлову в Москву с просьбой прибыть в Петербург, а Михаил Пущин — М. А. Назимову в Псков, где он проводил отпуск.

Осенью 1825 г., вернувшись с эскадроном после летних лагерей под Ижорами в Петербург, Назимов принимает решение выйти в отставку. Это решение было с его стороны своеобразным протестом против палочной дис-

---

[25] *ВД*, т. 15, с. 171, 174.
[26] Там же, с. 140.

циплины, бессмысленной муштры солдат, вообще аракчеевского порядка в армии. В сентябре 1825 г. Назимов подает рапорт об отставке, ссылаясь на ухудшение здоровья, и уезжает в отпуск на родину. Он живет то в своем имении Горончарове, то у родных в Пскове. Часто бывает в доме на Сергиевской улице, у своего двоюродного брата Гаврилы Петровича, отставного штабс-ротмистра, участника Отечественной войны. У Гаврилы Петровича постоянно собирались его многочисленные друзья: давний его приятель Н. А. Яхонтов, псковский предводитель дворянства, бывший в 1812 г. секретарем и переводчиком при М. И. Кутузове, молодые офицеры Псковского гарнизона И. Е. Великопольский и князь Ф. И. Цинцианов. Оба они служили в лейб-гвардии Семеновском полку в Петербурге, но после волнения в полку в 1820 г. были переведены в армейский полк. Все друзья, как и сам хозяин, были образованными, с передовыми взглядами людьми. Наезжая в Псков из Михайловского, здесь часто проводил вечера Александр Сергеевич Пушкин. Бывал он у Гаврилы Петровича и в сентябре 1825 г. Назимов, находясь в отпуске с сентября по декабрь 1825 г., преимущественно проживая в Пскове, вполне мог встретиться у своего кузена с Пушкиным. Но, возможно, их знакомство могло произойти и ранее — в Петербурге. К тому же Пушкин и Назимов были друзьями Пущиных. Заслуживает внимания следующее свидетельство Н. И. Лорера в его «Записках»: «Назимов поступил в члены тайного общества вместе с Михаилом Пущиным, родным братом Ивана Пущина, и оба были истинными друзьями А. С. Пушкину»[27].

В конце ноября 1825 г. до Пскова и Горончарова, где в это время находился Назимов, дошла весть о смерти в Таганроге Александра I. Назимов хорошо помнил намерения тайного общества действовать в момент смены императоров на престоле. В связи с этим он мог писать Пущину, спрашивая его, возвращаться ли ему срочно в Петербург или подождать. Это можно предположить по тому факту, что 17 декабря Назимов получает записку М. И. Пущина, который просит его поторопиться с приездом в Петербург. В показаниях Следственному комитету о содержании этой записки Назимов и Пущин дают

[27] *Лорер*, с. 261.

разноречивые объяснения. Назимов показывает: «Письмо же от 12 декабря, полученное мною от капитана Пущина 17 того же месяца, не дало мне никакой о том вести либо понятия, ибо, во-первых, я не знал и не подозревал никогда, чтобы он принадлежал к тайному обществу; во-вторых, я просил его при отправлении прошения в отставку за болезнию уведомить меня о ходе ее, и если государю императору Николаю Павловичу не будет она благоугодна, то в сем случае поспешнее меня уведомить, дабы я не замедлил возвратиться, хотя больной, дабы исполнить волю его величества. Уверен будучи в доброте капитана Пущина, полагал, что он, желая мне пользы, нарочито пишет коротко, чтоб я поспешнее прибыл согласно мною ему вышеписанного». Опасаясь, что Комитет может не поверить этому объяснению, он разъясняет далее: «И нарочито хранил записку его в бумажнике, чтобы по приезде попенять ему, уличив самою запискою за таковую безрассудную шутку; в-третьих, истинно я не думал, чтобы общество что-либо могло предпринять по малосилию своему, ибо мне неизвестны были все тайные его действия, число членов и обществ, равно и о сношениях» [28].

Михаил Пущин дает другое объяснение: «Он (член Следственного комитета великий князь Михаил Павлович.— *О. П.)* мне показал свернутую записку и спросил, когда и при каких обстоятельствах я ее писал. Это было письмо, писанное мною 12 декабря к Назимову, бывшему тогда в отпуску в Пскове. Он поручил мне продажу его лошадей и уплату долга вырученными деньгами от продажи их. Срок отпуска его кончался, лошади не продавались, и я, ожидая ежедневно его возвращения, ввиду его неприезда, на всякий случай написал ему несколько слов: «Любезный Назимов, приезжай скорее, дела твои требуют скорого твоего возвращения...» Эти точки возбудили подозрения государя, который поручил великому князю потребовать от меня их смысл. Я сообщил великому князю вышеписанное и сожалел очень, что в теперешних обстоятельствах совершенно невинно поставленные точки могут навлечь на меня новое подозрение, а что еще хуже, скомпрометировать Назимова, который, как я тогда

---

[28] *ВД*, т. 15, с. 198.

заверял великого князя, наверное к обществу не принадлежит»[29].

Можно представить обстоятельства, при которых М. И. Пущин, зная о готовящемся восстании, вызывал в Петербург Назимова. Разумеется, опасаясь вскрытия письма на почте, Пущин писал намеками. Получив это письмо, Назимов собирался выехать, но 18 декабря, как он показывал на следствии, до него доходит известие о вступлении на престол Николая I. Одновременно он узнает также о восстании и его разгроме, хотя на следствии он отрицал это и уверял Комитет, что узнал об этом только по дороге в Петербург[30]. Только известие о поражении восстания изменило маршрут: 19 декабря Назимов отправился в Псков, где присягнул Николаю I, надеясь этим актом отвести от себя подозрение в причастности к событиям 14 декабря, затем выехал в Петербург. Там он намеревался взять обратно свое прошение об отставке. Назимов объясняет Следственному комитету, что «хотя и подал на высочайшее имя прошение в отставку, но ныне по случаю восшествия на престол государя императора Николая Павловича просит, чтобы ему дозволено было продолжать службу»[31]. Военная служба давала больше возможностей быть полезным в случае реализации планов Южного общества.

Назимов прибыл в Петербург 21 декабря. Он явился сразу же в эскадрон и доложил командиру флигель-адъютанту полковнику Зассу о своем возвращении и о желании продолжать службу. Здесь он узнал, что Михаил Пущин арестован на другой день после восстания и идет волна арестов. 26 декабря был арестован и сам Назимов. Как член тайного общества он был назван в показаниях К. Ф. Рылеева 24 декабря и Н. М. Муравьева 25 декабря. 27 декабря Назимов был допрошен самим Николаем I. По свидетельству Н. И. Лорера, на вопросы царя Назимов отвечал смело, даже дерзко[32]. Он занял позицию самого решительного и твердого отрицания своей причастности к тайному обществу. В протоколе допроса, составленном генералом В. В. Левашовым, запи-

---

[29] Пущин М. И. Записки.— Рус. архив, 1908, № 11, с. 444—445.

[30] *ВД*, т. 15, с. 198—199.

[31] Там же, с. 456.

[32] *Лорер*, с. 250—251.

сан ответ Назимова: «Тайному обществу я не принадлежал и ничего об оном не знаю». На этом допросе Назимову было указано: «Показание на вас есть от Рылеева, что вы обществу принадлежали». На это он ответил: «Я был знаком с Рылеевым, служа с ним вместе в конной артиллерии, <...> в Петербурге знакомство наше продолжилось. Ничего от него я не слышал насчет общества, а разговоры наши были большею частию о словесности, коей он занимается. <...> Какое показание на меня сделано бы ни было, я уверен, что последствие докажет вполне мою невинность». При этом Назимов указывал, что «в день происшествия» он был «в Пскове в отпуску, когда же услышал, что государь император Николай Павлович взошел на престол, то, помня все его милости ко мне, решился возвратиться [в] тот же день и службу продолжить», а о самом «происшествии» 14 декабря узнал лишь «20 числа на дороге»[33].

За отсутствием улик Назимов по приказу Николая I был освобожден. Почти месяц он находился на свободе и с караулом своих солдат даже «охранял» царя в Зимнем дворце. Этот случай крепко запомнился Николаю I. Когда в 1832 г. Илья Александрович Назимов обратился с прошением о смягчении участи своего брата, Николай I наложил следующую резолюцию: «Он более виноват, чем другие, ибо мне лично во всем заперся, так что, быв освобожден, ходил в караул внутренний и был на оном даже 6 января 1826 г.»[34].

21 января 1826 г. Е. П. Оболенский, доведенный следствием до состояния глубокой душевной депрессии (его второй месяц содержали в кандалах, «на хлебе и воде»), стал давать «откровенные показания» и в приложении к письму на имя Николая I представил список 62 членов тайного общества, среди которых значился и «штабс-капитан Назимов»[35]. Но еще более опасным для Назимова явилось полученное в тот же день, 21 января, показание полковника М. М. Нарышкина о том, что им был принят в тайное общество «гвардейского Коннопионерного эскадрона поручик Назимов»[36].

---

[33] *ВД*, т. 15, с. 180—181.
[34] *ГБЛ*, ф. 859, карт. 2, ед. хр. 13, л. 11.
[35] *ВД*, т. 1, с. 239.
[36] Там же, т. 14, с. 408.

По этим двум показаниям М. А. Назимов 24 января был вновь арестован и предстал перед следствием. Согласно заведенному порядку протокол первого допроса вел В. В. Левашов, которому Назимов представил написанное «собственноручно» краткое «объяснение»: «Повторяю то, что показал на первом допросе, мне сделанном. Я о тайном обществе ничего не знал и оному не принадлежал. На чем основано мне обвинение, не могу истолковать и приписываю оное единственно клевете. Прошу очной ставки с теми лицами, кои меня обвиняют, и надеюсь сим доказать мою совершенную невинность»[37].

26 января Назимов был вызван в Следственный комитет, который, ссылаясь главным образом на свидетельство М. М. Нарышкина, потребовал от Назимова «чистосердечного показания»: когда был принят в тайное общество, в чем заключались цель и планы его, каково конкретное участие Назимова в делах тайного общества, что «замышляло» общество «противу священных особ царствующей фамилии»[38]. Но и на этот раз Назимов продолжал держаться тактики упорного запирательства. На все десять пунктов предъявленной ему вопросной анкеты он отозвался полным «незнанием». В заключение своих показаний он писал: «<...> дивясь показаниям, на меня сделанным, я отвергаю их как ложь и утвердительно имею честь представить высокопочтенному Комитету, что, не принадлежа к упоминаемому здесь тайному обществу ни с какой стороны, я о действиях и намерениях его был и сам безвестен»[39]. 2 февраля Следственный комитет принял постановление: поскольку Назимов «от всего отрекся, между тем как есть прямые доказательства, что он был член действующий и что на него полагали надежду», перевести его с гауптвахты (Назимов первоначально был помещен в Главную гауптвахту) в Петропавловскую крепость и дать «для уличения» очные ставки[40].

Следственный комитет приступил к опросу других декабристов о Назимове. 2 февраля он потребовал показаний от М. И. Пущина, что значили сказанные им накануне 14 декабря А. А. Бестужеву слова: «Жаль, что Назимова здесь нет!», когда и кем Назимов был принят в

---

[37] Там же, т. 15, с. 182.
[38] Там же, с. 182—183.
[39] Там же, с. 183—184.
[40] *ЦГАОР*, ф. 48, д. 26, л. 133.

тайное общество и в чем заключались обещания Назимова содействовать «предприятию оного». Пущин в своем показании заявил, что он не помнит сказанных А. Бестужеву слов, а также отрицал принадлежность Назимова к тайному обществу. Но в своем «дополнительном» показании от 3 февраля Пущин уже более определенно говорил о вероятности сказанных им слов о Назимове[41]. Из приведенных слов Пущина, сказанных на последнем заседании 13 декабря у Рылеева, когда был принят окончательный план вооруженного выступления, следствие заключило, что члены тайного общества очень рассчитывали на содействие Назимова, будь он в то время в Петербурге. Эти слова Пущина еще раз убеждали следствие в том, что Назимов — «деятельный член общества», имевший в нем значительный вес и влияние.

15 февраля в Следственный комитет поступило (по его запросу) «подробное донесение» от командира эскадрона флигель-адъютанта полковника К. К. Засса о «поведении» в день 14 декабря 1825 г. Назимова и его сослуживца по Коннопионерному эскадрону капитана Пущина. В донесении Засс писал, что Назимов явился к нему 21 декабря из отпуска и хотя ранее подал прошение об отставке, «но ныне, по случаю восшествия на престол государя императора Николая Павловича, просил, дабы ему дозволено было продолжать службу». Далее Засс писал: «Капитан Пущин и штабс-капитан Назимов, по сделанной мною справке, никакого не имели сношения с нижними чинами»[42]. Совершенно очевидно, Засс выгораживал своих подчиненных, замешанных в заговоре.

27 февраля Следственный комитет получил показание М. Д. Лаппы о том, что Лаппа познакомился с Назимовым летом 1824 г., а в начале 1825 г. Назимов ему «открылся», что он член тайного общества и имеет поручение «пригласить» Лаппу «в оное», а также просил Лаппу назвать возможных кандидатов в тайное общество среди офицеров лейб-гвардии Измайловского полка, в котором Лаппа служил[43]. Как потом было установлено следствием, Лаппа выполнил это поручение, и Назимов при-

---

[41] *ВД*, т. 15, с. 184—185.
[42] Там же, т. 14, с. 456.
[43] Там же, т. 15, с. 171—172, 187.

нял в тайное общество офицеров этого полка А. А. Фока и Н. П. Кожевникова.

2 марта Следственный комитет допросил о Назимове М. М. Нарышкина, Н. М. Муравьева, Е. П. Оболенского, К. Ф. Рылеева, И. И. Пущина, А. А. Бестужева, С. П. Трубецкого и А. И. Одоевского. Нарышкин еще раз подтвердил факт принятия им в тайное общество Назимова, уточнив, что принял его в 1823 г. и объявил ему конечную цель общества и что Назимов был тесно связан с руководителями Северного общества К. Рылеевым, Н. Муравьевым, Е. Оболенским. Н. Муравьев, подтвердивший свое прежнее показание о принадлежности Назимова к тайному обществу, дополнил, что Назимов «был в сношении» с ним (Н. Муравьевым), Оболенским и Рылеевым. Оболенский показал, что Назимов занимался «умножением числа членов общества» и принял в него Лаппу и Гангеблова. И. Пущин лишь подтвердил свои прежние показания. Рылеев отсылал к Оболенскому как к наиболее осведомленному о Назимове члену тайного общества. А. Бестужев, А. Одоевский и С. Трубецкой отозвались «незнанием» [44].

3 марта 1826 г. Назимов под тяжестью предъявленных ему следствием улик изъявил готовность дать подробные и откровенные показания. На предложенные Следственным комитетом 8 марта вопросы он дал следующие показания: да, он действительно был принят в тайное общество в 1823 г. Нарышкиным и сам, в свою очередь, принял в общество Кожевникова и Лаппу, имел связи по делам общества с Рылеевым, Оболенским и Никитой Муравьевым, участвовал в обсуждении конституции Н. Муравьева (Назимов даже рассказал о содержании этой конституции и заявил свое несогласие с ней), знал о плане Пестеля «о разделении земель», читал «Записку о необходимости законов» Д. И. Фонвизина. Назимов назвал некоторые фамилии уже известных следствию членов тайного общества, а свое прежнее запирательство объяснил тем, что «от страха потерял рассудок», и просил следствие «о снисхождении» [45]. Эти показания Назимова были рассмотрены в Следственном комитете 16 марта. Еще две недели Комитет сопоставлял их с другими показаниями

---

[44] Там же, с. 186—189.
[45] Там же, с. 199—200.

подследственных и 28 марта признал ответы Назимова «достаточными и не требующими пополнения»[46]. Казалось, что следствие об участии Назимова в тайном обществе на этом должно было бы закончиться. Однако в середине мая 1826 г. Следственный комитет снова занялся допросами Назимова и связанных с ним других декабристов по наиболее «криминальному» и опасному для них вопросу о «замыслах цареубийства».

Следует отметить, что выяснение планов и замыслов декабристов на «цареубийство» являлось одной из важнейших задач, поставленных Николаем I Следственному комитету. На завершающем этапе следствия эта задача выдвинулась на первый план, оттеснив все остальные. Практически все расследование заговора декабристов свелось к проблеме «цареубийства», к выяснению всех ее деталей. Тем самым Николай I стремился доказать, что речь шла лишь о «заговорщиках-цареубийцах», что должно было также и «оправдать» в глазах русского и западноевропейского общественного мнения готовившуюся суровую расправу над декабристами. Для следствия было недостаточно выявить круг непосредственных инициаторов и участников разрабатывавшихся планов покушений на царя. Для следствия, которое вело процесс «цареубийц», очень важно было «уличить» в причастности к этим планам как можно большее число подследственных декабристов. Следует подчеркнуть, что «криминалом» служило не только непосредственное участие подследственного в «умысле на цареубийство» или даже «согласие» с этим «умыслом», но и само «знание об умысле на цареубийство» и недонесение об этом властям.

К середине мая 1826 г. следствие получило некоторые данные о причастности Назимова к «замыслам цареубийства». 16 мая была дана очная ставка Гангеблову с Лаппой. Она была вызвана показаниями Гангеблова от 28 апреля о том, что он еще до своего вступления в тайное общество слышал от Лаппы о намерении «какого-то офицера» совершить покушение на Александра I «в 1823 или 1822 году» «во время лагерного расположения». Лаппа опровергал этот факт. На очной ставке с Лаппой Гангеблов еще раз подтвердил свое показание. Лаппа хотя и отрицал это показание, однако «объяснил», что «быть мо-

---

[46] *ЦГАОР*, ф. 48, д. 25, л. 211; д. 26, л. 312 об.

жет, что он что-нибудь подобное и рассказал Гангеблову из слов Назимова»[47]. В тот же день к допросу был вызван Назимов, и ему прямо было указано, что он «неоднократно» говорил Лаппе о людях, готовых «покуситься на жизнь покойного государя». Не допуская до очной ставки с Лаппой, Назимов вынужден был согласиться с его показаниями, заявив, что все это он сам слышал от Оболенского осенью 1825 г.[48] Данный момент, несомненно, усугублял вину Назимова, однако впоследствии в качестве одного из пунктов обвинения он не был ему предъявлен. Несомненно, что здесь, по-видимому, сыграл немалую роль правитель дел Следственного комитета А. Д. Боровков, который, как доказано исследователями, сочувственно относился к подследственным декабристам и как-то стремился смягчить их положение в составляемых им «записках о силе вины», направленных потом в Верховный уголовный суд[49].

В «записке о силе вины» Назимова Боровков писал: «Что касается до действий Назимова, то он, <...> кроме принятия двух членов: подпоручиков Лаппы и Кожевникова, <...> ничем обществу не содействовал и ни о каких замыслах оного против особ августейшего дома не знал». Напротив, говорится в «записке», когда Назимов узнал от Оболенского об «одном приехавшем в столицу для покушения против жизни покойного государя» (имелся в виду А. И. Якубович), то «ужаснулся» этому и требовал от Оболенского назвать имя «этого злодея». Боровков далее писал в «записке» о Назимове: «В совещаниях общества никогда Назимов ни у кого не бывал и о возмущении 14 декабря совершенно никем предварен не был»,— и в заключение делал вывод: «Сверх объявленного самим Назимовым ни в чем более он не обвиняется»[50].

Но здесь, конечно, решающую роль сыграло мужественное поведение самого Назимова на следствии. В литературе до сих пор весьма распространено мнение о том, что если не все, то подавляющее большинство декабристов вели себя на следствии малодушно, якобы чуть ли

---

[47] *ВД*, т. 15, с. 174.

[48] Там же, с. 200—201.

[49] Записки Александра Дмитриевича Боровкова.— Рус. старина, 1899, № 11, с. 353.

[50] *ВД*, т. 15, с. 204.

не с первых допросов выдавали все и вся, каялись, подробно рассказывая о себе и оговаривая своих товарищей. По фактам откровенных показаний тех из декабристов, которые действительно не смогли проявить достаточной стойкости, по их «покаянным» письмам к царю с мольбами о пощаде делается неверный вывод о таковом поведении на следствии всех вообще декабристов. К тому же как-то мало учитываются и сама обстановка, условия, в которых содержались подследственные декабристы (одиночное заключение, заковывание в кандалы и пр.), и изощренные приемы следователей, добивавшихся показаний, а главное, и то, что эти показания следствие получало после того, как подследственному предъявлялись многочисленные «улики» на основе показаний других, устраивались очные ставки, давались обещания и применялись угрозы. На деле шла напряженная борьба узников со следователями. Подследственные всячески стремились скрыть наиболее опасные факты из своей деятельности в тайном обществе или хотя бы приуменьшить их значение, отзываясь «незнанием» или «забывчивостью».

Типичный пример такого поведения на следствии являет собой декабрист М. А. Назимов. Долго следователи не могли у него вырвать признания в принадлежности его к тайному обществу. Когда Назимову предъявили веские улики из показаний других декабристов и он понял, что дальнейшее полное запирательство бесполезно, меняется и его тактика поведения на следствии. Он изъявляет готовность дать «чистосердечные» и «откровенные» показания, признает ставшие очевидными факты его участия в тайном обществе и даже принятия им в общество других, называет следствию уже известных членов тайного общества, сознается в «непозволительных разговорах». Но под видом внешней «откровенности» Назимову удалось скрыть от следствия многое о своей активной роли в тайном обществе, о знании его сокровенных тайн, об участии в разработке его программных положений.

Верховный уголовный суд над декабристами, учрежденный манифестом 1 июня 1826 г., в приговоре от 8 июля 1826 г. отнес Назимова к восьмому разряду осужденных и приговорил его «к лишению чинов, дворянства и к ссылке на поселение»[51]. Николай I в указе-конфирма-

---

[51] Там же, т. 17, с. 233.

ции от 10 июля 1826 г. оставил приговор Назимову без изменения[52]. В день коронации 22 августа 1826 г. был издан указ о некотором смягчении мер наказания осужденным декабристам. По этому указу срок ссылки в Сибири для Назимова был определен в 20 лет[53].

За день до объявления приговора Назимову было разрешено свидание с матерью и братом Сергеем[54]. Больше им не суждено было встретиться — мать и брат умерли до возвращения Назимова на родину.

В конце июля 1826 г. началась отправка осужденных декабристов на каторгу и в ссылку. Согласно разработанной инструкции осужденных отправляли через день партиями по два человека, в сопровождении фельдъегеря и четырех жандармов. Вывозили осужденных из Петропавловской крепости ночью, а само следование их в Сибирь держалось в строжайшем секрете. Коменданту крепости сообщали об очередной партии осужденных только накануне ее отправки. Сам путь следования был выбран, минуя Москву, Ярославским трактом. Назимов был отправлен в Сибирь 2 августа 1826 г. вместе с Н. С. Бобрищевым-Пушкиным, осужденным также по восьмому разряду. Несмотря на принимаемые властями строгие меры, чтобы исключить всякую возможность встреч ссылаемых с их родственниками, эти встречи все-таки происходили, осужденным передавали деньги, теплую одежду и прочие вещи. Неделями на станциях, через которые провозили осужденных декабристов, поджидали их родственники. Назимова никто не ждал, но родственники других осужденных нашли возможность и его снабдить некоторой суммой денег и необходимыми вещами.

Ссыльных везли быстро. 30 августа 1826 г. Назимов прибыл в Иркутск, проехав почти шесть тысяч верст расстояния от Петербурга до Иркутска за 28 дней. Следовавший вместе с ним Н. С. Бобрищев-Пушкин заболел в пути и был оставлен временно в Красноярске. В Иркутск Назимов прибыл в партии с другим «восьмиразрядником» — В. М. Голицыным. Население Иркутска с большим сочувствием относилось к декабристам. Тепло

---

[52] Там же, с. 245.

[53] *ПСЗ*. Собр. 2-е, т. 1, № 548.

[54] *ЦГИА*, ф. 1280, оп. 1, д. 3, ч. 1, л. 405 — Предписание дежурного генерала Главного штаба коменданту Петропавловской крепости от 11 июля 1826 г.

были встречены Назимов и Голицын. К почтовой избе, где их поместили, было настоящее паломничество местной «интеллигенции». Полицмейстер города запретил посещение ссыльных под предлогом избавления их от «лишнего беспокойства». Власти налагали строгие взыскания на чиновников, допускавших «послабления» декабристам. Так, статский советник Горлов, временно замещавший генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского, был предан суду за «неправильные действия при распределении государственных преступников»[55]. Пострадал также советник иркутского губернского правления Здор, который посещал декабристов во время проезда их через Иркутск, снабжал их книгами, оказывал им денежную помощь и передавал вести о ссыльных их родным. По этому делу производилось специальное расследование. На следствии Здор показал, что он посещал в числе других ссыльных и Назимова, которого «знал еще в С.-Петербурге». Здор уверял следователей, что «не было никаких разговоров, важность в себе заключающих», лишь «было общее сокрушение о здоровье каждого из нас», однако сознался, что давал Назимову и другому сосланному декабристу С. Г. Краснокутскому некоторые книги («Римскую историю», сочинения Жан-Жака Руссо и пр.). Хотя следствие и не собрало против Здора веских улик, он по распоряжению Николая I, после трехмесячного заключения, был уволен со службы и отдан под надзор полиции с запрещением ему въезда в Москву и Петербург[56].

В Иркутске Назимов пробыл пять дней. В это время сюда был доставлен и Н. С. Бобрищев-Пушкин. 3 сентября 1826 г. они были отправлены из Иркутска в Якутск. Туда были отправлены также А. А. Бестужев и В. М. Голицын. Все четверо прибыли в Якутск 21 сентября. Начальник этого края Н. И. Мягков благожелательно отнесся к сосланным декабристам, чем впоследствии вызвал недовольство у А. С. Лавинского.

Якутск не был конечным пунктом ссылки Назимова. В тот же день 21 сентября 1826 г. он вместе с Н. С. Боб-

---

[55] *ЦГВИА*, ф. 36, оп. 4/847, д. 389, л. 15.

[56] Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. 1925, с. 13—14; Н[иколаев]ский Б. Отклики событий 1825 года в Сибири.— Сибирский рассвет, 1919, № 7, с. 119.

рищевым-Пушкиным (Голицын и А. Бестужев оставались в Якутске) был отправлен в Среднеколымск, куда они прибыли 5 ноября. Назимову предстоял дальнейший путь — в Верхнеколымск, место предназначенного ему поселения, куда он прибыл 13 ноября. Верхнеколымск был тогда одним из самых захолустных и заброшенных в Северо-Восточной Сибири населенных пунктов, с несколькими избами и десятком — двумя жителей. «Наши судьи-умники сослали Назимова в такую глушь, что фельдъегерь, везший его туда, чуть было не потерялся»,— вспоминает Н. И. Лорер[57].

По приезде в Верхнеколымск Назимов заболел. И. Д. Якушкин пишет в своих «Записках»: «Казаки, получив предписание держать Назимова под строгим надзором и вместе с тем беречь его здоровье, не знали, что с ним делать; они заперли его в одной из своих юрт, отправив гонца в Якутск с донесением, что Назимов болен и что они не знают, чем его кормить; сами они зимой питаются вяленой рыбой»[58].

3 декабря 1826 г. в Верхнеколымск пришло распоряжение о переводе Назимова в Витим. Декабрист воспрянул духом. Появилась надежда на улучшение условий ссылки, на возможность встречи с товарищами. 29 января 1827 г. по пути в Витим Назимов снова прибыл в Якутск, где встретился с А. А. Бестужевым (В. М. Голицын был уже переведен в Киренск), которому поведал многое о своем пребывании на Колыме, о жизни и быте якутов. Эти наблюдения Назимова А. Бестужев использовал при написании «Отрывков из рассказов о Сибири»[59].

Витим, слобода Киренского уезда Иркутской губернии, где предстояло отбывать дальнейший срок поселения Назимову, насчитывал тогда до ста дворов с 250 жителями. По сравнению с Верхнеколымском это было уже крупное селение. Но главное — Назимов не чувствовал себя здесь одиноким: в Витиме отбывали ссылку декабристы Н. А. Загорецкий и Н. Ф. Заикин.

О жизни ссыльных декабристов в Витиме мы распо-

---

[57] *Лорер*, с. 262.

[58] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 92.

[59] Марлинский. Полн. собр. соч. СПб., 1839, ч. 1, с. 191—232.

лагаем скудными и отрывочными данными. В 1829 г. в Сибирь «для собрания сведений о ссыльных государственных преступниках и наблюдения за их сношениями и связями» был командирован III Отделением жандармский полковник С. А. Маслов. В числе других мест поселений декабристов Маслов посетил и Витим. «Назимов, Заикин и Загорецкий,— доносил он начальнику III Отделения А. Х. Бенкендорфу,— поселены в слободе Витим Киренского уезда, построили своими руками на берегу Лены дом, завели огород, занимаются домашним хозяйством и рыбной ловлей. Сами рубят в лесу дрова, обстраивают двор. Назимов, сверх того, обучает крестьянских детей грамоте и занимается чтением. По воскресеньям они ходят в церковь и посещают иногда купцов Ширяева и Черепанова. Получая от матери значительное пособие, он помогает Загорецкому. Надзор за ними поручен волостному начальству»[60]. В этом донесении жандармского чиновника отражена обычная жизнь находившихся на поселении декабристов, добывавших трудами своих рук себе пропитание, оказывавших взаимную материальную поддержку друг другу. Характерно свидетельство об обучении Назимовым местных «крестьянских детей» — один из фактов широкой просветительной деятельности декабристов в Сибири.

Весной 1829 г. в Восточной Сибири путешествовали лейтенант норвежского флота Дуэ и немецкий физик Г. А. Эрман. Они входили в состав снаряженной норвежским правительством научной кругосветной экспедиции, которая, проделав путь от Петербурга до Иркутска, поручила Дуэ отправиться по Лене к северу для определения точного пункта магнитного полюса, а сама отправилась до Охотска, откуда через Тихий и Атлантический океаны вернулась на родину. Лейтенант Дуэ посетил Якутск, Вилюйск, Витим и другие места, где находились в ссылке декабристы. Находившийся на поселении в Вилюйске М. И. Муравьев-Апостол впоследствии писал в своих воспоминаниях: «Судя по письму Дуэ из Якутска в мае месяце, я убедился в живом и дружеском участии, какое он принимал в моей судьбе, равно и всех моих товарищей, поселенных вдоль по Лене, с которыми он ус-

---

[60] *ГПБ*, ф. 859, карт. 2, ед. хр. 18, л. 5—6 об.

БОГОРОДИЦЕ-РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОБОР В КУРГАНЕ. ПРОЕКТ М. А. НАЗИМОВА
Музей декабристов, г. Курган

пел сблизиться. Бестужев (А. А.— *О. П.*), Андреев, Веденяпин, Чижов, Назимов, Загорецкий, Заикин — все его полюбили, а последний, бывший хорошим математиком, по просьбе его взялся проверить сделанные им астрономические исчисления» [61].

Ссыльная жизнь для Назимова и его товарищей в далеком и захолустном тогда Витиме становилась все более безотрадной и невыносимой. 7 мая 1829 г. Назимов, Загорецкий, Заикин и находившийся тогда в Киренске Ап. В. Веденяпин (Голицын уже выехал на Кавказ) подали коллективное прошение на имя Николая I об отправке их рядовыми на Кавказ. Царь отказал в их просьбе. Военный министр А. И. Чернышев писал местному начальству, через которого было подано прошение: «На просьбу их (ссыльных.— *О. П.*) высочайшего соизволения не последовало» [62].

---

[61] Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1981, с. 211.
[62] *ЦГВИА*, ф. 36, оп. 7/850, св. 51 а, д. 62, л. 6.

В 1829 г. умер в возрасте 28 лет Н. Ф. Заикин. Смерть близкого друга тяжело подействовала на Назимова. Здоровье самого Назимова заметно ухудшилось. Он усиленно хлопочет о переводе его из Витима в менее суровое место поселения. В хлопотах ему помогает мать. 19 апреля 1830 г. она подает прошение на имя Николая I, в котором умоляет монарха о «соизволении» разрешить провести сыну «остаток дней своих в лучшем климате Сибири», так как «теперешнее четырехлетнее пребывание в самой пустынной и суровой северо-восточной Сибири, селении Витиме, совершенно расстраивает слабое здоровье его». Матери удалось добиться перевода сына в г. Курган Тобольской губернии [63].

В августе 1830 г. Назимов был поселен в Кургане, насчитывавшем тогда свыше двух тысяч жителей — значительном по тому времени городе Западной Сибири. В 1830-х гг. в Кургане сложилась целая колония ссыльных декабристов. Еще в мае 1830 г. здесь был поселен В. Н. Лихарев, а в декабре того же года — И. Ф. Фохт, в 1832 г. сюда были переведены Н. И. Лорер и с семьями А. Е. Розен и М. М. Нарышкин — близкий друг Назимова. В 1836 г. из далекого Пелыма в Курган был переведен А. Ф. Бригген, а в 1837 г. из Иркутской губернии — П. Н. Свистунов.

Поселенный в Кургане в числе первых декабристов, Назимов много сделал для устройства быта других прибывших сюда ссыльных декабристов. А. Е. Розен вспоминал, что Назимов «своими правилами, действиями, образом жизни приготовил для вновь прибывающих товарищей самый лучший прием и самое выгодное мнение со стороны местных жителей. <...> всегда утешительно было иметь вблизи и в виду такого товарища, с которым изгнанник, даже одинокий, не может скучать или сказать, что он один» [64].

Назимов, как знающий и опытный инженер, много сделал для благоустройства г. Кургана. Как пишет в своих воспоминаниях Розен, «Назимов чертил планы для обстраивающихся в городе, для сооружения новых церквей в селениях и начертил план для новой курганской

---

[63] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 41, л. 2—3.

[64] Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 291 (далее: *Розен*).

М. М. НАРЫШКИН
Карандашный рисунок М. А. Назимова (?)
Г. Курган, лето 1837 г. *ИЗО ГИМ*

церкви по плану храма в селе Большой Каменке, в имении жены моей»[65]. Здесь Розен упоминает о соборе Рождества богородицы, построенном по проекту Назимова (уже после его выезда из Кургана). Собор был построен в стиле господствовавшего тогда классицизма. К сожалению, он не сохранился.

Декабристская колония в Кургане получала много газет и журналов как русских, так и иностранных, выписывала книги, находилась в курсе общественно-политической жизни России и других стран. По свидетельству Розена, они получали «занимательнейшие книги из новейших сочинений», Назимов «много читал и писал»[66]. Декабристы занимались просвещением местного населения.

[65] Там же, с. 300.
[66] Там же.

В начале июня 1837 г. наследник престола Александр Николаевич (будущий Александр II), путешествуя вместе со своим воспитателем, известным поэтом В. А. Жуковским по России, посетил и Западную Сибирь. Как вспоминает Розен, некоторые декабристы думали воспользоваться этим случаем, чтобы обратиться к наследнику с ходатайством о возвращении на родину, однако «по зрелому размышлению» они отказались от этой мысли, ибо, как указывает Розен, если бы даже их ходатайство и было удовлетворено, то «самая небольшая часть из всех наших соизгнанников пользовалась бы милостью, между тем как большинство наших, разбросанных по всем направлениям Сибири, остались бы исключенными»[67]. Со стороны В. А. Жуковского, вероятно, была предпринята какая-то попытка ходатайствовать перед царской семьей о смягчении положения ссыльных декабристов. Так, в письме к императрице Александре Федоровне (супруге Николая I) от 24 июня 1837 г. он сообщал о том, что видел в Кургане ссыльных Бриггена, Лорера и Назимова и что якобы его поразила их «смиренная покорность судьбе своей, в то же время признание вины своей»[68]. Слова о «смиренной покорности судьбе» и «признании своей вины» декабристами, несомненно, были рассчитаны на то, чтобы произвести соответствующее впечатление и на самого Николая I. В своей дневниковой записи от 6 июня 1837 г. Жуковский ни словом не упоминает о «покорности» и «смирении» ссыльных декабристов, зато подчеркивает тяжелые условия их ссылки[69]. Как вспоминает Розен, властям г. Кургана было «строжайше предписано» ни в коем случае «не допускать до наследника никого из государственных преступников». Вместе с тем Розен свидетельствует, что сопровождавшему наследника полковнику В. И. Назимову было дозволено навестить своего ссыльного двоюродного брата. Розен далее указывает, что будто бы наследник даже послал с фельдъегерем письмо императору с ходатайством о возвращении на родину находившихся в Кургане декабристов, на что царь ответил, что «этим господам путь в Россию ведет чрез Кавказ», и «всемилостивейше повелеть соизволил»: назначить их

---

[67] Там же, с. 312.
[68] Рус. архив, 1874, № 1, с. 61—62.
[69] Рус. старина, 1902, № 7, с. 322—324.

И. Д. ЯКУШКИН
Рисунок М. А. Назимова, 1837 г. *ИЗО ГИМ*

«рядовыми в Отдельный Кавказский корпус и немедленно отправить на службу!» [70]

21 июня 1837 г. действительно последовало повеление царя о переводе находившихся в Кургане ссыльных декабристов Розена, Лорера, Лихарева, Нарышкина и Назимова на службу рядовыми в Отдельный Кавказский корпус [71].

Декабристы отнеслись к этой «царской милости» по-разному. Лорер рассматривал ее как «новое наказание». Бригген заявил, как вспоминает Лорер, что «желает лучше остаться посельщиком (ссыльным.— *О. П.*) и граж-

[70] *Розен*, с. 318.
[71] *ЦГВИА*, ф. 395, оп. 274, д. 68.

данином, чем солдатом армии Николая Павловича». Назимов и Нарышкин отнеслись к этому спокойнее. Нарышкин «даже радовался случаю, который давал ему возможность вывезти жену свою из Сибири и мог доставить ей свидание с матерью и братьями» [72]. В конечном счете находившиеся в Кургане декабристы пришли к мнению, что им предоставляется единственная возможность вернуться на родину. Начались сборы в дальний путь — в действующую армию на Кавказ.

21 августа 1837 г. Назимов, Лихарев, Лорер и Нарышкин выехали из Кургана. Несколько позднее последовал за ними Розен. Остались А. Ф. Бригген и И. Ф. Фохт — самые старшие из живших в Кургане декабристов (первому в то время исполнилось 45, а второму 43 года). Местное городское общество устроило теплые проводы отъезжающим. Путь их следования шел через Ялуторовск и «столицу» Западной Сибири Тобольск, где жили на поселении многие декабристы. Наиболее значительной была колония ссыльных декабристов в Ялуторовске. Здесь ехавшие на Кавказ курганские декабристы встретились с В. К. Тизенгаузеном, А. В. Ентальцевым, М. И. Муравьевым-Апостолом и И. Д. Якушкиным. Во время краткого свидания с ними Назимов нарисовал карандашом их портреты, из которых сохранилось, к сожалению, только два — Якушкина и близкого к декабристам польского революционера Готфарда Собаньского. Видный специалист по декабристской иконографии М. Ю. Барановская высоко оценила реализм и художественные достоинства этих сохранившихся портретов. «Облик одного из лучших людей и виднейших декабристов,— писала она о портрете И. Д. Якушкина,— дан Назимовым в контурах, но в этих штрихах видна сильная индивидуальность портретируемого, его нравственная чистота». «Замечательным портретистом», по словам М. Ю. Барановской, «показал себя» Назимов в портрете Собаньского: «Легкие точные штрихи карандаша великолепно обрисовывают прекрасную голову, окаймленную кудрявыми волосами. Строгое мужественное лицо говорит о его духовном богатстве, что художник подметил очень тонко» [73].

---

[72] *Лорер,* с. 179—180.

[73] Барановская М. Ю. Художники-декабристы.— В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1952, с. 198—199.

Г. М. СОБАНЬСКИЙ
Рисунок М. А. Назимова, 1837 г. *ЦГАОР*

В Тобольске Назимов, Лихарев, Лорер и Нарышкин должны были дожидаться А. И. Одоевского и А. И. Черкасова, также отправляемых рядовыми в действующую армию на Кавказ. По пути из Тобольска на Кавказ Назимов особенно сдружился с Одоевским. Хотя Одоевский был всего на год моложе Назимова, тот относился к поэту-декабристу как старший к младшему, проявляя о нем большую заботу. За эту заботу горячо благодарил Назимова отец поэта Иван Сергеевич Одоевский в письме к нему от 1 октября 1837 г. В этом письме он просил Назимова прислать обещанный им портрет своего сына. Назимов выполнил просьбу И. С. Одоевского. Это видно из письма А. И. Одоевского от 21 июня 1839 г. к Назимову. Он сообщал Назимову, как умирающий отец «слабым голосом» потребовал подать ему «тот портрет, который ты подарил ему», и «попросил положить ему на

грудь, прижал его обеими руками»; «портрет сошел с ним в могилу»[74].

8 октября 1837 г. Назимов со своими товарищами прибыл в Ставрополь, где находилась штабс-квартира командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерала А. А. Вельяминова. Тому уже 21 июня 1837 г. военным министром было направлено следующее предписание: «Государь император повелеть соизволил находящихся на поселении государственных преступников <...> определить рядовыми в Отдельный Кавказский корпус, назначив их в разные батальоны под строгий присмотр и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию (рядовыми.— *О. П.)* и без всяких облегчений»[75]. А. А. Вельяминов весьма сочувственно отнесся к сосланным на Кавказ декабристам, нарушив тем царскую инструкцию о «строгом» за ними «присмотре» и подчинении их всем тягостям строевой службы рядовых солдат «без всяких облегчений». Уже на первой встрече с присланными на Кавказ декабристами Вельяминов недвусмысленно дал им понять, что он создаст наиболее благоприятные условия для того, чтобы быстро дослужиться до первого офицерского чина, который давал право на отставку и возвращение на родину. Он сказал им: «Ежели у нас начнутся экспедиции на правом фланге, я пошлю вас туда; ежели на левом, я переведу вас в действующие отряды, а потом наше дело будет постараться освободить вас как можно скорее от вашего незавидного положения». При этом он предупредил их о тайном правительственном надзоре за ними: «Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами»[76]. Благожелательно отнесся к сосланным на Кавказ декабристам и командующий Кубанской линией генерал Г. Х. Засс, под начальство которого попал со своими друзьями Назимов. Друг А. И. Герцена и Н. П. Огарева Н. М. Сатин, бывший тогда на Кавказе, вспоминал, как Засс, когда ему доложили о прибытии шестерых ссыльных декабристов (в числе которых был и Назимов), приказал «пригласить» их к себе и «принял их не как

---

[74] Приложения 8 и 9, с. 186—187 наст. изд.
[75] *ЦГВИА*, ф. 395, оп. 274, д. 68, л. 1.
[76] *Лорер*, с. 189, 225.

подчиненных, а как товарищей». После этой встречи, рассказывает далее Сатин, «отправились провожать наших новых знакомых до гостиницы, в которой они остановились», потом «велели подать шампанского, и пошли разные либеральные тосты и разные рассказы о 14-м декабря и обстоятельствах, сопровождавших его»[77]. Этот рассказ Сатина живо воссоздает картину обстановки доброжелательства к ссыльным декабристам со стороны передового офицерства и местной кавказской интеллигенции и свидетельствует об их важнейшем интересе к «событиям 14-го декабря».

В Ставрополе в то время находился М. Ю. Лермонтов. Вскоре состоялась его встреча с прибывшими сюда декабристами. 8—10 октября 1837 г. Лермонтов встретился с А. И. Одоевским. Относительно времени встречи и начала знакомства Назимова с Лермонтовым в литературе высказываются различные мнения. И. Л. Андроников утверждает, что встреча могла состояться не ранее 1840 г. Полагаем, что эта встреча Лермонтова с декабристами (в том числе и с Назимовым) могла состояться в первой половине октября 1837 г. Как видно из предписания казачьему уряднику Кононову от 16 октября 1837 г. «отправиться из Ставрополя в г. Екатеринодар с государственными преступниками Лорером, Черкасовым и Назимовым»[78], декабристы находились в Ставрополе не менее восьми дней. Лермонтов приехал в Ставрополь 3 или 4 октября, находился там до 22 октября. Учитывая, что в это время в Ставрополе находились общие знакомые декабристов и Лермонтова Н. В. Майер и Н. М. Сатин, а также большой интерес Лермонтова к ссыльным декабристам, можно с полной вероятностью заключить, что встреча их могла иметь место в первой половине октября 1837 г.

Во второй половине октября 1837 г. декабристы, находившиеся в Ставрополе, были отправлены в назначенные для них полки: Нарышкин — в Навагинский, Лорер и Черкасов — в Тенгинский, Лихарев — в Куринский, Назимов — в Кабардинский егерский, Одоевский — в Нижегородский драгунский. Последним (22 октября) из Ставрополя вместе с Лермонтовым в свой полк (где

---

[77] Из воспоминаний Н. М. Сатина.— В кн.: Почин. М., 1895, с.250.
[78] *ЛН*, т. 60, кн. 1, с. 511.

и служил Лермонтов) отправился Одоевский. Находясь при полках, декабристы жили на своих частных квартирах (Нарышкин в Прочном Окопе имел даже собственный домик), им дозволялось ездить в Ставрополь, Пятигорск, Владикавказ, что было нарушением царских инструкций. Во всем остальном они несли все тяготы службы рядового солдата, должны были «носить солдатские шинели и иметь за плечом солдатское ружье и патроны», как вспоминает служивший в то время на Кавказе декабрист А. П. Беляев[79].

Ссыльные декабристы, в том числе и Назимов, участвовали в качестве рядовых солдат в многочисленных военных «экспедициях» в горы[80]. Экспедиции проводились обычно с мая до глубокой осени и сопровождались немалыми потерями. Почти половина сосланных на Кавказ декабристов нашла здесь свою гибель. В 1829 г. был смертельно ранен Иван Бурцов, в 1837 г. был убит Александр Бестужев, в 1839 г. умер от лихорадки Александр Одоевский, в 1840 г. в битве при Валерике (так ярко описанной Лермонтовым) был изрублен в куски Владимир Лихарев, в 1842 г. погиб Василий Дивов.

В 1840—1841 гг. Назимов неоднократно встречался с Лермонтовым. Их отношения переросли в теплую дружбу, прерванную трагической гибелью поэта. Об этих отношениях декабриста и поэта сохранились немногие, но ценные свидетельства современников. Прапорщик А. Д. Есаков, служивший в 1840 г. вместе с Лермонтовым на Кавказе, вспоминает, что когда к ним из Прочного Окопа в Ставрополь приезжал Назимов, то их «кружок особенно оживлялся. Несмотря на скромность свою, Михаил Александрович Назимов как-то само собой выдвигался на почетное место, и все, что им говорилось, бывало выслушиваемо без перерывов и шалостей, в которые чаще других вдавался Михаил Юрьевич [Лермонтов]. Никогда я не замечал, чтобы в разговоре с М. А. Назимовым Лермонтов позволял себе обычный тон persiflag'а (насмешки.— *франц.)*»[81]. Об этих встре-

---

[79] Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882, с. 416.

[80] Зиссерман А. Л. История 80-го Кабардинского полка. СПб., 1881, т. 2, с. 93.

[81] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964, с. 261—262.

ЦЕРКОВЬ И СКЛЕП А. Г. МУРАВЬЕВОЙ В ПЕТРОВСКОМ ЗАВОДЕ
Рисунок М. А. Назимова (копия с акварели Н. А. Бестужева), 1837 г.
Всесоюзный музей А. С. Пушкина

чах с Лермонтовым, разговорах и спорах с ним рассказывал в своих воспоминаниях уже на склоне лет сам М. А. Назимов биографу М. Ю. Лермонтова П. А. Висковатому[82]. Интересны также воспоминания князя А. И. Васильчикова, записанные Висковатым, о спорах Назимова с Лермонтовым о «современной молодежи», ее склонностях и увлечениях, о браваде, которую напускал в этих спорах на себя Лермонтов, о той любви, которую питал Назимов к великому поэту. «Он (Назимов.— *О. П.)* научил меня с уважением относиться к уму и талантам Лермонтова»,— вспоминал А. И. Васильчиков[83].

Когда в 1874 г. в журнале «Русский вестник» была опубликована повесть Б. М. Маркевича «Две маски»[84], содержавшая несправедливый отзыв о М. Ю. Лермонтове, М. А. Назимов выступил со статьей в газете «Голос»[85] с протестом против повести Маркевича.

Солдатская служба при Николае I сама по себе уже

---

[82] Приложение 7, с. 185 наст. изд.
[83] Там же, с. 186.
[84] Рус. вестник, 1874, № 12.
[85] Голос, 1875, 25 февр.

была тяжким наказанием, тем более для разжалованных в солдаты декабристов, находившихся уже в немолодых летах. С нетерпением ждали сосланные на Кавказ декабристы производства в офицеры, что давало им право на отставку и возвращение на родину. Все их письма друг к другу, к родным и знакомым заполнены этой животрепещущей темой: тот произведен в унтер-офицеры, а этот уже в юнкеры или в прапорщики, этого произвели в офицеры, а другому отказали. Радость и поздравления, жалобы и сочувствие наполняют переписку декабристов.

Наконец для Назимова настал желанный день: 17 октября 1843 г. «за отличие в делах против горцев» он произведен в прапорщики. Одновременно его переводят в 9-й Грузинский линейный батальон, расквартированный за Кавказским хребтом. Это известие обрадовало и одновременно опечалило Назимова: приходилось расставаться с друзьями. Назимов собрался в путь, который лежал в Тифлис. Эти события подробно освещаются в сохранившейся переписке Назимова с его ближайшим другом М. М. Нарышкиным. В письмах Назимов подробно описывает свое путешествие по Военно-Грузинской дороге, восхищаясь красотами края и высказывая весьма компетентные соображения по вопросам геологии и происхождения Кавказских гор, делится со своим другом впечатлениями о новых местах, в частности о крупном историческом, культурном и торговом центре Закавказья Тифлисе. Он живо интересуется историей и географией Закавказья, культурой, бытом и нравами народов этого края. Интересны изложенные в письмах к Нарышкину мысли Назимова о музыке — показатель того, что он был тонким знатоком этого искусства. Путешествуя по Закавказью, Назимов изучает его прошлое, осматривает старинные монастыри и храмы, делает зарисовки с них. Его восхищает характерная для тех мест архитектура. Обо всем этом он восторженно пишет своим друзьям, с теплотой отзываясь о талантах и трудолюбии местных жителей. Назимов много читает, в частности, знакомится с поэмами известного персидского писателя и мыслителя XIII в. Саади, восхищается красотами восточной поэзии.

И за Кавказским хребтом Назимову приходится участвовать в военных экспедициях. Он снова в походах, снова бивачная жизнь и опасная боевая обстановка. Тяготы военной службы, хотя теперь уже в офицерском чи-

не, приходилось выносить Назимову все труднее: сказывались и его немолодые годы и ухудшающееся здоровье. Он настойчиво добивается отставки. Хотя он теперь уже имел формальное право на отставку, воспользоваться им было не так-то просто. На первое прошение об отставке, поданное в 1845 г., Назимов получил отказ. В начале 1846 г. он подает новое прошение. И вот наконец пришло долго ожидаемое избавление: 22 июня 1846 г. был подписан приказ об отставке Назимова, «с производством в поручики». Таким образом, Назимов полностью отбыл 20-летний срок наказания по приговору Верховного уголовного суда. Из числа сосланных на Кавказ декабристов Назимов позднее всех был произведен в офицеры и последним получил отставку и право возвращения на родину. Здесь проявились злопамятность и мстительность Николая I, который «не забывал» своих «друзей 14-го декабря». Назимова Николай I считал особенно «виноватым» в том, что «на первом допросе заперся во всем», был за недостатком улик освобожден из-под ареста и даже, находясь 6 января 1826 г. во внутреннем карауле дворца, «охранял» царя. Об этом напомнил Николай I Илье Назимову в 1832 г., когда тот ходатайствовал о смягчении участи своего брата.

По пути на родину Назимов заехал в Самару, где жила его сестра Анна. Там он встречается с братьями А. П. и П. П. Беляевыми, выехавшими с Кавказа ранее его. Встреча с сестрой после 20-летней разлуки была трогательной. Погостив в ее семье, Назимов спешит на родину — в Псковскую губернию. По пути он заезжает в имение своего друга М. М. Нарышкина — в село Высокое Тульской губернии. В декабре 1846 г. Назимов прибыл в Псков. Возвращение его было грустным. Матери и двух братьев уже не было в живых. Из всей многочисленной семьи Назимов встретил лишь своего младшего брата Илью, но и тот собирался переезжать в Петербург.

Отставка и возвращение на родину Назимова не означали полной его свободы. Хотя, как значилось в приказе об отставке Назимова, ему и дозволялось проживать «в городе Пскове», «но с учреждением за ним секретного полицейского надзора» и воспрещением ему въезда в Москву и Петербург. В декабре 1847 г. после длительной переписки между шефом жандармов А. Ф. Орловым и военным министром А. И. Чернышевым Назимову было

дано разрешение на приезд в Москву, но одновременно последовало указание о секретном за ним надзоре [86].

Первоначально Назимов намеревался поселиться в Самарской губернии — ближе к сестре Анне Александровне, бывшей замужем за управляющим самарскими удельными имениями Н. А. Набоковым, или же в Тульской, рядом с М. М. Нарышкиным. Но он обосновался в доставшемся ему после раздела имения селе Быстрецове Псковского уезда. Назимов деятельно занялся хозяйством в имении, о чем свидетельствует его переписка с Нарышкиным за 40—50-е годы. Он заботился о разведении породистого скота в своем имении, что давало бы и доход от скота и необходимые для тощих псковских почв удобрения. Дела в хозяйстве велись успешно. Росло поголовье скота, поднималась урожайность полей.

В 1847 г. произошли изменения и в личной жизни Назимова. Встретившись в том году с давним другом и сослуживцем по Коннопионерному эскадрону Михаилом Пущиным, он познакомился с сестрой его жены Варварой Яковлевной Подкользиной. Серьезная и образованная девушка произвела сильное впечатление на Назимова. Осенью 1847 г. они поженились. Семейная жизнь Назимова сложилась счастливо. О «счастливейших днях» супружеской жизни он спешит сообщить Нарышкиным. Друзья радовались его семейному счастью. «Радуюсь за Назимова,— писал М. М. Нарышкину Н. А. Загорецкий,— после стольких страданий господь удостоил его счастием семейной жизни; когда будете писать к нему, то и от меня привет и поздравление» [87].

Назимов, Нарышкин, Загорецкий, Розен, Лорер и Голицын в эти годы вели между собою оживленную переписку: интересовались подробностями жизни друг друга, заботами, радостями и горестями, не забывали и товарищей, оставшихся в сибирской ссылке. Письма декабристов из Европейской России в Сибирь к А. Ф. Бриггену, Н. В. Басаргину, И. И. Пущину наполнены взаимной заботой и любовью.

Местные псковские власти относились к Назимову благожелательно. В ноябре 1853 г. по ходатайству псковского губернатора Черкасова он был освобожден от по-

---

[86] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 111, л. 27—31.
[87] *ГБЛ*, ф. 133, М 5819, 11.

лицейского надзора и ему был разрешен въезд в Петербург, однако «с тем, чтобы он каждый раз испрашивал на то разрешения[88]. Назимов приезжал в Петербург в конце января 1854 г. и пробыл там около месяца[89].

С большой болью Назимов воспринимал неудачи русской армии в Крымской войне. В ноябре 1854 г. он писал Нарышкину: «Право, лучше быть в такую пору под ружьем, чем оставаться вдали и в неизвестности о том, что делается в армии: душа просит»[90]. Несмотря на свой преклонный возраст и подорванное здоровье, Назимов обратился с просьбой записать его в ополчение, использовать его знания и военный опыт для защиты Севастополя. Но ему было отказано[91].

Весть о смерти 18 февраля 1855 г. Николая I, тюремщика декабристов, олицетворявшего собой жестокий феодально-крепостнический режим, с облегчением была воспринята всей передовой Россией. Возникла надежда на близкое освобождение крестьян, на возвращение из ссылки декабристов. Но амнистия декабристам пришла лишь через полтора года. Новый император Александр II в коронационном манифесте от 26 августа 1856 г. объявил разрешение находившимся на поселении в Сибири декабристам «возвратиться с семействами». Им возвращались прежние права и отличия. Однако полного освобождения манифест декабристам не давал. Им запрещалось проживать в Москве и Петербурге; все возвратившиеся попадали под полицейский надзор[92].

Поражение крепостной России в Крымской войне, рост массового крестьянского движения и вся обстановка общественно-демократического подъема в России в конце 50-х гг. XIX в. заставили правительство вплотную заняться подготовкой отмены крепостного права. «Крестьянский вопрос» был в центре общественно-политической борьбы того времени и вызывал живейший интерес у декабристов. Некоторые из них на местах, в губернских комитетах, приняли непосредственное участие в разработке местных проектов поземельного и правового устройства освобождаемых крестьян, а затем в качестве ми-

---

[88] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 111, л. 37.
[89] Там же, л. 44.
[90] Письмо 35.
[91] *ГБЛ*, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 10.
[92] *ПСЗ*. Собр. 2-е, т. 31, отд. 1-е, № 30883.

ровых посредников или членов губернских по крестьянским делам присутствий в проведении реформы в жизнь.

В 1858—1859 гг. в губернских комитетах и на страницах печати проходили острые дебаты между крепостниками и либерально настроенными помещиками об условиях освобождения крестьян. В полемику с крепостниками включился и Назимов, опубликовав в 1858 г. статью «Об оброке или ренте с сельскохозяйственных земель в России вообще и в Псковской губернии в особенности» [93]. Хотя статья касалась как будто «частного» вопроса (о размерах оброка), в ней был изложен общий взгляд Назимова на готовившуюся крестьянскую реформу, и в первую очередь на вызывавший острые споры вопрос о наделении крестьян землей. Назимов выступал за наделение крестьян землей в таких размерах, которые были бы достаточными, чтобы обеспечить крестьянам и «средства к их существованию» и исправное отбывание ими повинностей. Характерно, что он требовал предоставить крестьянам надел земли в собственность, а не в пользование. Оброк с крестьян за землю, по его плану, должен устанавливаться только на переходный период. По мнению Назимова, «достаточный» для крестьян надел обеспечит и «благосостояние и прочность их оседлости», в то время как выдвигаемое крепостниками требование о наделении крестьян недостаточными наделами приведет, как указывал Назимов, к разорению крестьян и массовому уходу их из деревни. Назимов недвусмысленно намекал (в подцензурной форме), что сокращение крестьянского надела пошатнет «благонадежность» крестьян, иначе говоря, вызовет массовые крестьянские волнения. Оброк на переходный период должен был быть установлен, по Назимову, в виде натурального сбора в расчете «пятого снопа» от урожая.

Развернувшиеся в губернских комитетах и в печати обсуждения и споры, связанные с подготовкой крестьянской реформы, радовали Назимова как признаки пробуждения общественной жизни, но вместе с тем вызывали его опасения, как бы реформа в конечном счете не была сведена на нет притязаниями крепостников. В письме к Нарышкину от 19 декабря 1857 г. (когда стало известно о рескриптах виленскому генерал-губернатору В. И. На-

---

[93] Наст. изд., с. 167—177.

зимову и петербургскому — П. Н. Игнатьеву о подготовке реформы) Назимов радуется «случаю гласного вопроса об освобождении крестьян», как «важного вопроса в народной жизни нашей». Однако он беспокоится, как бы российское «дворянство не унизило себя <...> в глазах народа и всего мира сегодняшними расчетами во вред будущего благосостояния и развития меньших братий наших, которые были вверены нам судьбой и законом» [94].

М. А. Назимов деятельно включился в подготовку крестьянской реформы. Он принял предложение войти в состав Псковского губернского комитета «Об улучшении быта помещичьих крестьян, выходящих из крепостной зависимости» (так официально назывались губернские комитеты, готовившие местные проекты поземельного устройства освобождаемых помещичьих крестьян). 25 июля 1858 г. Назимов пишет Нарышкину: «Получил от губернатора предложение быть членом от правительства в нашем Комитете; так как при этом мне не ставили никаких исключительных условий, кроме общих для всех, то я дал слово тотчас. Губернский предводитель просил меня составить общую программу, которой я сейчас занят. После этого я поехал в Петербург запастись материалами для предстоящей работы, где пробыл 3 недели. <...> Завтра еду в Ригу и Митаву разузнать на месте, чем особенно хромают тамошние положения о крестьянах, известные мне из печати. Редакция их так гладка и хороша, а на деле совсем другое — это-то мне и хочется знать верно, чтобы не впасть в какую ловушку. Надеюсь добраться до истины от тамошних православных (помещиков. — *О. П.*)»[95]. Здесь речь идет об остзейском варианте безземельного освобождения крестьян, которое было осуществлено в 1816—1819 гг. в Эстонии и Латвии и на котором настаивало дворянство Виленской и Ковенской губерний.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о дальнейшем участии Назимова в работе Псковского губернского комитета, однако уже из предыдущего видно, что он был не на стороне крепостнической части, которая составляла большинство губернских комитетов.

19 февраля 1861 г. Александром II были подписаны

---

[94] Письмо 38.
[95] Письмо 40.

Манифест и «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Дата подписания этих актов была приурочена к шестой годовщине восшествия императора на престол (19 февраля 1855 г.). Однако объявление «воли» началось спустя две недели. Для проведения реформы в жизнь на местах был создан институт «мировых посредников». Они в течение двух лет со времени опубликования Манифеста и «Положений» должны были ввести в действие так называемые уставные грамоты, в которых фиксировались размеры крестьянского надела и отбываемых за них повинностей. В обязанности мировых посредников входило и разбирательство споров крестьян с помещиками, выполнение определенных полицейских функций в бывшей помещичьей деревне. Мировые посредники назначались исключительно из поместного дворянства. Естественно, в своем подавляющем большинстве они стремились защитить интересы помещиков. Однако среди мировых посредников были и добросовестно исполнявшие закон люди, которые ограждали крестьян от чрезмерных посягательств помещиков. К числу их относился и Назимов (как и все декабристы, служившие в должности мировых посредников). Документально подтверждено, что Назимов всегда выступал за интересы крестьян против посягательств помещиков. Приведем выписки из журнала Псковского губернского по крестьянским делам присутствия за 1864 г.:

«19 июня... Большинство членов, в том числе и М. А. Назимов, высказались в пользу крестьян против жалобы помещика Кругликова...

3 июля ...Жалоба помещика Нелидова на перевод временнообязанных ему крестьян на оброк без предварительного заявления ему о том. Губернское присутствие поручило 22 мая расследовать дело члену присутствия М. А. Назимову, который тщательно и добросовестно выполнил поручение и составил акт о правомерном поведении крестьян, который подписал и помещик, дав дополнительную подписку о желании прекратить иск»[96]. Сам Назимов уже в начале 1861 г. завершил составление уставной грамоты в своем имении, не ущемляя интересов крестьян и уничтожив барщину.

---

[96] Псковские губернские ведомости, 1864, часть официальная, № 51 и 57.

Оформление новых отношений со своими крестьянами, занятие хозяйством в имении, деятельное участие в общественных делах не ослабляли внимание и интерес Назимова к событиям внутри- и внешнеполитической жизни того времени. В январе 1863 г. вспыхнуло польское восстание. Во время польского восстания 1830—1831 гг. симпатии Назимова были всецело на стороне восставших поляков. Известно, с каким сочувствием и уважением относился он к ссыльным полякам, с которыми он познакомился и подружился в Кургане. Однако отношение к восстанию 1863 г. у Назимова было иным. Он считал, что рядовые повстанцы «вдались в пошлый обман» руководителей восстания, якобы заботившихся, как он полагал, в основном о достижении своих личных интересов. Здесь, несомненно, сказалось давление на Назимова и официальной пропаганды и поведения либеральной прессы, выступившей в защиту действий царизма в Польше, и, возможно, неприятие Назимовым главного требования повстанцев — восстановления Польши в границах 1772 г., что означало отторжение от России литовских, белорусских и украинских земель (против чего особенно восставали в свое время все декабристы). Но жестокое подавление восстания виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым (в прошлом декабристом), прозванным за свои действия «Муравьевым-вешателем», вызвало резкое осуждение со стороны Назимова [97].

В обстановке общественно-политического подъема на рубеже 50—60-х гг. XIX в. правительство помимо отмены крепостного права вынуждено было пойти на проведение и ряда других реформ: в сфере местного управления, суда, просвещения и печати, в военном деле. Существенным фактом в биографии М. А. Назимова является его участие в земских учреждениях Псковской губернии. В 1865 г. он был избран председателем Псковской губернской земской управы. На этом посту он выступал за равномерное между всеми сословиями распределение земских повинностей, добивался права надзора со стороны земства за местной торговлей и промыслами, выска-

[97] См. приписку М. А. Назимова к письму его жены к Е. П. Нарышкиной от 14 июня 1863 г.— *ГБЛ*, ф. 133, М 5821, ед. хр. 5, л. 3—4. Здесь Назимов говорит о «грустном» впечатлении от известий о действиях карательных войск в Польше.

зывался против ведения специального налога на лен — важную для Псковского края торговую сельскохозяйственную культуру и основной источник существования псковского крестьянства (введение этого налога больно ударяло по благосостоянию крестьянства губернии). Большую заботу Назимов проявлял о распространении школ в губернии. Надо сказать, что, видя в просвещении народа важное условие его гражданской свободы, он еще в 1856 г. в своем имении открыл школу для крестьянских детей. Его школа была своеобразным «интернатом», где ученикам предоставлялись и ночлег и питание. Это была единственная школа такого типа во всей губернии в то время. Назимов добивался открытия новых народных школ в губернии, настаивал на увеличении ассигнований на них, присутствовал, несмотря на свою занятость как председателя губернской земской управы, на школьных экзаменах. Однако его деятельность на этом посту продолжалась недолго. 11 сентября 1865 г. умерла его жена. Смерть жены, которую Назимов горячо любил, потрясла его. Он принимает решение уйти с поста председателя губернской земской управы, но остается членом этой управы, бывает на ее собраниях, по-прежнему занят развитием народного просвещения. Сама жизнь в с. Быстрецове, где все напоминает о покойной жене, становится тягостной. В 1868 г. он продал это имение и купил в Пскове на Великолукской (ныне Советской) улице небольшой домик, в котором провел последние двадцать лет своей жизни.

Благородство и исключительная честность Назимова хорошо были известны жителям города и снискали ему большое уважение. В 1866 г. его избрали в мировые судьи Псковского уезда. Любопытно, что факт этого избрания вызвал переполох в бюрократическом мире. Напоминали о прошлом Назимова. Последовали запросы, «справки», в дело вмешалось Министерство юстиции. Об избрании в мировые судьи осужденного в 1826 г. Верховным уголовным судом «государственного преступника», хотя и амнистированного манифестом 1856 г., было доложено Александру II. Тот решил, что спустя 40 лет данное обстоятельство не может считаться препятствием для занятия Назимовым должности мирового судьи. Через начальника III Отделения была передана следующая резолюция царя: «Государь император всемилостивейше

разрешил не считать бытность поручика Назимова под судом препятствием ко внесению в упомянутый список»[98] (речь шла о списке баллотировавшихся в мировые судьи.— *О. П.*).

Однако ряд обстоятельств препятствует активной общественной деятельности Назимова. Резко ухудшается его зрение, слабеет здоровье. Тяжело воспринимает он потерю близких друзей — Бриггена, Ивана и Михаила Пущиных, Петра Беляева, Евгения Оболенского, Валерьяна Голицына, но особенно Михаила и Елизаветы Нарышкиных, умерших в 60-х гг. Назимов замыкается в себе, реже встречается с псковскими знакомыми, усиливаются его религиозные настроения. Он совершенно отходит от общественной жизни. И все-таки он не забывает основанную им в Пскове Александро-Петровскую школу, постоянно посещает ее.

В начале 70-х гг. Назимов несколько раз приезжал в Петербург. Здесь он познакомился с Н. А. Некрасовым, который в это время собирал материал для поэмы «Русские женщины», посвященной женам декабристов. Знакомство Назимова с Некрасовым состоялось зимой 1872 г. В то же время Назимов познакомился и с М. Е. Салтыковым-Щедриным. Знакомство Некрасова с Назимовым состоялось при посредничестве известного критика, историка и этнографа А. Н. Пыпина. 27 ноября 1872 г. Пыпин писал Некрасову: «Многоуважаемый Николай Алексеевич! Сегодня я виделся с Назимовым, имя которого Вам, вероятно, известно. В разговоре он упомянул, что, бывши у Кахановых (кажется, Ваши общие знакомые), слышал об одном из Ваших последних стихотворений, которое его очень интересовало и которое, как я понял из его слов, Вы сами желали или не отказывались ему прочесть. Он недоумевал только, как это могло случиться, а я предложил ему написать Вам (сам он по болезни глаз не может этого сделать) с просьбой устроить свидание у него или у Вас, как вы найдете это удобным. В случае Вашего согласия он просил бы Вас известить его, где и когда Вы могли бы встретиться. Он живет в двух шагах от Вас на Моховой в глазной лечебнице (войдя во двор, во флигеле в глубине двора, прямо против ворот). Если Вы увидитесь с ним, то имейте в виду,

---

[98] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 111, л. 54.

что его зрение очень плохо. Я сам собираюсь к нему вечером в четверг: этот вечер, между прочим, у него свободен»[99]. В ответном письме к А. Н. Пыпину от 30 ноября 1872 г. Некрасов писал: «Многоуважаемый Александр Николаевич! Я очень рад познакомиться с почтенным М. А. Назимовым. Так как я сегодня вечером не совсем свободен, то заезжал к нему утром, но, к сожалению, не застал. Постараюсь быть у него хотя ненадолго вечером и очень буду рад там с Вами встретиться»[100]. Надо думать, что эта встреча имела место. 16 марта 1873 г. в письме к А. Н. Пыпину Некрасов сообщает, что он встретился с Назимовым а «завтра он будет у меня в 8—7½ вечера». Далее он писал: «Если хотите его видеть, милости прошу, и вообще желательно бы повидаться. Лишних никого не будет» (кроме бывшего псковского губернатора, друга Некрасова, Каханова и М. Е. Салтыкова-Щедрина)[101]. Встреча Некрасова с Назимовым произвела на обоих большое впечатление: перед Назимовым предстал знаменитый поэт-демократ, перед Некрасовым— декабрист. Между ними началась переписка, сохранившаяся лишь в незначительной части. При встречах Некрасов просил Назимова написать все, что он знал и помнил о женах декабристов. Эта просьба Некрасова была исполнена: Назимов позже передал ему свои записки-воспоминания об А. В. Розен и Е. П. Нарышкиной[102]. К сожалению, эти записки Назимова, как и большая часть его переписки с Некрасовым, не сохранились.

В 1870 г. в Лейпциге были изданы «Записки декабриста» А. Е. Розена. Некрасов хотел перепечатать их в «Отечественных записках», хотя бы неполностью, чтобы познакомить читателей с этими мемуарами декабриста. В связи с этим он просил Назимова выступить в роли «посредника» между ним (Некрасовым) и Розеном при издании мемуаров Розена. 28 мая 1875 г. Розен писал Некрасову: «Милостивый государь Николай Алексеевич! Товарищ мой, Михаил Александрович Назимов, сообщил мне Ваше предложение относительно напечатания моих

---

[99] Звенья. М.; Л., 1935, вып. 5, с. 505—506.

[100] Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952, т. 11, с. 230.

[101] Там же, с. 244, наст. изд., с. 189.

[102] Иеропольский К. А. М. А. Назимов.— В кн.: Познай свой край, с. 40—44.

Зап[исок] дек[абриста] в Ваших «Отеч[ественных] записках» отдельными главами, а потом отдельной книгой, на что я охотно соглашаюсь»[103]. В этом же году Назимов передал Розену просьбу Некрасова прислать сведения о С. Р. Лепарском — коменданте Нерчинских рудников (а с 1830 г. и Петровского Завода), где отбывали каторгу декабристы[104]. Как видно из этой переписки, в планы Некрасова входило не только продолжение поэмы о женщинах-декабристках, но и издание декабристских материалов. Некрасов собирал эти материалы «из первых рук» — от самих оставшихся в живых декабристов, в том числе и от М. А. Назимова.

Здоровье Назимова слабело. Удрученно пишет А. Е. Розен П. Н. Свистунову в декабре 1882 г.: «Назимов с измученным зрением и расстроенными нервами стал часто хворать»[105]. Все реже он выходил из дому. Для него, совершенно одинокого старца, единственным утешением оставалась переписка с немногими еще оставшимися в живых товарищами-декабристами — А. Е. Розеном, П. Н. Свистуновым, А. П. Беляевым и Н. А. Загорецким. В цитированном выше письме Розена к Свистунову говорится о том, что Розен «в постоянной переписке с Назимовым».

Больного Назимова посещали его псковские знакомые, поочередно читали ему, уже почти совсем потерявшему зрение, газеты, журналы, книги. Старый знакомый Назимова Н. Ф. Фан-дер-Флит, купивший у него имение Быстрецово, в своем дневнике записал, как он 28 мая 1883 г. посетил Назимова в его псковском домике, куда тот переселился после продажи имения. Назимов показался ему хотя и сильно постаревшим, но с ясным умом. «Мне было отрадно все это видеть и беседовать со стариком, который обо всем подробно расспрашивал»,— пишет Фан-дер-Флит[106].

9 августа 1888 г. на 88-м году жизни Назимов скончался, пережив почти всех своих товарищей-декабристов (в живых оставались лишь П. Н. Свистунов, умерший годом спустя, и Д. И. Завалишин, умерший в 1892 г.),

---

[103] Архив села Карабиха. М., 1916, с. 162.
[104] Там же, с. 165.
[105] *ЦГАОР*, ф. 1712, оп. 1, д. 27, л. 25—25 об.
[106] Фан-дер-Флит Н. Ф. Биографический очерк. СПб., 1902, с. 58—59.

Назимов был похоронен на Дмитровском кладбище Пскова рядом со своей женой. На его похоронах было и губернское начальство, и земские деятели, и окрестные помещики, но более всего было простого народа, хорошо знавшего Назимова как доброго и отзывчивого человека. Столичные газеты и журналы поместили о нем некрологи [107].

Декабрист М. А. Назимов прожил долгую и интересную жизнь. Он не был «рядовым» членом тайного общества. Как показывают материалы его следственного дела и свидетельства товарищей, Назимову были известны и «сокровенная цель» тайного общества и планы готовившегося восстания. Члены тайного общества в Петербурге в кризисные дни междуцарствия и непосредственной подготовки к восстанию очень рассчитывали на его присутствие. Лишь случайно Назимов не оказался в рядах восставших в день 14 декабря 1825 г.: направляясь из Пскова в столицу, он «опоздал» всего на несколько дней. Осужденный царским судом к бессрочной ссылке, он был отправлен в самые глухие и гиблые места Восточной Сибири. Последовавшая через 11 лет царская «милость» — ссылка рядовым в действующую армию на Кавказ под пули горцев — означала для Назимова тяжелую лямку николаевского солдата еще на 9 лет. Храбрость и отвага позволили ему дослужиться до офицерского чина и вернуться на родину. Ни годы 20-летней тяжелой ссылки, ни труды и лишения не сломили Назимова. В обстановке общественно-политического подъема после Крымской войны и подготовки отмены крепостного права он активно включается в общественную жизнь.

Назимов был близким другом выдающихся людей своего времени. В сибирской ссылке он становится другом поэта-декабриста А. И. Одоевского, на Кавказе знакомится с М. Ю. Лермонтовым, в 70-х гг. — с Н. А. Некрасовым и известным ученым, литературным критиком и общественным деятелем А. Н. Пыпиным.

Сохранившееся литературное наследие этого замечательного декабриста, к сожалению, невелико. Утрачены написанные в начале 70-х гг. прошлого века по просьбе

---

[107] Наст. изд., с. 190—191.

Н. А. Некрасова записки о женах декабристов Е. П. Нарышкиной и А. В. Розен. Из обширной переписки, которую вел Назимов, сохранилось лишь 60 его писем, датируемых 1837—1886 гг. Выявлены две статьи М. А. Назимова —«Об оброке и ренте» и публикация его письма редактору газеты «Голос» по поводу повести Б. М. Маркевича «Две маски».

В настоящий том документального издания включены две названные выше статьи и все выявленные письма. Подавляющее большинство писем (50) публикуются впервые. Из ранее известных десяти писем только три публиковались полностью, остальные семь — частично. Но и эти десять писем воспроизводятся в данном томе по подлинникам.

В письмах Назимова упоминается большое количество малозначительных имен, иногда без указания фамилий. Это — некоторые из общих знакомых Назимова и его друзей, которые общались с ними в Кургане или на Кавказе. Не обо всех удалось, к сожалению, дать в комментариях необходимые справки.

В приложениях даны некоторые материалы, хотя и не принадлежащие перу М. А. Назимова, но важные для уяснения некоторых фактов из его биографии.

Тексты документов воспроизводятся по принятым правилам их публикации, с соблюдением современной орфографии. Собственные имена и географические названия воспроизводятся так, как они значатся в подлиннике. Перед текстом писем указывается их дата. Письма расположены в хронологическом порядке. Иноязычные слова и фразы в тексте имеют подстрочный перевод.

Том снабжен научно-справочным аппаратом, который состоит из комментариев к публикуемым документам и именного указателя.

Составитель тома выражает глубокую благодарность С. В. Житомирской, С. Ф. Ковалю, И. В. Пороху и В. А. Федорову за ценные советы и рекомендации в процессе работы над томом, хранителю фондов Всесоюзного музея А. С. Пушкина Г. П. Балог за помощь и содействие в розыске рисунков М. А. Назимова, всем сотрудникам архивов, библиотек и музеев за большую помощь при розыске и выявлении материалов М. А. Назимова.

О. В. Попов

ПИСЬМА

1

С. А. и И. А. НАЗИМОВЫМ[1]

[9 марта 1826 г.]

Любезные братья!

Неизъяснимо чувствую милость его императорского величества, оказываемую мне в дозволении получить письмо ваше и уведомить о себе матушку и вас, а равно испытываемую мною в качестве содержания моего. Благодаря богу я здоров и имею более, нежели сколько заслуживаю. Если бы я был в мире один, без предрассудков, родства и ближних, то в сем положении моем не знал бы скорби, благословляя свое заключение; ибо оно истинно служит к моему улучшению. Среди света я никогда бы не имел возможности с таким вниманием и беспристрастием рассмотреть краткого поприща жизни моей, столь верно оценить дела свои и столь искренно раскаяться в заблуждениях своих; я никогда бы не мог столь ясно, решительно и непременно разрешить в понятиях своих добра и зла обязанностей христианина от увлекательных мечтаний нашего века и, наконец, чувств верноподданного, стремящегося к славе и пользе государя императора и в нем ко благу Отечества, от порывов своевольного и безрассудного нетерпения за пределы возможности, всему и всегда богом поставленные.

С раннего детства не имел я отца, во всем себе предоставленный, я шел один, почти без вожатого, не раз спотыкался, дорого платил за свои ошибки, за уроки оплошности, но пользовался ими. И так и теперь, какова бы ни была участь моя, она есть и будет справедлива, и

я прошу вас вместе со мною непрестанно благодарить бога, что он еще сохранил меня от действительных преступлений и дал мне время, познав истинный путь, утвердиться в нем до конца моей жизни. Я спокоен духом и совестью. Впрочем, да будет во всем воля его![2] Теперь благодарю вас за вашу обо мне заботливость и прошу брата Сергея Александровича принять на себя труд по делам имения моего. На присланные же пункты вам ответы и просьба моя:

На 1-й и 2-й

Согласен сделать брату Илье передачу векселя на 14 000 руб., полученные мною от брата Сергея Александровича, которые хранятся в моей шкатулке; там же и в портфеле находятся другие бумаги по имению, которые все нужно иметь брату Сергею Александровичу для распоряжения.

На 3-й и 4-й

Вонлярлярскому[3] должен я не 11, но 14 000 руб., срок оплате в будущем декабре сего года. Средства к уплате 1) 4300 руб., остающиеся за вычетом из 8000 руб., должных мне братом Сергеем Александровичем, следуемых в Опекунский совет, по займу 1820 года 3060+600 для очищения долга; 2) остальные из доходов имения, за продукты 1825 года и частью обождать до будущего 1827 и до уплаты в С.-Петербургский опекунский совет по (займу 1824 года то есть) залогу его Опоченского имения.

На 5-й

Цена лошадям: Флора, английская кобыла, которая выезжается, стоит мне до сего времени около 5000 руб. Светлая строевая около 1500 руб., но они стоят более; знатоки их ценили дороже. Продавать, если то необходимо, подождать до весны, особливо Флору, пусть ее побережет мой Павлов; а там бог с нею, мне уже не купить такой лошади.

На 6-й

Доходы, которые будут поступать от управляющего, класть в Государственный ассигнационный банк, ибо в будущем декабре должен буду оплатить Вонлярлярскому.

На 7-й

Оставив в законном магазине по три меры прошлых

годов все семена или половину и количество хлеба на случай востребования от крестьян моих до новой жатвы, все остальные продукты стараться продавать как лучше и по усмотрению и приказанию брата Сергея Александровича.

На 8-й

Я должен 1-го Коннопионерного эскадрона штабс-капитану Денисову 1300 руб., л[ейб]-г[вардии]Коннопионерного эскадрона поручику Дарагану 125 руб.; не знаю, сколько (спросить у Павлова) англичанину за ковку лошадей за 3 или 4 месяца; вдове портного Тишкунова 300 руб. Еще мне же состоит должным за проданную без меня лошадь бывший Измайловского полка подпоручик Голохвостов[4] 700 руб., в каковой сумме вексель, более года им просроченный, я поручил представить куда следует чиновнику Чорному, и от него вы можете оный получить.

В заключение желаю, чтобы все были здоровы и спокойны. Прилагаемое письмо доставьте матушке, постарайтесь, сколь возможно, продлить ее счастливое неведение, меня убьет, если я потревожу ее почтенную старость,— кланяйтесь от меня нашим родным, простите!

Брат вам преданный Михаил Назимов.

Просите у всемилостивейшего государя нашего его позволения пересылать ко мне письма от матушки.

2
ПРОШЕНИЕ НИКОЛАЮ I

Мая 7-го дня 1829 года. Слобода Витим

Всемилостивейший государь! [1]

Тогда как высокие милости, оказанные Вашим императорским величеством в облегчении наказания,— покорность своей участи, внушенная мне религией, и отдаленность срока ссылки моей отъемлют у меня всякую смелость всеподданнейше просить Ваше императорское величество о дальнейшем улучшении моего положения, в то же время я не в силах преодолеть постоянное влечение на службу Вашего императорского величества, доколе еще чувствую в себе силу и хотя слабые способности, меня одобряет последовать оному усердное желание истин-

ной пользы, меня одушевляющее, к которому Ваше императорское величество не перестаете всюду оказывать благотворное свое покровительство.

Всемилостивейший государь, не лишайте, с свойственной Вам благосклонностью, удостоить меня места в рядах храбрых воинов действующей армии Вашего императорского величества. Счастливым себя почту, если могу заменить в них собою рекрута.

Смею уверить Ваше императорское величество, что сия новая высокая милость, превосходя во мне всякое чаяние, при всем моем рвении когда-либо заслужить ее, доколе будут во мне силы, не может нисколько прибавить к той глубочайшей и беспредельной к Вашему величеству преданности, с коей имею счастье быть, всемилостивейший государь, Вашего императорского величества

верноподданный Михайло Назимов.

3

А. Ф. БРИГГЕНУ[1]

[Осень 1837 г.]

Кабардинского егерского полка рядовой Михайло Назимов имеет честь свидетельствовать глубокое душевное почтение Александру Федоровичу и уведомить его о своем добром здоровье и благополучном прибытии в Ставрополь. Затем просит передать дружеский поклон Ивану Федоровичу[2] и усердное приветствие Федору Ивановичу[3], также поклон всем курганским знакомым нашим, особенно любезной Евгении Андреевне и Антону Антоновичу[4], которые так доброжелательно обошлись с нами при нашем прощании. Не забудьте моего Николая. А что до дома моего, то при продаже[5] сделайте одолжение, отправьте деньги, как сказано между нами, в Ставрополь.

Обнимаю Вас от всей души.

Весь Ваш Мих. Назимов.

4

Е. П. НАРЫШКИНОЙ[1]

[Новочеркасск, 5 октября 1837 г.]

Позвольте, милостивая государыня Елизавета Петровна, засвидетельствовать Вам глубочайшее душевное почтение и сказать Вам, что Ваш Мих[аил] Мих[айлович][2]

радует меня своим цветущим здоровьем и веселым расположением духа. Сделайте милость, передайте мой усердный поклон гр[афу] Григорию Петровичу[3].

Слуга Ваш М[ихаил] Н[азимов].

5

Е. П. НАРЫШКИНОЙ

[Прочный Окоп, 3 декабря 1837 г.]

Чувствительнейше благодарю Вас, милостивая государыня Елизавета Петровна, за Ваше упоминание обо мне в письме к Мих[аилу] Мих[айлович]у. Желаю, чтоб Вы также продолжили быть в своем здоровье, како[е] теперь с удовольствием видел из письма Вашего. Я совсем неожиданно увиделся с Мих[аилом] Мих[айловичем][1]. Нашел его здоровым и в усах, которые заставили меня смеяться до слез; но к приезду Вашему он их приведет в самое благовидное положение. Между тем любуется видами и особенно влюблен в одну красавицу гор — Вы отгадаете легко: это Эльбрус, который выглядывает в ясную погоду. Примите уверение в глубочайшем к Вам почтении Вашего усердного слуги —

М. Назимова.

6

И. Ф. ФОХТУ

Апреля 7 дня 1838. Крепость Прочный Окоп

Извини, любезный мой Иван Федорович, что так долго оставил тебя в неизвестности о себе. Солдату и домой едва когда удастся отправить грамотку. Будь ты человек здоровый и в силах, я и теперь не собрался бы написать к тебе; оставив тебя хворого и даже больного в Кургане, боюсь далее замедлить исполнение данного слова, скорее за перо, чтобы застать тебя на сем свете, а на том не отделаешься от тебя и фолиантом писем.

Очутясь на Кубани, я поступил в Кабардинский полк в 5-ю роту. От Екатеринодара, где расстался я с Лорером и Черкасовым[1], перешли мы в отряд генерала Засса[2] в окрестности Прочноокопской крепости. Тут встретил я Михаила Михайловича, который служит в Навагинском полку и до прибытия моего из Черноморья уже успел ходить в одну экспедицию; потом мы были с ним еще в двух вместе. Он живет в купленном им небольшом

домике в Прочноокопской станице, в трех верстах от здешней крепости, а я в самой фортеции. 24 марта приехали к нему жена с братом Алексеем Коновницыным[3]. Здоровье ее, кажется, мало поправилось, спазмы те же[4]. Они оба хотят просить позволения Мих[аила] Михайловича пробыть летом (2-й курс) на Пятигорских водах, которые отсюда в 200 верстах.

А я жду разрешения по просьбе моей отправиться в большую экспедицию на берег Черного моря, там будет сделан десант для построения двух крепостей. Здоровьем своим доволен: раз только схватил лихорадку, в три дня отделался от нее одним голодом. Климат здесь здоровый, ветры беспрестанные, как в Кургане. Чем ближе к Черноморью, лихорадка чаще и сильнее; там места низменнее и сырее. За Кубанью же начинается край подле большого снежного хребта, который лежит отсюда в полутораста верстах и в ясную погоду очень красиво рисуется под темной синевой неба на южном крае здешних далей.

Нынешняя весна очень холодна: по сию пору не распустились деревья и травы чуть показались. Вообще же взяв, здесь край теплый — иначе могли бы в лесах расти дикие плодовые деревья и даже виноград. Жаль, что тебе болезнь не позволила ехать сюда, мог бы на казенный счет пользоваться здешними минеральными водами, и они скорее всего помогли бы твоей груди и желудку[5].

Я уверен, что тебя не заставили бы служить сверх сил и даже вовсе уволили бы от службы по твоему расстроенному здоровью. Никто из нас не может жаловаться на тяготы службы, исполняя ее, мы пользуемся во всех случаях покровительством высшего начальства и имеем твердую надежду, что нас не оставят надолго в теперешнем положении. Розену[6] позволено жить в Пятигорске для пользования там ноги его. Он писал ко мне оттуда. С ним покамест вместе его сын[7]. Все прочие дети, так же как и этот и Анна Васильевна[8], здоровы.

Пожалуйста, поклонись от меня всем курганским знакомым нашим, которым я так много обязан искреннею, незабвенною благодарностью. Слышу, что некоторые из них уже выезжают оттуда. Федор Иванович на службу в Екатеринославскую губернию, Александр Иванович и Антон Антонович[9] в другие города Тобольской губернии. Желаю всем им возможного благополучия. Особенно

прошу засвидетельствовать мое почтение и благодарность Даниле Дмитриевичу, старожилу и хлебосолу курганскому, у которого мы всех чаще проводили время так приятно. Александра Гавриловича [10] попроси уведомить меня об успехах его перевода. Я слышал, что министр был очень доволен трудом его и приказал печатать на казенный счет в пользу переводчика. Радуюсь душевно успеху доброго и старательного этого юноши. Пожалуйста, пиши мне, каково проживаешь, где именно, т. е. в какой части моего дома, потому что ты, вернее всего, переехал и останешься в нем, пока он не будет продан. Я еще не получил ни одной строчки от брата [11], он еще не возвратился, но уведомил, что здоров и скоро будет назад. Меня очень волнует его долгое отсутствие; воображаю, как оно тяжело для матушки, которая любит брата, верно, больше, чем я. Вот тебе почти и перечень моего существования. Пожалуйста, упроси его известить о себе. Мих[аил] Мих[айлович] тебя дружески приветствует, также и Елизавета Петровна [12] поручили пожелать тебе всего лучшего. Не оставь сказать моему Николаю, что я никогда не забуду его усердной и честной службы у меня. Гляди за ним, сколько можешь, чтоб он не избаловался. Прости, брат, живи благополучно и верь, что я навсегда остаюсь твоим искренним и усерднейшим Мих[аилом] Назимовым.

Пиши мне в Прочный Окоп на имя Елизаветы Петровны.

P. S. Не забудь поклониться от меня, пожелать всего наилучшего Клечковскому и доброй жене его, Савицкому, Додкевичу, пану Воронецкому, Закреславскому, Череницкому, Кижо и г[осподин]у Хельмицкому [13].

От всей души желаю, чтобы они были здоровы и благополучны.

7

И. И. ПУЩИНУ[1]

9 декабря 1840. Прочноокоп*

Услышав от брата твоего Петра Ив[ановича] [2], что он сегодня пишет к тебе, любезный Иван Иванович, спешу соединить привет мой с его строками. Добрый чело-

---

* Карандашная помета Пущина: «Пол[учено] 24 генваря».

век брат твой Петр! Он много любит тебя и усердно желает быть тебе полезным. Мы с ним нередко толкуем о тебе.

Из писем твоих к нему я видел, что ты был в Тобольске для лечения больной ноги своей и получил некоторое облегчение. Вслед за тем узнал о твоем перемещении в Восточную Сибирь[3]. Желаю, чтоб оно устроило тебя как можно лучше в твоем положении. Но, признаюсь, грустно, что вместо сближения с краями родины, со всем милым для тебя ты по необходимости снова удаляешься от нее на такое огромное расстояние. Впрочем, в стране изгнания отовсюду далека родина, безразлично пространство пустынного океана, везде в нем чужбина.

Где, однако ж, будет на этот раз твое пристанище, дорогой, любезнейший, одинокий мой странник? Кого ожидаешь найти там из товарищей? Каково это место по климату и средствам жизни? От всей души молю господа бога, да благословит тебя всеми утешениями, всеми милостями своими.

Благодарю тебя за дружескую память обо мне. Она для меня драгоценна. Я нахожу в ней взаимность моей собственной к тебе дружбы, основанной на уважении и любви искренней. Всего же более порадовало меня в твоих письмах — ясность и бодрость души твоей, которой человеческие силы увеличены высшими силами духа: веры, любви и упования. Без них она оставалась бы обнаженной, как дом без крыши.

Что сказать тебе об нашем бытье здесь, на Кавказе? Проведя большую часть времени в экспедициях, я возвратился сюда, потому что здесь зимние квартиры наших батальонов. Михайла Михайловича квартира тоже здесь, там же и Загорецкого[4]. Мне отрадно быть с ними вместе. Все мы приметно стареемся, несмотря что климат здешний тепел и для других очень здоров. Елизавета Петровна, несмотря на два курса вод, не перестает по временам хворать грудью. Вегелин и Беляевы[5] еще не возвратились с левого фланга, из Дагестана и Чечни, куда отправились в октябре для экспедиции. Но все они, слава богу, здоровы и благополучны. О других наших товарищах, которые здесь, на Кавказе, не имею никаких известий. Валерьян Голицын[6] после отставки прибыл на место жительства, ему назначенного, в Орел. Он писал

мне оттуда, видел там Кривцова[7], который успешно хозяйничает в своем имении.

От матушки и всего семейства довольно часто имею письма. Все они живут помаленьку. Только старушка наша часто очень хворает и при всей вере своей невольно грустит, что не может видеть меня до сего времени, и твердо надеется, что увидит в здешнем мире и сама лично благословит.

Прошу тебя передать мой поклон всем, кого увидишь из общих знакомых и приятелей. Пожелай им от меня всего лучшего и отрадного в здешней жизни. Да подкрепит их всемогущий бог! Слышу, что грусть начинает одолевать меня при мысли об их непрестанных скорбях и испытаниях. Мы, здесь служащие, еще имеем надежду возвратиться к своим на покой, а они!

Брат твой прислал за письмом, надо кончать. Обнимаю тебя от всей души, любезный друг! Прошу тебя сохранить меня в своей сердечной памяти. Искренно любящий и уважающий тебя

Михайло Назимов.

8

А. Ф. БРИГГЕНУ

21 декабря 1840. Прочноокоп

Много виноват я пред Вами, почтенный Александр Федорович, в таком долгом замедлении писать к Вам. Не оправдываюсь кочевым бытом своим, прошу извинения. Сколько раз, однако ж, брался я за перо — исполнить пред Вами приятнейший долг свой! Как нарочно, что-нибудь да помешает, оторвет от письма; а время уходит. Потом отправишься в экспедицию, утомишься, одичаешь... по степям, горам и лесам и должен сделать над собой усилие, чтобы душу и мысли привесть в порядок. Что делать! Вы, верно, имели от Николая Ивановича[1] обо мне известия. Он был здесь прошедшей зимой и обещал передать Вам мои усердные дружеские приветствия. Расставшись с ним 3-го мая, я пошел в экспедицию за Кубань и возвратился оттуда в исходе ноября. Здоровье мое верно служило во все это время. По крайней мере, я не чувствовал в нем расстройства, хотя часто утомлялся душой и телом. Однажды после ночного перехода, на привале, говорят, что нарочный с линии привез почту в отряд. Спешу узнать, нет ли ко мне писем, не получу ли

какой радости в тот день. Это было 8-е сентября. Вместо писем попадается мне в руки приказ, в котором прочитал производство Николая Иван[овича] Лорера в прапорщики, Нарышкина и Черкасова в юнкера, Загорецкого и (покойного) Лихарева[2] в унтер-офицеры. Можете себе представить, как эта новость была для меня приятна; какой неожиданный подарок я получил в ней от судьбы! Надеюсь, что Николай Иванович сообщит ее Вам сам. Он располагает по весне быть здесь проездом на воды в Пятигорск, где по совету врачей ему необходимо взять курс. Теперь он ближе всех нас к возвращению на родину и желаемому спокойствию. Брат его и невестка очень добрые люди и принимают в нем самое живое, родственное участие[3]. Через год наш Циммерман[4] будет себе наслаждаться жизнью в кругу своей семьи и любоваться далью бесконечных херсонских степей. Счастливый путь ему! Он, конечно, писал Вам о смерти Владимира Николаевича[5]: он убит в начале весны под Валериком, в большой Чечне. Тело его погребено на месте боя. Жаль, что при кончине его не было никого из товарищей, чтобы передать родным и сыну его просьбу и желания. Беляевы и Вегелин были на его могиле прошедшей осенью. Они ходили туда с их баталионами и благополучно возвратились сюда все трое на зимние квартиры. Узнав, что пишу к Вам с нынешней почтой, они, также Нар[ышкин] Мих[аил] с Елизаветой Петровной и Загорецкий [просили]* меня засвидетельствовать Вам их радушное [приветствие] и просили Вам передать от них поклон всем нашим курганским товарищам. Нар[ышкин] Мих[аил] часто болеет глазами. Воды [пятигорские] не принесли ему почти никакой пользы. Он чувствует жар и боль в глазах при малейшем напряжении зрения, так что почти должен отказаться от чтения и письма; даже не может разобрать страницы нот без особенного усилия. Все мы приметно хвораем и стареем, хотя, кажется, климат здесь здоровый. Утомительная, несообразная с летами жизнь лагерная и бивачная вместо болезней разрушает постепенно телесные силы в каждом из нас. Как-то Вы, добрейший Александр Федорович, и все наши поживаете в Кургане? Все ли по-прежнему в уединенном мирном бы-

* Угол письма обожжен. Утраченные слова восстанавливаются предположительно, по смыслу.

ту вашем? Где квартирует Иван Федорович?[6] Каково здоровье этого страдальца? Что он не напишет к нам на досуге? Попеняйте его за меня; скажите ему, что я сохранил неизменно мою к нему привязанность и дружбу, основанную на уважении его благородных правил; что он обяжет меня своими строками. Гилерию Ивановичу со всеми курганскими его земляками, нашими приятелями, прошу оказать мое искренное [приветствие]. Письмо Гилер[ия] Ив[ановича] я получил очень поздно, оно долго странствовало. Много благодарен ему за [добрые] чувства. Я сам навсегда сохраню приятнейшее воспоминание. Служить ему здесь, кажется, [будет] невыгодно и крайне трудно с его головною болью и недостаточным состоянием. Кроме того, во всех полках почти тройной комплект подпрапорщиков, что весьма затрудняет производство из унтер-офицеров. Не оставьте засвидетельствовать мое почтение гг. Свистунову и Швейковскому[7], которого имени я, к сожалению, не помню на этот раз. Сделайте одолжение — поклонитесь от меня также всем общим нашим курганским знакомым, в особенности Александру Гавриловичу, которого очень благодарю за присланный экземпляр его перевода и которому желаю дальнейших успехов в полезных его трудах. Сейчас пришли мне сказать, что и я произведен в юнкера за дагестанскую экспедицию прошедшего года. Когда-то мы будем мирными жителями и поставим наш страннический посох? Желаю Вам весело провести предстоящие праздники и в продолжение наступающего года сохранить и вновь получить все, что может составить Ваше утешение и счастие. Дружески жму Вашу руку.

Михаил Назимов

9

М. М. НАРЫШКИНУ

3 ноября 1841. Пятигорск

Спешу отправить к тебе эти строки, любезный друг Михайло Михайлович. Ты получишь их чрез Мих[аила] Ант[оновича] Ежевского, который едет в Убежку на следствие.

Очень пеняю тебя, что ты оставил меня без всяких о себе известий вот уже около месяца. Я не знал, где ты: в Прочном ли или в отряде, куда расположил отправиться. Здоров ли, благополучен ли ты? Тоска эти глупые

походы[1]. Судя по твоему последнему, уже теперь тебе надо обратно, если ты и ходил в экспедицию, и все еще ни слова от тебя. Одним только утешительно объясняю себе твое молчание, что ты отправился навстречу Елизавете Петровне и охраняешь ее или по приезде ее еще не успел найти даже в радостях*. Дай бог, чтобы последнее предположение мое оправдалось, чтобы вы были веселы, здоровы, спокойны духом и вместе со всеми вашими были сами вполне благополучны. Жду от тебя известий подробных, подробных.

Я просил Алекс[андра] Сем[еновича][2] переслать просьбу прикомандировать меня к резерву, но он отвечал, что этого нельзя сделать без разрешения фельдцейхмейстера[3]. Между тем о нашем отправлении в резерв ни слуху ни духу. Я писал в Тифлис к Дмитревскому[4] и просил уведомить и чтобы там в штабу <одно слово неразб.>: удостоены ли мы к производству? По получении ответа сообщу.

Я бы желал скорее увидеться с вами, но как отсюда попасть? Разве прикомандируют к отряду г[енерала] Засса на зимнюю экспедицию. Но все это надо просить: тоска. Тем более что мне все равно, чем бы ни выпустили в отставку. Я писал б[арону] Вревскому[5] письмо, просил его уведомить меня, могу ли подать прошение об увольнении меня.

Шубу чрез Тепера получил, спасибо тебе. Сукна, о котором я писал к тебе, не высылай, потому что оно было мне нужно в частном только случае, когда бы А[лексей] П[етрович] Каде[6] купил мою шубу. А так как теперь она выслана сюда и я не знаю, когда буду к вам, то и шубу не продаю, потому что зиму не в чем будет ходить; и новую делать здесь невыгодно, да и денег нет для того. Скажи это Алексею Петровичу при свидании и что месяца через два или три надеюсь доставить ему деньги на шинель. Это самый дальний срок.

Прошу поклониться от меня Григорию Христофоровичу [Зассу] и всем знакомым нашим в Прочноокопе.

Я здесь имею порядочную квартиру, объединенную с А[лександром] И[вановичем] Вегелиным. Он тебе кланяется, также и Елизавете Петр[овне] свидетельствует

---

* Так в подлиннике.

почтение, если она вместе с тобой! Черкасов здесь же, но я его не видел дня два.

Николаю Ал[ександровичу] Загорецкому мой дружеский привет.

Пиши, пожалуйста. Не имеешь ли известий от Голицына и Розена, также от Бриггена?

Прошу поцеловать за меня ручки Елизавете Петровне, а я самого тебя мысленно обнимаю.

Преданный тебе душой Михайло Наз[имов].

NB. На всякий случай, прошу тебя передать прилагаемую записку Алексею Петровичу Каде, узнай, пожалуйста, в Ставрополе, нет ли там на мое имя и писем и посылок. Дай свою ручку!

О Беляевых слышал, что они здоровы и были в отряде.

10

А. Ф. БРИГГЕНУ

19 апреля 1842. Прочноокоп

Христос воскрес!

Примите, почтеннейший Александр Федорович, усердное приветствие мое с нынешним великим праздникoм воскресения искупителя нашего. Мысленно обнимаю Вас с искреннейшим чувством любви, уважения и признательности к Вам, желая от всей души моей, чтобы господь поддержал Вас и продлил на многие годы жизнь Вашу, украсив ее всем, что есть лучшего и отраднейшего для Вас. Хотя это желание постоянно живет в душе моей, но сегодня оно особенно мне слышится при воспоминании тех мирных минувших лет, когда мы вместе с Вами проводили нынешний радостный день. Потому-то и имею потребность сего же дня, хотя заочно, побеседовать с Вами и прежде всего прошу Вас принесть от меня тоже поздравление Василию Карловичу [1], Ивану Федоровичу, Ивану Семеновичу и Ф[легонту] М[ироновичу] Башмакову [2], живущим в Кургане, равно и господам Клечковскому, Савицкому, Важинскому, Александру Гавриловичу, отцу Якову, Александру Ивановичу и всем общим знакомым нашим у вас. Очень, очень благодарю Вас за строки от 14 ноября [3]. Я был много обрадован ими, как и всегда при получении Ваших известий. Даже после первого впечатления, при мысли о Вашем грустном

и утомительном положении то же чувство взяло верх над нею, потому что я видел в Вас еще столько деятельной бодрости и теплоты душевной, которые в моих глазах составляют главнейшее достоинство и счастие жизни, озаряемой верой. Вы очень обязали меня также известием о своем семействе[4]. Дай бог, чтобы судьба и добрые успехи Ваших детей вознаградили Вас за минувшие несчастия самою утешительною отрадою. Неисповедимы пути его беспредельного милосердия. Видать ли на небе следы туч, необходимых, чтобы земля не засохла и не сделалась бесплодной? Ведающий лучше нас собственное сердце наше и всю жизнь нашу во всей ее бесконечной целости, конечно, избрал самые спасительные пути для каждого из людей, лишь бы думали хоть сколько-нибудь воспользоваться ими, пока еще есть время.

С сердечною признательностью прочел я дружеский отзыв ко мне в письме к Михайлу Михайловичу, который вместе с Елизаветой Петровной и Николаем Ал[ександровичем] Загорецким, находящимся здесь, поручили мне передать Вам от них: «Христос воскрес!» и желание всего приятнейшего для Вас. Ел[изавета] П[етровна] пробудет здесь все нынешнее лето, а может быть, и осень. Здоровье ее приметно ослабело, хотя она не имеет более прежних припадков, ни грудных, ни нервных. Всякое движение и перемена места утомляют ее силы, а тем более действует на них всякое душевное волнение или огорчение. Мих[аил] Мих[айлович] приметно постарел здесь, но глаза его очень поправились. Он с Н[иколаем] А[лександровичем] Загорецким находится в здешнем отряде, и потому останутся в нем на все лето. Я же был прикомандирован сюда только на время зимних экспедиций, после которых с наступлением весны отправлюсь к нашему полку на левый фланг, в действующий отряд генерала Граббе[5]. Отсюда еду послезавтра, а в половине мая мы выступим за Терек в поход на все лето. Здоровье мое коекак держится, благодаря богу, но я очень худ, и голова моя почти совсем побелела.

Вегелин и Черкасов по разрешению высшего начальства представлены уже в офицеры, и на днях можно ожидать их производство. Беляевы на Тереке; они здоровы, но еще не произведены в у[нтер]-офицеры. Я думаю, они тоже будут в походе с нашим отрядом. От Мозгана[6] Михаил Мих[айлович] получил письмо из Нагорного Дагес-

тана, где находится он в Тифлисском егерском полку. Он здоров и благополучен, уведомляет, что представлен в у[нтер]-о[фицеры]. Дивов[7] скончался в минувшем феврале на Тереке от раны в ногу, полученной им в Чечне прошедшего года. В заключение порадую Вас доброю вестью о нашем Циммермане. Будучи уволен в отставку, он с нынешнего месяца отправился из Керчи на покой в деревню своего брата. Там уже приготовлен ему хорошенький домик со всеми удобствами и даже прихотями по его вкусу. Брат и невестка его отлично добрые люди, как Вы знаете; кроме того, ожидал его там Митя[8]. Воображаю себе первое впечатление Н[иколая] И[вановича], когда он вступил под родную свою кровлю после такой долгой разлуки с родными и всего, что он испытал. Залогом полноты его счастия служат прощальные его строки с Кавказа в письме к Мих[аилу] Мих[айловичу]. Добрая его душа проникнута была такою глубокою благодарностью к провидению за эту милость, что я с невольным умилением прочел то письмо и, несмотря ни на его язык, ни на орфографию, ни разу не улыбнулся, как то всегда прежде случалось со мной[9].

Так бы и обнял его за такие добрые его чувства. Простите, почтеннейший Александр Федорович! Молю господа хранить Вас и пребуду навсегда Вашим преданнейшим и душевно уважающим Вас.

Михаил Назимов

Адрес мой тот же. Я просил Мих[аила] Мих[айловича] получать по нему письма ко мне и пересылать туда, где буду находиться, пока возвращусь сюда, если бог приведет. Сделайте одолжение, Александр Федорович, передайте при случае от меня поклон отцу Стефану Яковлевичу, Матвею Ивановичу и Ивану Дмитриевичу[10].

11

М. М. НАРЫШКИНУ

21 ноября 1842. Владикавказ[1]

Давным-давно нет от тебя известий, любезный друг Михайло Михайлович, и я опять прошу тебя об них. Уверен, что все благополучно и что молчание твое от одной лени взяться за перо.

Пишу же тебе это чрез Григория Толя[2], который располагает завтра отправиться чрез Ставрополь в Прочно-

окоп и заходил ко мне спросить, не поручу ли чего к тебе. Хоть ничего нет нового в быту моем, а побеседовать с тобой всегда новое для меня удовольствие. Ты с первого же раза увидишь в Толе, каков он есть, доброго, благородного, мягкого, хорошего семейства и воспитанного дома!

Арнольди[3] тоже едет к вам и будет у вас. Все они отправляются отсюда на правый фланг, потому что здесь распущается отряд и не предвидится никаких военных действий. А у вас? Вчера я слышал о нападении на Воровсколесские хутора. Я думаю, эта тревога и вас побеспокоила. Как бы хорошо скорее нам по мирным своим уголкам! Но опять и то главное нужно знать: ужель бы этого давно не было, если б было нужно и полезно! Лучше пусть будет всегда и во всем спасителева святая воля!

Вчера проехал здесь новый команд[ующий] войсками[4]. Я не видел его, а Дмитрия Серге[евича] Бибикова[5], который с ним был, просил пожать тебе за меня руку. <Одно слово неразб.> здесь, штаб его прибудет дней через 10.

Вчера же получил 2 письма[6] от брата Ильи. Матушка еще в памяти, но уже потеряла употребление языка и объясняется знаками. Но и в этом положении бывает не только спокойна, даже весела. Ей даже стало лучше, чем было летом. Не знаю, откуда эта уверенность, которую я все более и более слышу в себе, что увижу ее еще, несмотря на всю безнадежность. Илья немного хворает, я думаю, от хандры и скучной осенней непогоды. Говорит, что в наших краях и у него хороший был урожай, но что цены чересчур низки. Никак не угодить на весь мир: какие мы все шуты! Горюет, что сестра Аннета[7] с семьей должна скоро ехать в даль за 1700 верст, в Самару, где муж ее назначен начальником удельных имений. Вот тебе его новости: просит передать вам его приветствие.

Иван Петрович Пущин[8] скончался. Николай Пущин[9] поехал от министра юстиции ревизовать Восточную и Западную Сибирь. Радуюсь за Ивана Пущина. С прошедшей почтой я писал к Александру Максимовичу[10] о моей квартире, между прочим, и тебя прошу потрудиться взглянуть, чтобы вещи, оставленные в чулане, хозяин взял на сохранение, буде чулан понадобится постояльцам.

Может быть, ты будешь заботиться выслать мне шу-

бу мою, то прошу не присылать ее, покуда не уведомлю; ибо я очень могу обойтись без нее, и при переезде только лишняя вещь.

Сделай одолжение, когда будешь посылать человека в Ставрополь или чрез Александра Максимовича, когда бывает туда нарочный, прикажи прилагаемое письмо доставить полковнику Ерошевскому, бригадному команд[иру] артиллерии, и получить от него мой чемодан с книгами и термометр, которые прошу тебя взять к себе на сохранение до моего возвращения к вам. Если ж самим вам случится прежде меня уехать куда, то можно оставить у Василия Никифоровича. Квартиру Ерошевского все знают в Ставрополе, он ждет отставки и скоро уедет оттуда.

Я располагаю остаться здесь до февраля, если не встречу каких в том препятствий. Мне нужно дождаться здесь денег от Ильи и результата нашего юнкерского представления. Хочется съездить к Ал[ександру] Ив[ановичу] Вегелину в Нальчик, пока не вышла его отставка. Когда впредь доведется увидеться с ним? Дела его, слава богу, поправляются. Сестры обещали ему, м[ада]м Козенс и м[ада]м Засс, первая 10 т[ысяч], вторая 6 т[ысяч], когда он выйдет в отставку[11]. Между тем Вревский условился с ним, чтобы А[лександр] И[ванович] взял в полное свое управление его имение в Орлов[ской] губ[ернии]. На первое время он обеспечен, таким образом.

Уведомь, не располагаете ли вы на воды на будущий год? В таком случае и я бы постарался там быть. Но это в таком случае, когда бы удалось быть производству до тех пор. И никак нельзя бы мне было получить отпуск, которого я всего более желаю, в случае производства. Только это между нами. Дерзкая надежда моя, но авось! Исполнится, когда богу угодно, чтоб я видел свою старушку.

Пиши мне, пожалуйста, отвечай на мои последние. Поцелуй за меня ручку почтенной Елизавете Петровне. Обними Уленьку[12], скажи мой дружеский поклон Николаю Александровичу[13] и передай ему посылаемый при сем табак. Кланяйся от меня всем нашим общим знакомым в Прочноокопе.

Усердно желаю тебе всего хорошего, преданный тебе душою Михайло Назимов.

P. S. Если имеешь известие от Голицына и других наших друзей — скажи, как они поживают.

Сегодня Г[ригорий] Толь встревожил было меня известием, полученным им от своей матушки из Петербурга, будто вы переезжаете во Владикавказ и скоро будете. Здесь вовсе нет квартир, и я не знал бы, как вам можно было устроиться помещением; оттого ходил часа три в большом беспокойстве, покуда не узнал от г[енерала] Полтинина[14], что вы остались в Прочном, ибо ты и Алек[сандр] Ал[ександрович][15] прикомандированы по ротам 14-й и 15-й, которые удержаны там для переименования в линейные казаки.

Сейчас меня посетил Тарас Петрович Шевченко, старший офицер, который летом был у вас в Прочноокопе, он нашего полка с Георгиевским солдатским крестом. Просил сказать почтение тебе и почтение Елизавете Петровне, хоть, говорит, не знаю, но люблю и чту ее.

12
М. М. НАРЫШКИНУ

1 мая [1843]. Наур[1]

В ожидании отправления отсюда пользуюсь досугом, чтобы сказать тебе несколько слов о себе, добрый друг Михайло Михайлович.

Выехав из Ставрополя утром 25 числа, я, сверх ожидания, добрался сюда по предположению моему 27-го вечером. Свидание с братьями Б[еляевыми] принесло мне душевное удовольствие. Они здоровы, живут благополучно; их здесь все любят. Перед приездом моим они получили верное известие из полка и из Ставрополя от соочевидца, что они помещены в представление за осеннюю экспедицию и потому не идут на первый период. Прибывший на другой день г[осподин] полковник приехал из Ласкова и разрешил им остаться в здешнем гарнизоне до осени. Затем приехал сюда к нам полк[овой] к[омандир] подполк[овник] Карловский, в котором я нашел доброго и вежливого человека и приятеля моего Ильи.

Ком[андующий] войсками[2] приехал вчера, за ним штаб и М. Н. Бибиков[3], которого я встретил нечаянно на улице. Он сказал, что «после того, что они узнали о нас в Петербурге, нам не представится никакой скорой надежды на возвращение, кроме обыкновенной дороги службы, которая своим порядком может привести нас к

тому же». Он, вероятно, разумел о милостях и о особом на то соизволении государя[4]. Я успел с ним поговорить едва ли пять минут. В экспедиции отберу его отзыв пообстоятельнее и сообщу тебе.

Иван и Егор Сем[енович] купили мне добрых коней, и завтра я пускаюсь на них в путь. Мы получили деньги из дома, и они ежедневно приглашают к себе на хлеб-соль радушную; полковой к[омандир] здешний Анненков пенял за то, что у него не бываю, приходит и уводит к себе. Здесь такое гостеприимство и простота в этом отношении, как в старину на Руси.

Вчера я имел большое утешение: прочел 81-й номер «Р[усского] инвалида». Слава богу! Вы, верно, тоже порадовались помещенному в нем ценному распоряжению насчет приятелей[5].

Прошу тебя поцеловать за меня ручки Елизаветы Петров[ны]. Душевно благодарен ей за последний вечер у вас[6]. Надо было это особенное обстоятельство, чтобы я осмелился заговорить о том, что составляет нашу жизнь и отраду. Мне не дано или, верно, я утратил способность говорить об этом; с тех пор, как помню себя, вещи этого рода мог я только чувствовать, но желал бы слышать их всегда, понемногу. И это не от чувства святой любви или чистоты, а от сознания, сначала неполного и скоро преходящего, потом более и более отчетливого и глубокого, всей радости своей и, может быть, от страха. Я бы желал, чтобы хоть последний проник всю мою душу и не покидал ее; ибо уверен, что оно ведет к отраднейшему из чувствований наших. Да и вся жизнь человечества по опыту убеждает меня, что это посредствующее чувство необходимо. Так, чтобы пришел мирный вечер, видение пр[орока] Ильи и прочее. Простите меня, если вызвал что-нибудь вам на сердце против меня. Я люблю вас обоих и желал бы больше любить. Помолитесь обо мне, больше ни о чем не просите, кроме того, что вы знаете истинного.

Не забудьте кланяться от меня знакомым и напомнить обо мне всем вашим.

Николая Алекс[андровича] от души обнимаю и также желаю, чтобы он был здоров.

Всем нашим общим знакомым — Григорию Христ[офоровичу], Ал[ександру] Макс[имовичу], Василию Ник[ифоровичу] Ермол[ову] и всем прочим мой усердный пок

лон, а м[адам] Ган[7] и семейству ее мое искреннее приветствие.

Анисье Петровне[8] очень кланяюсь. Был я здесь у всенощной под конец. Здесь, как в городах, певчие, 3 священника, и вообще хорошо показалось. Не знаю, удастся ли завтра отслушать обедню до отъезда. Простите! Мои душевные моленья неразлучны с мыслью о вас. Сохраните и меня вы в своем сердце.

Весь ваш Мих[аил] На[зимов].

Прилагаемое письмо прошу отправить, за что, бог даст, сочтемся при свидании.

13

М. М. НАРЫШКИНУ

16 августа 1843 г. Пятигорск

С последней почтой я ждал твоих известий из Владикавказа, мой милый друг Михайло Михайлович. Мне они нужны были как для себя самого, так же и для успокоения твоих добрых знакомых, в числе которых м[ада]м Ренненкампф[1] уже несколько раз спрашивала меня, нет ли от тебя весточки? Графиня[2] тоже. Что будешь делать с таким искренним участием? Шутки в сторону— они обе тебя очень полюбили и уважают. Не было дня, чтоб не начинали о тебе речи, и я всякий день был у них, насладиться музыкой и приятной беседой их. Сергей Дмитриевич[3] оказывал мне всевозможные услуги и вместе со мною навещал их. Жаль, что он скоро уехал. Теперь некому проваживать этих дам и доставлять им экипажи. Вслед за тобой они были в больших хлопотах, обе подначале* заболели и слегли, сама баронесса тоже 11-го и 12-го числа очень было захворала. Но я оставил их 13-го числа в хорошем здоровье. Они были очень обрадованы, узнав, что ты располагаешь к 15 сентября быть в Кисловодске, где еще тогда найдешь их — и можешь получить забытую тобой трость и обзавесть сочинение Fransai de Sales[4]. Если я уеду в полк, то эти вещи отданы будут дамами барону Розену для доставления тебе. С особенным удовольствием передаю тебе от них радушное приветствие и прилагаемые ноты. Чета Мил-

* Так в подлиннике.

лер тебе кланяется: какие они славные люди оба! В ней я нашел прекрасное, редкое воспитание. Я их душой полюбил.

Поклон тебе от Розена и Оболенского, которого ты видел у Голицына[5]. Кланяются тебе Садовские и прочие. Командующий войсками сегодня должен быть в Кисловодске, завтра, возможно, там же, послезавтра сюда и тот же день в Ставрополь. Я вчера был у Софьи Николаевны в Ессентуках, она очень поправилась, завтра надеюсь увидеться с Мих[аилом] Николаевичем[6] и узнать бы у него о своей участи.

Сергей Дмитриевич был со мной во все время как нельзя любезнее и обязательнее, никогда не забуду этих дней.

На днях я получил листок от Витковского из Ставрополя, он женился; Есинские вместе с ним радовались, как какому семейному счастию, твоему производству. Они тебя душевно поздравляют.

Получил грамотку и от Ал[ександра] И[вановича] Вегелина. Он кланяется тебе и Ник[олаю] Ив[ановичу] Загорецкому[7], просил последнего извинить, что по сие время не выслал ему новой шинели; уверяет, что не замедлит поправить это упущение. Пишет, что сестра его м[ада]м Засс очень хворает. Кодзаков получил известие от Черкасова с места[8]. Он доехал благополучно.

Я после тебя не имею писем из дому: это меня беспокоит, господи помилуй!

Вчера приветствовал я тебя мысленно и душевно; может быть, ты вчера приобщался с[вятых] таинств в день праздника. А мне не удалось говеть и приготовиться к тому же хоть сколько-нибудь. У нас на родине этот день был мне празднество. Особенно в Печерском монастыре, помню это с раннего детства.

Пожалуйста, пожми за меня руку Николаю Ал[ександровичу] Загорецкому, кланяйся Петру Петровичу Пещерову, Ив[ану] Павл[овичу] и Марье Осиповне Савицким, Федору и Петру Данил[овичам] Киреевым и всем, кто помнит меня, из числа твоих знакомых.

Не забудь засвидетельствовать мой душевный привет всем твоим домашним, и особенно Елиз[авете] Петр[овне] и Евдокии М[ихайловне][9].

Прости! Пиши мне покуда в Пятигорск.

Преданный тебе душою Михаил Назимов.

14
М. М. НАРЫШКИНУ

Пятигорск, 23 августа [1843 г.]

Мих[аил] Никол[аевич], передав мне листок твой от 13-го этого месяца, мой милый друг Михайло Михайлович, дополнил на словах все, что мог узнать по справке обо мне в Корп[усном] штабе. Я ему очень благодарен за нее; всегда лучше знать истину, какова бы она ни была [1]. Признаюсь, я был удивлен, но отнюдь не смущен, узнав и на этот раз о своей неудаче и о невольной ошибке почтенного Дмитрия Алексеевича [2]. Но ведь на грех мастера нет и не найти. Судьба нас всех давненько приготовила опытом для подобных испытаний. Мне только жаль, что ты, мой друг, так принял к сердцу этот случай и что я ввел в заблуждение брата и сестру мою близкой надеждой свидания с ними. Но так как виною в том странное стечение обстоятельств, то я и в этой стороне спокоен, уповая во всем на бога за себя и всех близких моему сердцу. Как нарочно, в этот же день получил письмо от Ильи, в котором он, между прочим, говорит, что военный министр [3], увидев брата Владимира Ивановича (нач. штаба 6-го корпуса) [4], отозвался обо мне с похвалою и обнадеживал его — в течение нынешнего года надеется на мое производство. Пусть он надеется, а я уверен, что разве только по новому представлению что-нибудь выйдет, стало быть, не раньше будущего апреля или мая. Авось с доброй руки Петра Петровича будет удача [5]. Е[го] пр[евосходительство] Владимир Осипович [6] призывал меня, принял милостиво, оказав участие мне, и обнадежил, что постарается в представлении обо мне от Петра Петровича упомянуть о ходатайстве Ивана Михайл[овича] [7] за очередной поход; но прямого представления от себя по докладной записке не находит возможности сделать. Пусть что будет, то и будет; нечего об этом думать; я всего больше верю одному: что ни делается, все к лучшему и что в жребии нашем волен один бог. Спасибо, спасибо, брат, тебе за твою живую дружбу. Будь спокоен за меня; чувствую, что еще есть силы для перенесения не таких пустых испытаний — благодаря богу. Пожалуйста, принеси мою усердную признательность добрейшей Елизавете Петровне за ее память обо мне и поцелуй у нее ручку за меня. Не забудь кланять-

ся Уленьке и Анисье Петровне. Очень желаю, чтобы новая хозяйка Высокого[8] успела к твоему приезду привести все имение в самый лучший порядок, наполнив все закрома хлебом, и чтобы при этом торжестве ее полезной деятельности она пользовалась всю предстоящую зиму таким же постоянным здоровьем, как здесь в последний год. О радость, радость, когда вы увидитесь в своем мирном уголке. Зачем не буду я с вами хоть на одну — одну ту минуту! Я уверен, что Валерьян М[ихайлович][9] будет ожидать тебя в Высоком. Как бы скорее пролетели эти скучные месяцы такого ожидания! Илья мой хочет продать свое Псков[ское] имение и переселиться на юг; но куда? Разумеется, что при жизни матушки он остается при ней, его последнее чуть было не бросило в глубокую хандру. Он грустит, что остался там один из целого семейства, сестра отъезжает в Самару[10]. Была с детьми у матушки проститься и просила благословения. Описание этого прощания щемило мне сердце, как только вспомню о нем. Илья, мужчина, не мог оправиться после этой сцены.

Владимир Осип[ович] сказал мне, что не могу быть приком[андирован] к отряду прав[ого] фланга, потому что там нет никакой части нашего полка, и чтобы я отсюда по окончании пользования отправился в полк свой[11]. Поэтому я намерен и пуститься туда опять 15-го сентября. Так как ты располагал около того времени быть здесь, то уведомь меня, пожалуйста, будешь ли и могу ли обнять тебя здесь на прощанье. Б[арон] Розен[12] навестил вчера твою м[ада]м Rennenkampf. Сергей Дмитриевич вчера же отправился в Прочный; он, по-моему, очень огорчен чем-то, о чем скажет тебе б[арон] Розен. Только что здоровье его поправилось, как вдруг делают его больным поневоле...

Я получил в последний раз 2 письма от Ильи, при одном из писем деньги, но после я отделил из них для уплаты Петру Петр[овичу], что будет отправлено в пятницу с тяжелой почтой[13], и других долгов еще 100 р[ублей] да сообразил предстоящую дорогу и заведение нужных вещей, то из полученных 700 р[ублей] едва будет мне чем доехать до Внезапной[14] за вычетом той уплаты. Писал к Илье, чтобы выслал еще поскорее, да раньше полутора или 2 месяцев не могу их получить. Сделай дружбу, извини меня, что не могу на этот раз возвра-

тить тебе ничего. Ты знаешь мои правила и можешь судить, как мне неприятна эта неисправность. При первой возможности поспешу переслать тебе все 195 руб[лей], которыми ты ссудил меня с отъезда моего из Прочного, кажется, столько! Остальные, что за мной, верно, отмечены исправно у почтенной Елизаветы Петровны в личной книге.

Пожалуйста, обними за меня Николая Александровича, кланяйся Петру Петровичу; в пятницу отправлю к нему письмо; поклонись также корешу и хозяйке твоей (Ив[ану] Павловичу и Марфе Осиповне), Федору Данил[овичу] Кир[ееву] и брату его с женой, Алексею Петр[овичу] Опоченскому[15] с женой.

Сейчас зашел ко мне Яков Ив[анович] Черадецкий, он кланяется тебе, жалеет, что не виделся с тобой при проезде твоем здесь.

Между тем надо кончать, до будущей почты. Прости. Господь с тобой, мысленно целую тебя, твой верный друг

М. Назимов.

15

М. М. НАРЫШКИНУ*

[3 сентября 1843 г. Пятигорск][1]

Спешу пользоваться первым отдыхом после несносной лихорадки, чтобы ответить скорее на твое послание от 25 августа, милый и дорогой и добрый друг мой Михайло Михайлович! Напала из-за пустяков, за пустую простуду и вымучила пятью пароксизмами, один другого злее; последний, кончившийся сутки тому назад, продолжался ровно сутки; но я вооружился против нее могущественными средствами, и она, кажется, совсем оставила меня; посмотрим, что бог даст!

Как же ты там хворал, любезный друг, по приезде во Владикавказ, не от походов ли? Пожалуйста, береги свой желудок; носи на нем повязку или обвертывай полотенцем его; я не один раз слышал, что это простое предохранительное средство приносит большую пользу имеющим слабый желудок. Впрочем, у тебя и врач на дворе, да еще и очень сведущий и осторожный, проси его из-

---

* Вверху страницы приписка Назимова: «Прежде всего рекомендую тебе вручителя этих строк г[осподи]на Вахерского, достойнейшего молодого человека».

винить меня за мое письмо к нему, я и то насилу написал на тот раз, так был утомлен пароксизмом, голова болела, что едва мог нагородить те 3 или 4 строки.

Я хотел писать к тебе в прошедшую пятницу с тяжелой почтой, на которой отправил Петру Петровичу 175 руб[лей] асс[игнациями] при нескольких строках; но голову так ломило после пароксизма, что я едва мог написать и те строки Петру П[етровичу], желая не пропустить почты. Пожалуйста, передай мое душевное извинение и приветствие Петру Петровичу и поблагодари его за добрую память обо мне. Если бы только представилась возможность видеть его, не упущу ею воспользоваться. Особенно пожелай ему от меня терпения. Друж[инин] сказывал мне, что он думает в отпуск; не вижу из того ничего хорошего. Пословица русская верно говорит: «От добра добра не ищут» и еще «Славны бубны за горами». Нельзя не желать, чтобы такие люди, как он, имели полный успех по службе и хранили полностью то мужество терпения, которое необходимо для такого успеха.

Спасибо тебе за все подробности о твоем приятном быте во Владикавказе. Что тебя тоже полюбили там общие знакомые наши, тому, брат, я нисколько не причина, а твоя собственная любезность, которая и здесь отражается в воспоминаниях по тебе.

Приветствую тебя с последним приобщением святых христовых таинств — и всей душою целую тебя; поймешь мои недоговоренные при этом чувства и желания. Я думаю, что и Елизавета Петровна говела в том посту. Что ты ничего не сказал мне о ней и о своих в твоем последнем?

Уверен, что поездка твоя с Ник[олаем] Гри[горьевичем] принесла тебе неожиданное удовольствие; увидимся, расскажешь свои впечатления. Я остаюсь здесь, во всяком случае, до твоего приезда, а может быть, и далее. Кажется, буду зимовать здесь. Во Внезапной нет квартир. Баронесса и графиня только и твердят: «Да скоро ль он будет, да будет ли он?», они очень тебя любят; ты найдешь их до 21-го сентября в Железноводске: <одно слово неразб.> кислые для них найдены не нужными, M-me Rennenkampf, кажется, хворает больше прежнего; она очень грустная, к тому же у нее сделалась рожа, хоть, разумеется, это не опасно, но все прибавок боли для бедной, слабой, измученной женщины. Я всег-

да уезжаю от нее с грустным чувством; мне кажется, она недолго проживет, хоть ей и хотелось бы жить и всего было так щедро дано ей, чтоб жить всей полнотою жизни — и так еще много в ней этих врожденных сил.

Сегодня посетил меня Александр Александрович Володский и Мих[аил] Н[иколаевич] Бибиков. Первый едет в отряд на правый фланг; второй возвращается в Ставрополь с женой, которая очень поправилась; и тот и другой просили тебе кланяться от них; Н[иколай] Як[овлевич] Дружинин[2] тоже приветствует тебя.

Пожалуйста, приезжай сюда скорее [pour la] tranquillisation M-me Rennenkampf *, когда бы ты мог пробыть здесь долее! Но, если я останусь здесь, ты, конечно, мог бы по окончании своих дел в Прочном приехать сюда и прожить до конца, т. е. до отставки.

Кланяйся от меня, пожалуйста, особенно Николаю Александровичу; приветствуй Ник[олая] Григ[орьевича], Ивана Павл[овича] и Марию Осиповну; Федора и Петра Д[аниловича] Киреевских, также Илью Фадеевича, мне очень жаль, что не мог еще раз видеться с ним перед отъездом.

Прости, мой добрый друг! Мысленно обнимаю тебя и прошу поцеловать за меня ручку Елизаветы Петровны и всем твоим, знающим меня, принесть мое сердечное приветствие. Господь да будет с тобой.

Твой всей душой Михайло Н[азимов].

Получил новость, что Канкрин[3] умер и что на его место назначен Дм[итрий] Гавр[илович] Бибиков[4]. Прошу обласкать вручителя сего достойного молодого человека г[осподина] Вахерского, он едет в Тифлис, потерял ногу от раны, ждет пенсиона и отставки.

16
М. М. НАРЫШКИНУ

28 октября [1843 г.][1] Пятигорск

Что-то долговато нет от тебя весточки, милый друг мой Михайло Михайлович. Верно, жизнь ставропольская тому причиной: обеды, вечера, игра в 4 руки: где при них улучить досуга! Я и рад твоему развлечению в такое пытливое время нетерпеливого желания скорее, скорее

---

* для успокоения мадам Ренненкампф.

увидеть своих. Я испытал это чувство не один раз, особенно когда, бывало, едучи в отпуск, завидишь кровлю родного дома. Теперь я человек холодный, равнодушный, с водой в жилах вместо крови. Вам же двоим, ожидающим отставки, я думаю, каждый день покажется за месяц, покуда не покатите восвояси. О! Пусть это промежуточное время летит скорее; пусть надежда и ожидание, оживляя душу, исцелит в ней между тем следы минувших черных дней! Если иногда урвешь свободную минутку, скажи мне, пожалуйста, хоть только то: каково здоровье твое, Елизаветы Петровны, Евдокии Михайловны и братцев твоих. Я и за то буду очень, очень признателен.

Вот я кончил пить нарзан и купаться в нем. До 23-го погода благоприятствовала мне продолжать то и другое. Здоровье мое поправилось там, а 24-го, видя, что началась стужа с непогодой, я возвратился сюда и покамест еще остановился в холодной, сырой квартире, где дует из окон и дверей, так что насилу могу отогреваться и писать. Через два же дня я перебираюсь на квартиру в нижний этаж, в дом протопопа отца Павла. Я нашел ее за 60 рублей в зиму. Там надеюсь иметь спокойное и теплое помещение. Теперь там белят стены и моют. В той квартире 3 комнаты, две мои и одна для Александра; ее хвалят зимовавшие в ней в прежние годы.

По приезде сюда получил я странное известие от Ипполита Ал[ександровича] Вревского, именно: что он должен был отказать Александру Ив[ановичу] Вегелину быть у него управляющим по имению. Просил меня написать к Вегелину, что он (Ипполит Ал[ександрович]) не только в том не виноват и что это случилось вопреки его воле, доказательством того может послужить полная доверенность, данная Вревским Вегелину в половине сентября, т. е. назад тому один месяц, и которую он мне показывал проездом здесь. Так как он желает, чтобы тебе сообщить это обстоятельство, то прилагаю личное письмо его, из которого увидишь, как это случилось. Только прошу никому не показывать того листка и не упоминать о том лице, которое было причиной отзыва, сделанного А[лександру] И[вановичу] Вегелину[2].

Вся эта проделка очень неприятна, и даже скажу, огорчила меня. Воображаю себе положение А[лександра] И[вановича]. Я знаю, что он отказался от выгоднейшего

места, чтобы сдержать слово, данное им Вревскому, вследствие сделанного ему предложения. Теперь он покуда как рак на мели. Но я надеюсь, что он не останется без места: бог милостив и справедлив!

Я пишу с этой почтой к Вегелину. Ты сделаешь доброе дело, успокоив его со своей стороны участием и добрым советом. Адресуй к нему: в Полтаву, на имя баронессы Софьи Ивановны Засс для доставления ему[3].

P. S. Прилагаемые листки В[ревского] прошу возвратить мне.

Прошу тебя пожать за меня руку Николаю Александровичу Загорецкому; кланяйся Сергею Дмитриевичу[4] и не забудь уведомить, что с ним делается. Крайне, крайне жаль его. Уж, верно, ему больше не служить на Кавказе. Прошу передать от меня приветствие всем общим добрым знакомым нашим в Ставрополе и Прочноокопе. В первом особенно Ал[ександру] Дм[итриевичу] Маевскому и Н. П. Слепцову, буде он там еще; в Прочном Фитингофу и Василию Никифоровичу[5].

Уведомь, пожалуйста, когда ты располагаешь быть в Пятигорске, разумею, проездом во Владикавказ, а не нарочно для меня; потому что, признаюсь, мне была бы неприятна эта поездка на воссоединение, с беспокойством для тебя, тогда как ты мог бы в Ставрополе прожить спокойно до отставки. Если богу угодно, мы увидимся у тебя в Высоком. До тех же пор мы можем часто знать друг о друге по переписке. Делай как спокойнее, удобнее и лучше для тебя, любезный друг. Береги свое здоровье. Да помилует и сохранит тебя господь! Дай руку и поцелуй за меня ручку досточтимой мною Елизаветы Петровны.

Твой верный навсегда друг

Михайло Н[азимов].

17

М. М. НАРЫШКИНУ

[Ноябрь 1843 г.][1]

Листок твой, от 3-го ноября, милый друг мой Михайло Михайлович, принес мне много радостей. И первая из них та, что принесла тебе и мне большую радость о моем производстве; вторая: что получил эту весть от тебя в день моего ангела. Третье: о письме Сергея Дмитриеви-

ча. О! Это, впрочем, больше, важнее тех радостей; ибо не ожидал так скоро, и — странное дело! — только что хотел спросить тебя насчет этого[2]. Четвертая радость моя: что все вы такое искреннее приняли участие во мне и что все вы здоровы и благополучны. Надеюсь, что и Николай Александрович не замедлит поправиться и укрепиться в силах. Вот сколько причин глубокого благодарения моего к богу в нынешний день и за самый день тот! Да примет он молитвы и благословения наши! Да вложит в сердца те благие чувствования, какие угодно ему; ибо все благое проистекает от него, отца светлого.

Я писал к тебе вчера вечером, но того письма теперь уже не отправлю, другое писал к Беляевым. Они лишились зятя своего докт[ора] Паули[3], который был опорою их самарских родных. Большая потеря. Брат Николай Набоков в большом горе от этой кончины. Он любил и уважал Паули и имел в нем доброго друга и помощника на службе. Пусть теперь Набоков и сестра моя пекутся об оставшемся семействе. Я надеюсь на них, хотя и не должен был надеяться на человеков.

Я еще ничего не знаю о моем производстве: почему оно последовало в 9-й Грузинский линейный батальон, тоже не понимаю[4]. Но, верно, так угодно было промыслу, да будет во всем его святая воля и слава ему во всем.

Только теперь вопрос: как скорее успеть подать в отставку.

За деньги благодарю тебя. Хорошо, что ты прислал: ибо в переездах они будут нужны мне; между тем деньги, которые я должен получить в этом месяце или начале будущего, могут пролежать или пространствовать, пока я найду их, может быть, уже по ту сторону гор.

Но лишь только получу их, то тот же час поспешу выслать тебе этот долг. Только прошу тебя, мой добрый друг, не посетовать на меня, буде замедлю не по своей воле, и назначить, в случае отъезда, кому и куда переслать эти деньги.

Пора кончать. Звонят на литургию.

Благодарю тебя и поздравляю с днем твоего ангела. Да охранит он тебя во всех путях твоих!

Мой душевный привет досточтимой мной Елизавете Петровне и кн[ягине] Евдокии Михайловне.

Прошу принесть мою глубочайшую благодарность Сергею Дмитриевичу за благосклонную память обо мне

и за живое участие, принятое им в моем производстве [5]. Поздравляю его от души с исполнением того давнего желания его сердца, о котором он однажды говорил мне в Кисловодске и которому я с тех пор не преставал желать полного успеха. Поздравляю его искренне и желаю впредь полного, непрерывного супружеского счастия на всю жизнь его [6].

18

М. М. НАРЫШКИНУ

15 ноября [1843 г.][1]. Пятигорск

Милый друг Михайло Михайлович!

Третьего дня получил я полное удостоверение в своем производстве, благодаря доброму А[лександру] Д[митриевичу] Маевскому и листку «Инвалида»[2]; до тех же пор, признаюсь, не совсем еще был уверен в нем, т[ак] к[ак] не знал, на чем основано известие, полученное е[го] п[ревосходительством] Сергеем Димитриевичем: на письмах из Петербурга или на переданных приказах. Теперь, слава богу! все удовлетворительно объяснилось для меня в этом случае, и я спешу скорее отправиться отсюда в путь, но ранее 17-го числа не успею выехать. Самая затруднительная часть дороги моей — от Терека до Темир-Хан-Шуры [3]. Надо будет ожидать оказии и плестись с пехотой, не говоря уже о трудности нанять там лошадей. Но нечего делать! Как-нибудь доберусь с помощью божией. На этом пути я увижусь с Беляевыми, прощусь с однополчанами; может быть, увижусь с Мозганом [4], а на Кубе с доброй м[ада]м Rennenkampf. Прежде всего буду в Георгиевской у Аполлона Васильевича [5]. На днях получено здесь известие, что ему стало несколько лучше после того, как вышел из раны большой кусок кости и прорвал нарыв на колене. Я очень был рад узнать это.

Теперь меня затрудняет, как бы скорее выслать тебе присланные тобой в последнем письме 200 руб[лей] ас[сигнациями]. Если б я мог получить здесь до отъезда деньги от брата, то с первою же почтой возвратил тебе этот долг мой; но так как, по всем вероятностям, я получу деньги из дому не раньше, как уже в Баку, то не предвижу возможности переслать тебе раньше генваря, Сделай одолжение, извини меня в этом невольном замедлении, буде оно случится, и распорядись при отъезде своем

из Ставрополя, чтобы полученные там деньги от меня были направлены к тебе в Тулу.

Итак, мы уже не увидимся здесь, любезный друг. Желаю тебе скорее получить отставку и возвратиться к ожидающей тебя Елизавете Петровне и ко всем вашим родным, которые, верно, съедутся в Высоком праздновать твое прибытие. Тебе остается ожидать несколько недель, мне же несколько месяцев. И признаюсь, для меня это ожидание со вчерашнего дня озарилось отраднейшей надеждой: брат Илья пишет, что матушка еще в памяти, радуется моим известиям и что здоровье ее остается на одинаковом спокойном положении. Но при отправлении того письма еще ни она и никто из наших не знали о моем производстве. Воображаю теперь их радость.

В день именин моих я встретил в церкви княгиню Прасковию Николаевну, которая пригласила меня к себе обедать, и мы выпили за дорогую новость, полученную мной от тебя [6].

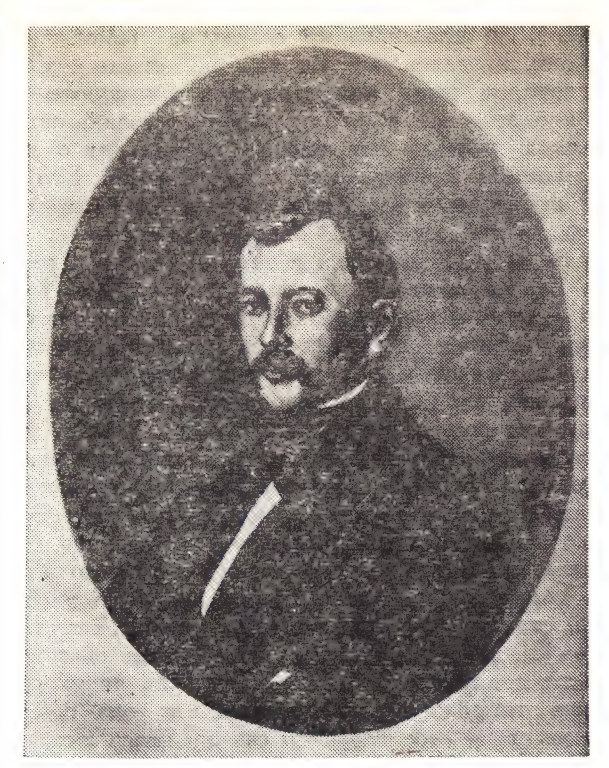
Прошу тебя засвидетельствовать мое усердное приветствие почтеннейшей твоей Елизавете Петровне, кн[ягине] Евдокии Михайловне и всем вашим ближним родным, знающим меня; кланяться Уленьке и Анисье Петровне.

Сделай одолжение, не забудь взять у Адлерберга [7] данные ему тобой листки карты моей и оставь их у себя, а я получу их, когда буду иметь истинное счастие обнять тебя в Высоком.

Прошу тебя передать мой поклон Сергею Дмитриевичу, Александру Максимовичу и Василию Никифоровичу. Пожми за меня руку доброму нашему Николаю Александровичу и кланяйся Константину Борисовичу Рихтеру [8]. Последнему скажи, пожалуйста, что я непременно доставлю ему его карточку Владикавказского ведомства, когда буду на возвратном пути в Прочноокопе.

Прости, любезный друг! Из Наура или другого места на пути моем непременно буду писать к тебе. Надеюсь, что и ты не оставишь меня своими известиями, которые прошу адресовать: в Баку, до прибытия моего.

Преданный тебе душою
Михайло Назимов.

М. А. НАЗИМОВ
Неизвестный художник. Конец 1840-х гг.
ИРЛИ АН СССР

19

М. М. НАРЫШКИНУ

[1843 г., декабрь][1]

По отъезде из Наура, гостеприимного, незабвенного Наура, откуда Гудтаф Гудтафович Алимов[2] и добрые наши Беляевы проводили меня две станции и откуда я писал тебе, я на 4-й день прибыл во Владикавказ. И[пполит] А[лександрович] Вревский просил, чтобы я у него обосновался. Я пробыл там день, чтобы посетить всех наших общих знакомых, которые поручили приветствовать тебя, и 21-го выехал оттуда. Дорогой полюбовался еще раз на Кавказский хребет в его величавом прорыве.

До Казбека, по пролегающим скалам и утесам, не было снега, и они, казалось, как бы еще не остыли после раскола, в котором были при страшном перевороте. Глядя на них, я благоговейно подумал, почувствовал, помечтал. Три великих периода или эпохи там как бы очевидны. Казбек, кажется, принадлежит к позднейшей. Его массы трахита[3] прорвали недра гор и, разлившись между древнейших формаций, окаменев, окристаллизовывались в настоящем их виде. У Казбека в этом месте узла гор был, кажется, прорыв позднейший, так же, как другой у Эльбруса. В других местах только что приподняло все горы подземным напором. У Крестовой горы при перевале я видел только шифер[4], который почитают образовавшимся от постепенных, многопериодных осадков из других предшествовавших, разрушенных водами пород. Дорога от самого Владикавказа на санях была так хороша, что я до Тифлиса мог проехать по самым трудным местам, нередко сани при раскате почти висели над пропастью. Не считая долгой задержки в Казбеке, потому что мне хотелось видеть днем эту дорогу, я всего ехал до Тифлиса 24 часа. Ночи были светлые, почти как рано утром. До последней станции от Тифлиса снегу, как в России, и мороз до —12°. Долина Арагвы даже и под снегом хороша, что же должна быть она летом? Как по ту сторону вся горная природа сурова, так по эту она грациозна. Там она несет на себе характер севера, здесь юга. Но человек еще ничего не сделал для нее ни по ту, ни по другую сторону.

Развалины по дороге и множество древних башен, церквей, Мцхет, мост на Куре, но всего более долина Арагвы сто́ит, чтобы на них остановиться вниманием.

Тифлис — большой грузинский базар, большая мастерская целого народа, или, лучше сказать, огромный караван-сарай с лавками, мастерскими, духанами, который охраняют русские, великодушные сыны православия.

Старинная часть города как бы вчера потерпела землетрясение: так там все полуразрушено и безалаберно. Архитектура церквей грузинских имеет свой особенный тип — конический купол. Новая, русская часть города похожа на все губернские города.

Весь город стоит в котловине между голых гор на живописном местоположении. Мцхет был бы гораздо лучшим местом для столицы Грузии — он им и был до 5-го

столетия. Там соединение Куры с Арагвой — климат должен быть несравненно лучше.

Дня через три надеюсь выехать отсюда в Баку. Тамошний климат одни хвалят, другие называют самым болезненным. По справке на месте увидим, что он такое. Александр мой захворал дорогой, и теперь я еще не спокоен за него. Однако ему лучше, и он еще на ногах.

Здесь я виделся с твоим знакомым, также и с моим, г[осподином] Штакельбергом[5] и Дмитревским. Они тебе кланяются.

Напиши, пожалуйста, поскорее, как ты поживаешь. Каково здоровье Елизаветы Петровны, кн[ягини] Евдокии Михайловны и всего вашего ближайшего семейства? Не забудь сказать, поправился ли совершенно гр[аф] Алексей Петрович. Куда ты отправишься теперь из Прочноокопа, также и Николай Ал[ександрович], которому прошу передать мой привет.

Всего вероятнее, ты будешь находиться во Владикавказе, где ваш полк. Как бы были счастливы Беляевы, если б ты из Екатеринограда завернул к ним в Наур, хоть на денек. Они очень желают видеть тебя.

Во Владикавказе я нашел могилу Петра Петровича[6], брата вашего, прочно и хорошо устроенной. В таком виде она надолго может сохраниться невредимой.

Во Владикавказе я узнал, что Сергей Дмитриевич уехал в отпуск для соединения с женой своей. Счастливый путь и полный успех ему! Очень жалко, что Константин Борисович хворает; передай ему при свидании мое душевное приветствие. Также приветствуй от меня Александра Максимовича и Василия Никифоровича. Да, я очень порадовался, узнав от Петра Петровича[7], что женин дядя Константину Борисовичу купил им имение в Южной России. Добрым людям бог помогает!

Здесь я видел Глебова, он мне говорил о своем житье, о неожиданном избавлении и о свидании с тобой в Прочноокопе[8]. Я оставил в Пятигорске у Федора Федоровича Каспера[9] чемодан с вещами, кожаные сумы с вещами и книгами, седло и Александров чемоданчик, как одна сума, так и оба чемодана запечатаны моею печатью. Сделай дружбу, возьми к себе все эти вещи, распечатай суму и чемоданы и что получше, прикажи сложить в один большой чемодан, который прошу тебя отправить к вам в Высокое с извозчиком и уведомить меня, что это

будет стоить, я с большою благодарностью заплачу; так как там наберется много пустого хлама и старых вещей Александра, то сохрани из них лучшие, на то его собственность, прочие, с его позволения, прошу отдать нищим. Седло возьми себе или, когда тебе не нужно, передай Беляевым. Прошу тебя одолжить меня выполнением этой просьбы моей. Очень может быть, что, получив отпуск, я проеду из Баку на пароходе прямо в Астрахань, чтобы увидеться в Самаре с сестрой, которая нетерпеливо желает меня видеть [10]. Из Тулы Егор твой может найти извозчиков, попутчиков, которые доставят вещи те в Псков.

В Высоком я непременно располагаю быть, в тот или обратный путь, когда бы бог дал получить отпуск.

Каспер Ф[едор] Ф[едорович] согласен, чтобы вещи мои остались у него до весны. Я буду писать к нему, но, надеюсь, он и по этому письму отдаст тебе мои вещи.

Прости, мой друг Михайло Михайлович! Будь здоров, спокоен духом. Желаю тебе весело встретить наступающий Новый год, с которым предварительно приветствую тебя теперь, потому что тогда я, вероятно, буду в дороге. По приезде в Баку напишу к тебе. Обнимаю тебя от всей души и прошу поцеловать за меня ручки Елизавете Петровне.

Преданный тебе друг М. Назимов.

20

М. М. НАРЫШКИНУ

30 марта [1844 г.] Шемаха[1]

Христос воскрес!

Душевное приветствие тебе от меня, любезный друг Михайло Михайлович, с наступающим светлым праздником. Христос воскрес! С этим приветствием мысленно целую тебя. Да пребудет над тобой присно и вовеки воскрешающая и спасающая милость господня. То же усердное приветствие и желание прошу передать от меня Елизавете Петровне и княгине Евдокии Михайловне. Пожалуйста, не забудь поздравить от меня добрейших и душевно уважаемых братцев ваших. Третьего дня был я обрадован листком твоим, от 13 марта, из Владикавказа, обрадован весьма, что ты сказал в нем о себе и о поправлении здоровья Алексея Петровича. Если бог благословит, то нынешняя непредвиденная поездка на Кавказ

Елизаветы Петровны вознаградится неоценимым укреплением ее здоровья. При знании способов жизни на водах ей можно будет взять там курс пользования с меньшими расходами, чем в первый раз, когда вы там были. Во Владикавказе жизнь также совсем недорога в сравнении с Прочноокопом. А главное — надо жить, как бог велит. Я помню по наружности домик, тобою занимаемый. Мне кажется, что в доме Ивана Павловича помещение удобное, особенно для хозяйства, сверх того, у него есть и мебели очень порядочные; а в цене не может быть большой разницы.

Ты, верно, воображаешь, что здесь теперь, по крайней мере, теплая весна, в то время как даже я зябну от стужи. Недели две тому назад была теплая погода, проглядывали деньки, точно летние; но потом пошли дожди за дождями, выпадал даже и снег несколько раз. В самое светлое воскресенье утро простояло ясное, а после обеда полил дождь и, перемежаясь со снегом, шел до нынешнего утра. Хоть и сделалось грязно, но можно надеяться, что ветер скоро высушит дорогу и тогда будет возможно ходить.

Недавно опять два раза слышал я прекрасную музыку новых и старых композиторов. В числе первых опера «Жидовка» la Juive par Halevi (еврея) [2] удивила меня непрерывным рядом странных, сильных идей. В других много блеска, музыкальной учености, но нет того чувства, кроме произведений Мендельсона [3]. В числе старых пьес с наслаждением слышал также и Stabat mater (Pergolesi) [4]. Но мне кажется, что в ней при богатстве и разнообразии мотивов есть что-то театральное, страстно-итальянское, чего не допустил бы ни Бетховен, ни вдохновенные певцы нашей старинной духовной музыки. Мне все верится, что как наша церковная архитектура, так и музыка, пребывая верными своему чиноположению, требуют и достигают такого символического изящества, которое по возможности выразит дух, характер и историю нашей церкви, и выразит со святым, самобытным, глубоким чувством в целом и во всех частях этих произведений: в архитектуре от главной идеи здания до последнего орнамента, до последнего, так сказать, гвоздя; и в церковной музыке это общего тона и главных моментов литургии до интермедий и последнего «аминь». Мне кажется, что вся музыка литургии должна составлять

9 10

30 Марта. Шемаха

Христосъ воскресъ!

ПИСЬМО М. А. НАЗИМОВА М. М. НАРЫШКИНУ
от 30 марта 1844 г.

одно непрерывное целое, в котором песнь «Тебе поем»[5]... есть торжественное fortissime и что «Господи, помилуй!» и «Подай, господи!» должны не только в каждой эктенье[6], но и каждый раз в особенности <одно слово неразб.> так, чтобы каждая эктенья составила, по своему месту в литургии, как бы особый эпизод музыкальный или интермедий, связывающий акты священнодействия. Я разумею такую музыку только для больших певческих хоров. Понял ли ты мысль мою? Вряд ли; потому что я, кажется, слишком наскоро выразился. Разве сам дополнишь недосказанное мною и припишешь мне то, что сам чувствуешь лучше моего.

Сейчас я получил от брата Николая Набокова радостное известие из Петербурга, что сын его[7], который сам ко мне пишет и который так огорчил и родителей своих и меня своим намерением служить на Кавказе, дал слово отцу во всем следовать его воле и поступает в Московский университет для продолжения наук и окончания юридического курса. Слава, слава богу! Эта весть и обрадовала и успокоила меня. Признаюсь, я очень боялся за следствие для сестры и мужа ее от этой отчаянной мысли сына-первенца.

Вслед за тем я узнал, что с час тому назад здесь проехала м[ада]м Ренненкампф с мужем и что они еще вчера прибыли сюда и ночевали здесь. Городничий, которого я просил дать мне знать, когда они будут обратно, за хлопотами и проливным дождем забыл уведомить меня, и я не видался с нашею доброй знакомой; очень жалею о том. Они проехали на Белый Ключ, где будет местопребывание барона Р.[8] на время отсутствия из Тифлиса корпусного командира[9].

Поздравляю тебя приобщением с[вяты]х таинств; я тоже, благодаря бога, сподобился их в воскресенье третьей недели.

Здоровье мое довольно хорошо. Впрочем, кто живой не несет своего креста и кто не испытал, как он легок, когда мы ищем бога и живем в нем. Зато, когда мы забываем спасителеву праведную и милующую руку помощи, как тогда томительно жить! Вот почему и я то недоверчив, то малодушно иду по своей скользкой тропе и большею частью и беден, и холоден, и нетерпелив, и утомлен, и безотраден, глядя на свое безуспешное нравственное поприще.

Прошу передать от меня приветствие Петру Петровичу, которого прошу о высылке мне свидетельства, когда я проехал через Владикавказ. Обнять за меня Николая Александровича, Ипполита Александровича, кланяйся всем нашим общим знакомым господам и госпожам во Владикавказе, в числе первых И[вану] Ф[едоровичу] Садовскому особенно[10].

С наступающим днем рождения Елизаветы Петровны приношу ей и тебе душевное поздравление.

Поклон от меня прошу передать Анисье Петровне и Уленьке.

Когда будешь в Пятигорске, сделай дружбу, возьми мои вещи, оставленные у Фед[ора] Фед[оровича] Каспера, под свое покровительство.

Прости, любезный друг. Будь здоров, весел, благополучен, храним господом.

Твой всей душой М. Назимов.

21

М. М. НАРЫШКИНУ

19 мая 1844. Шемаха

Дорогое известие твое от 15 апреля[1], любезный друг Михайло Михайлович, пришло ко мне к троицыну дню, с которым прежде всего приветствую тебя и почтеннейшую Елизавету Петровну. Оно подновило и держит меня на ковре радости, какой я давно не имел! От всей души поздравляю вас со счастием свидания и соединением не на Кавказе, а под своим кровом, в просторах нашей родной Руси, вблизи от ваших добрых родных. Воображаю себе, как ты блаженствуешь теперь, мой милый друг, в кругу съехавшихся к вам братцев и сестриц ваших. О! Зачем на такую пору только 24 часа в сутках! Дай бог, чтобы впредь жизнь ваша была продолжением настоящего благополучия вашего. Очень ожидаю твоего листка из Высокого. Желаю очень, чтоб ты сказал мне в нем, что можешь оттуда подать в отставку. Валерьян М[ихайлович] писал мне, что едет к тебе на встречу с женой, радуюсь и за него и за вас — право, это все как будто приятный сон для меня, так я отвык от подобной действительности.

Миллион вопросов к тебе толпится в голове моей, но где теперь тебе отвечать на них; по крайней мере, одол-

жи меня сказать, как ты нашел в здоровье и вообще Елизавету Петровну, кн[ягин]ю Евдокию Михайловну, братцев ваших, которых я имел удовольствие знать, и нашего Валерьяна Мих[айловича] с женой? Всем им, кого застанут эти строки, прошу тебя сказать мое душевное приветствие.

Я, кажется, уже писал к тебе, что Илья располагает приехать нынешним летом в Пятигорск, если узнает, что мне отказали в отпуске. После этого известия от него вот уже три недели не имею от него писем, хотя я просил его уведомить меня заблаговременно о своем выезде, чтобы я мог просить в Тифлисе о прикомандировании меня к линейному Пятигорскому батальону или к ближайшему оттуда действующему отряду. Авось это молчание — знак отъезда его. Сестра писала мне, что он намерен был прежде быть у ней в Самаре, а оттуда чрез Астрахань в Пятигорск. Это недурно! Посмотрим, что будет. Что, не думает ли он из Астрахани пуститься морем до Баку! Можешь судить, в каком я теперь ожидании [2].

На днях проводил я своего доброго старого товарища Гернгроса [3]. Чиновники его палаты давали ему прощальный обед, на котором были все власти и чины всех ведомств Шемахи. Приятно было видеть единодушное к нему уважение и всеобщую признательность, как к начальнику и честному человеку. Он, кроме своей должности, временно управлял однажды и всею областью. После прощальных визитов целого города отправились провожать его сотней его знакомых и приятелей. Я рад был тому, что он едет на Одессу, где увидит нашего Титова [4], которому я с ним писал.

Шемаха, как я тебе писал, лежит на скате горы, и по приезде моем я не видел в ней садов, которые спрятались во внутренности дворов, теперь откуда-то взялась зелень между грудами каменных домов, лавок и саклей. До сих пор не было еще здесь больших жаров; напротив, время стояло прохладное и дождливое.

Я здесь не имею недостатка в книгах. Недавно читал любопытные о России записки Манштейна времен Екатерины I и почти до исхода царствования Елизаветы [5]. Несколько интересных вещей о Востоке, в числе которых поэма Саади «Гюлистан» [6] очень занимала меня, также и описание различных исповеданий магометанства. Я и не подозревал, чтобы в нем было столько сект. Совсем

особенный мир, которому долго еще коснеть в своем освященном невежестве. Все чаще бываю здесь у Торнау[7], которого беседы и сведения о востоке персидском занимают меня. Жена его милая, добрейшая женщина — немка, хорошо воспитанная. Вот тебе отчет о моем существовании. Поцелуй за меня ручку Ел[изаветы] Петровны. Прости! Дай руку! Уленьке и Анисье Петровне от меня прошу сказать поклон. Господь да будет с вами.

Пожалуйста, кланяйся от меня Мих[аилу] Мих[айловичу] Гамалею, туль[кому] вице-губернатору[8], когда с ним увидишься.

22

М. М. НАРЫШКИНУ

4 ноября [1844 г.][1] Шемаха

Поздравляю тебя, любезный друг Михайло Михайлович, с наступающим днем ангела твоего и приезда; мое усердное приветствие почтеннейшей Елизавете Петровне с этим общим праздником вашим. Дай бог, чтоб этот день был во всех отношениях самым полным праздником для вас!

Я так уже давно не имел от тебя известий, что за последние месяцы не могу составить себе удовлетворительного понятия о вашем житие-бытие. Забыл ты меня, любезный друг, или виноват! — скорее захлопотался ты по своему новому хозяйству. Вот уже на два мои последние нет ответа от тебя.

В исходе августа я отправился отсюда в Карабах — самую любопытную часть этой области. Там еще сохранился азиатский феодализм. Там развалины многочисленного и некогда известного мирного населения армянского царства, там роскошная горная природа, и самые драгоценные памятники того края — в числе многих упраздненных и полуразрушенных, три монастыря, из которых в одном почивают останки с[вято]го апостола Фаддея, одного из 70 учеников господа-спасителя. Все это влекло меня туда и на самом деле превзошло мои ожидания, оставило в душе моей незабвенные воспоминания. Я снял — про себя — виды двух этих монастырей; когда увидимся — покажу тебе их и передам свои впечатления и мысли о тех местах, где на могилах трудолюбивого, промышленного, христианского племени или даже народа, на развалинах городов, селений бродят по сие

время разрушительные остатки орд, переживших древний мир в период от Сельджуков до Оттоманов включительно. Тимур-лен[2] имел там свой стол в продолжение двух лет и оттуда ходил войной на Тохтамыша[3] под Астрахань.

Несмотря на все эти опустошения, еще уцелели в том краю гор трудолюбивого и мирного народа армянского селения их, большею частию в прежних горных местах; красиво расположены, прочно отстроены. В этом народе заметна еще религиозность, а потому и надежда на его успехи в цивилизации. Вероисповедание его грегорианское, почти нисколько не расходящееся с нашим, даже в обрядах; а в основе своей совершенно одинаковое.

Я пробыл там в разъездах и в Шуше[4] 2 месяца. В последней часто ходил на могилу Александра Миклашевского[5], оттуда очень хорош вид на всю крепость и на окрестные горы.

Вчера видел я здесь Семенова[6], который служил в Измайл[овском] полку, а потом был вице-губерн[атором] в Орле, где часто бывал вместе с Валерьяном Мих[айловичем]. Теперь он в Тифлисе членом Совета и приехал сюда ревизовать область. Он просил передать от него поклон Валерьяну Голицыну, которого он очень уважает. И от последнего я также не имею ответа на мое последнее.

Здесь в два месяца моего отъезда не стало достойнейшего человека — обл[астного] нач[альника] генерала Иванова и доброго человека — моего бывшего бригадного ком[андира] генерала Нильсена[7]. Особенно жаль семейство первого.

Прости! Прошу обнять за меня ручки Елизаветы Петровны и свидетельствовать почтение Евдокии Михайловне. Да будет над вами милость и благословение божие! Пожалуйста, пиши ко мне.

Твой верный друг Михайло Наз[имов].

23

М. М. НАРЫШКИНУ

18 июня 1845. Лагерь на Турчей даче

Любезный друг Михайло Михайлович! По отправлении моего последнего из Шемахи я поспешил в отряд, в который был направлен по воле начальника штаба: это

Самурский отряд, которого начальник князь Аргутинский-Долгорукий[1]. Я спешил прибыть к месту и ехал так скоро, как только позволяли лошади мои, которых я должен сберечь сколько-нибудь для похода. Бурный Самур[2] лежал на моем пути и был в то время в большой воде; слава богу, я переправился через него благополучно и 30 числа нагнал отряд под Кумыхом, сделав в последний день с лишком 60 верст по крутым и высоким горам. На другой день рано утром мы выступили в поход. Я прикомандирован к Тифлисскому батальону. Эти молодцы егеря напомнили мне кабардинцев, с которыми я сделал несколько экспедиций. От тифлисцев я узнал несколько обстоятельно о смерти Мозгана в Гергебиле, где был начальником бывший в 39 году моим баталионным командиром майор Шеганов[3], достойный памяти за его предсмертный подвиг в Гергебиле.

С 30-го числа мая беспрестанно в движении. Дожди непрестанно мочат путь нам и особенно подъем артиллерии. Плохое здоровье мое, но пока держится — благодаря бога. Ни один из отрядов, сколько я знаю, на целом свете не подвержен таким трудностям и лишениям, как здешний. Край здешний представляет громады гор, взгроможденные одна на другую: нет долин, ни леса. Все тут имеют шубы, носят их, как только становятся лагерем. Нередко среди дня зябнут руки. Туманы избрали эти горы своим логовищем. Редко видно ясное небо. Право, во всем этом нет никакого преувеличения, а чистая правда. Не знаю, долго ли выдержит мое плохое здоровье. Желал бы дождаться до конца похода, все в воле бога милосердного, на него возложил все мои упования.

Прошу засвидетельствовать мое почтительное приветствие Елизавете Петровне, княгине Евдокии Михайловне и любезнейшим братцам вашим. Анисье Петровне и Уленьке от меня поклон. Первой — успехов в приготовлении варенья.

Прости, добрый друг. Будь счастлив, не забывай меня. Пиши мне, как ты поживаешь. Валерьяну Михайловичу при свидании или в первом письме передай, пожалуйста, мой сердечный привет. Дай руку!

Твой всей душой Михайло Назимов.

24
М. М. НАРЫШКИНУ

[Апрель 1846 г. Шемаха][1]

Христос воскрес!

Любезный друг Михайло Михайлович! Спешу похристосоваться с тобой, поздравить с наступившим светлым праздником и от души обнять. Искренне желаю, чтобы ты встретил и праздновал воскресенье спасителя мира в полном христианском утешении, веселии и уповании, был совершенно здоров и душою и телом.

За неимением довольно долгое время от тебя известий я был встревожен письмом Александра Беляева, узнав от него, что ты очень хворал. Что, не болезнь ли твоя была причиной, что ты давно не писал ко мне! Да сохранит тебя и дарует тебе крепкое и прочное здоровье милосердный господь! Ты меня очень успокоишь и утешишь собственными своими известиями о своем здоровье. С нетерпением ожидаю их.

На второй день праздника был я обрадован письмом Валериана Михайловича, который очень хвалил ваш новый дом и пишет, что в течение прошлой зимы был у вас два раза. Признаюсь, позавидовал ему в этом случае: я бы и одним разом был много доволен. По невозможности удовлетворить этой потребности на самом деле я часто переношусь к вам мыслию и душою.

Вверив себя воле всевышнего, я спокоен духом; иногда крепко взгрустнется, но с кем того не бывает! Утешение мое в возрастающем во мне уповании и убеждении в спасительности судеб божиих. К тому же лучше здесь расплачиваться, чем там, где счетам конец.

Беляевы, верно, сами писали к тебе, что скоро располагают ехать из Владикавказа в отпуск к родным своим в Самару. Там они увидят сестру мою и мужа ее — старого их товарища по службе, который очень любит их.

Я по сие время не имею еще никаких известий о ходе моего прошения[2]. Чрез неделю ожидают сюда наместника[3], на пути его в Южный Дагестан, где, как говорят, он пробудет неделю и по обозрении того края возвратится в Тифлис опять через Шемаху. На этот раз назначен здесь по маршруту только ночлег; на следующий — дневка.

Прости! Да будет с тобой милость божия! Не ленись,

М. А. НАЗИМОВ, конец 1840-х гг.
ИРЛИ АН СССР

пожалуйста, писать! Если б в случае отъезда моего письмо твое не застало меня здесь, его перешлют ко мне в Самару или туда, где бог приведет. Мысленно обнимаю тебя, преданный тебе душою дру[г]

М. Назимов.

Почтеннейшей к[нягине] Евдокии Михайловне, шуринам твоим[4], Уленьке и Анисье Петровне прошу передать от меня приветствие с нынешним праздником и первой — глубочайшее уважение.

Христос воскрес![5]

Почтеннейшая и добрейшая Елизавета Петровна! Примите мое усерднейшее поздравление с нынешним светлым праздником, который всей душой желаю Вам проводить в самых утешительных христианских чувствованиях и, с тем вместе, в полном благополучии и добром здоровье. Я надеялся лично принесть Вам эти приветствия, когда бы получил отставку в начале марта, как того ожидал, но на этот раз не удалось — и я буду очень благодарен своей судьбе, если когда-нибудь она доставит мне эту честь и вместе живейшее удовольствие.

При искреннем желании лишь было бы милосердие бога прошу Вас принять чувства глубочайшего к Вам почтения и совершенной преданности имеющего быть Вашим покорнейшим слугой

М. Назимов.

25

М. М. НАРЫШКИНУ

10 февраля 1847. Псков

Спешу ответить тебе, любезный друг Михайло Михайлович, на твои два, от 3 января и другое, доставленное старостой Иваном Антоновым. Начну с последнего. В письме к Елизавете Петровне я сообщил ответ купца Боборыкина и дополнительное по нему известие, переданное мне на словах Иваном Антоновым[1]. То и другое поставили меня в большое затруднение. Видя большую разницу в кондициях Боборыкина с твоими, на которых вы окончательно остановились в своем письме мне и которые принимаю в основание или minimum контракта, несмотря на полномочие, данное мне вашим верющим письмом, сообразуя уклончивость его для заключения контракта и отлагательство им последнего до мая или июня, я оста-

новился поездкой в Холм и распорядился так. Посылаю с письмом от себя к Боборыкину старосту вашего, которому добавлю при том словесное наставление, как действовать. Он должен привезти мне ответ от Боборыкина. Если последний согласится приступить немедленно к заключ[ению] контракта и уплате при том хоть 4 т[ысяч] рубл[ей], а остальных в 2 года, удостоверит меня, что будет ожидать моего прибытия, то я поспешу к нему в Холм. Тем временем авось получу ваш ответ на это письмо мое, который адресуйте сюда, а не в Быстрецово, чтобы оно скорее дошло ко мне.

Прошу Вас сказать мне определительно: действовать на кондициях Боборыкина? Вы хозяева — ваше и решение, и я в этом случае выполнитель вашей воли. Если б вы не назначили своих окончательных условий как в твоем листе, так и строках Ел[изаветы] Петровны (они одинаковы и определены подробно), то я не затруднился бы тотчас ехать наудачу в Холм, справился бы там о ценах на лес и буде он ниже, то поладил бы с Боборыкиным как пришлось, лишь бы продать лес.

Впрочем, потеря времени в этой переписке не очень важна, как я надеюсь. Боборыкин же отдал бы вам теперь 4 т[ысячи], при заключении контракта условленные.

Он, видно, или не при деньгах, или желает воспользоваться процентами с 4 т[ысяч] до мая, июня или еще позже.

Между тем я буду писать к холмскому городничему Казимирскому, чтобы он уведомил меня, нет ли других охотников, состоятельных людей на покупку вашего дуба. Поспешите своим ответом ко мне.

Благодарю тебя от всей души за старание приискать мне угол в ваших краях и известия о продающих там имения[2]. До 4 февраля, когда возвратился сюда из С.-П[етербурга] брат Илья, я оставался в полной уверенности, что брат привезет с собой назначенную им мне сумму, в ломбардном билете, как он и жена его меня обнадежили; вышло иначе. Теща же их не согласилась, чтобы они тронули капитал, принесенный в приданое женой его. И брату ничего более не осталось, как продать свое имение. Между тем он дает мне вексель на один год в назначенной мне сумме. Кто же мог ожидать такого оборота[3]. Ну, как быть: бог с ними!

Илья очень признателен тебе за приветствие твое к нему и просит передать тебе от него поклон и желание всего тебе приятного.

Прошу тебя принесть в письмах своих мое усерднейшее приветствие и глубокое почтение Евдокии Мих[айловне] и Анне Никол[аевне][4]. Кланяйся при свидании Траулеру. Мой привет Ульяне Андреевне и Анисье Петровне.

Прости! Спешу окончить эти строки, чтобы застать почту. Желаю тебе доброго здоровья и отрадно совершить наступивший пост[5], также сподобиться животворных, спасительных даров христовых.

Преданный тебе душою друг

М. Назимов.

26

М. М. НАРЫШКИНУ

25 февраля 1847 г. Псков

В моем последнем, от 11[-го] этого месяца, я изложил вам отзыв на имя Боборыкина и что я отправлю в Холм старосту Ивана Антонова с письмом к Б[оборыкину], которого просил дать мне определительный ответ: в случае согласия вашего на его кондиции, готов ли он немедленно приступить к заключению со мной контракта на этом основании (в силу данного мне от вас верющего письма) и уплатить при том условленные 4 т[ыс.] р[ублей] серебром? Я просил этого ответа на письме, которое Б[оборыкин] должен был вручить Ивану Антонову и подтвердить последнему не мешкая доставить мне этот отзыв. С тем вместе поручил Ивану Антонову разведать из-под руки о ценах на лес в Холму и нет ли там других охотников на вашу дачу[1].

Иван Антонов возвратился сегодня с ответом не на письме, а на словах, которые не могут служить для меня документом. Он объясняет, что Б[оборыкин] откладывает заключение контракта до мая или июня и писал о том прямо к вам, в Тулу. Что теперь он мог бы заключить со мной только предварительное условие (какое же?) и уплатить при том тысячу руб[лей] серебром, что, наконец, он готов сделать в мае или июне контракт или в Холме или в Петербурге, а сюда приехать не может. Между тем 17-го нынешнего месяца он едет по делам своим в Петербург.

Так как Ивану Антонову теперь нечего здесь делать, то я разрешил ему возвратиться к вам в Тулу.

С будущей почтой надеюсь еще поговорить с вами об этом. Прости, любезный друг Михайло Михайлович; крепко жму тебе руку и прошу принесть от меня глубочайшее почтение Елизавете Петровне. Брат Илья приветствует вас от всей души.

Твой друг навсегда М. Назимов.

27

И. И. ПУЩИНУ

16 мая 1847. Быстрецово*

Прими, любезный, многоуважаемый Иван Иванович, от меня и жены моей этот листок так, как бы мы сами пришли к тебе. Ты уже знаешь Вареньку[1] мою по переписке. Я читал твои милые к ней строки, которые она хранит, как драгоценность. Она душой предана всему вашему семейству и глубоко чтит все, чем обязана ему так много. И я ему же обязан навсегда настоящим полным счастием своим. Обязан за все существенное неоцененное добро, которое оно сделало моей Вареньке, и за то живое незабвенное участие, которое приуготовило судьбу мою, ободрило меня и утвердило в решимости просить руки девушки, которую я полюбил всей силой души моей, но которая стояла так важно в глазах моих, что без того участия я не смел бы сделать ей предложения и, наверно, навсегда остался бы одиноким. Тут было несколько таких обстоятельств, которые имеют для меня цену выше всякого выражения, и я считаю их, верю в них — как в благословение свыше судьбы моей. Так, между прочим предчувствие Анны Ивановны[2] и общее их желание, выраженное незабвенным для меня образом, чтобы я женился на Вареньке моей. Я узнал о них уже после, в день сговора нашего. Михайло Иванович и Марья Яковлевна[3] оказали и оказывают мне самую искреннюю братскую дружбу. Приветствия, полученные мною от всех ваших, останутся навсегда в моей признательной памяти. Благословляю небо за все эти благодеяния его, оказанные мне людьми многоуважаемыми и любимыми: таково для меня и семейство Пальчиковых[4], в доме которых, в Щиглицах,

* Карандашная помета Пущина: «Пол[учено] 13 июня».

В. Я. НАЗИМОВА, конец 1850-х гг.
ИРЛИ АН СССР

познакомился я с женой моей, получил ее руку и где была наша свадьба. Одна другой добрее, умнее и добродетельнее. Все дамы в этом удивительном и почтенном семействе взыскали меня и жену мою такой любовию и дружбой, как бы были родные члены их дома. Не ожидал я никогда столько и такого счастия для себя. Как бы с неба упало и посыпалось на меня разом. Прошу бога сохранить эти блага для меня — тогда уже буду я счастливейший человек. При мысли о тебе всей душою молю его ниспослать тебе еще больше, чем мне, блага, если это возможно, или все то, что может составить полное, самое полное благополучие твое. Прошу тебя передать от меня сердечное приветствие Ивану Дмитриевичу, Матвею Ивановичу, Федору Богданову[5] и отцу Степану Яковлевичу[6]. Прежде я имел постоянные о тебе известия от Розена, в последнее же время от Мих[аила] Ивановича.

Я поселился в Быстрецове — имении, уступленном мне братом Ильей. Теперь исправлю дом, уголок наш очень приятный. Авось когда-нибудь мы будем осчастливлены иметь тебя своим дорогим гостем. Да ускорит бог это желанное время. Прости. Крепко жму твою руку. Душевно любящий и уважающий тебя

Михайло Назимов.

28

И. И. ПУЩИНУ

26 сентября 1847. Быстрецово*

Давно уже имели мы истинное наслаждение получить добрый листок твой от 21 июня, любезный друг Иван Иванович. Жена тогда же хотела отвечать тебе, да я задержал ее — хотел писать вместе с нею. Извини, что замедлил: это не оттого, чтобы не было совсем досуга, а, прости, прозевал, — искренне задушевно спасибо тебе и всем нашим добрым друзьям в Ялуторовске за ваши приветствия и желания мне в новом быту моем. Чувствую сердцем такие благословения и верую в добрую силу их. Спасибо вам, друзья. Благодарю добрейшего Степана Яковлевича за его привет и молитвы. Всей душой люблю и чту этого чудного человека и утешаюсь его воспоминанием обо мне, надеюсь на его молитвы о нас. Жена моя разделяет мои чувства к нему. Тебя, любезный друг, она любит и уважает, как самого милого брата. Мы с ней часто вспоминаем тебя. Из письма твоего к Авдотье Ивановне [1] знаем, что ты прошедшего лета занят был исправлением дома твоей хозяйки, хворал лихорадкой, но после оправился — слава богу; что ты призрел сироту — маленькую твою Аннушку [2], которая утешает и занимает тебя. Вижу отсюда Пущина с этой крошкой и не перестану всей душой желать скорее увидеть тебя одного или с ней на нашей родине.

Я имел в продолжение минувшего лета много забот, хлопот и тревог. Только что начал осматриваться на новоселье своем в Быстрецове и принялся за переделку дома, который нашел необитаемым, как надо было ехать к брату Илье, чтобы познакомить лично мою жену с его женой [3], возвратившейся из Петербурга после родов. Ва-

---

* Карандашная помета Пущина: «Получ[ено] 4 ноября».

ренька моя захворала в этой дороге, заехала оттуда в Щиглицы, чтобы видеться с Авдотьей и Варварой Ивановными[4], и довольно трудно приболела там почти целый месяц. В продолжение этого тяжелого для меня времени я должен был устраивать дом, доставать материалы для него, смотреть за рабочими, чтобы делали свое дело не как-нибудь и чтоб к осени иметь уже спокойное помещение; должен был наблюдать за полевым хозяйством своим и крестьянским и с тревогами в сердце ездить навещать больную жену за 60 верст. Она была на руках у добрых и истинных друзей наших — Пальчиковых, была вместе с твоими двумя сестрицами, в которых жена моя имела и я нашел истинных сестер; но неуверенность в искусстве медика и трудность болезни приводили меня не только в отчаяние за жену мою. В последних числах июля она, благодарение богу, совершенно выздоровела и мы приехали с ней в Быстрецово, где целый месяц еще жили в одной маленькой горнице. После того переделки, предположенные в доме на нынешний год, были кончены, нам можно было иметь удобное помещение для себя и гостей, и мы уведомили о том Авдотью и Варвару Ивановных, которые вместе с Анной Петровной Пальчиковой посетили нас, провели у нас двое суток. Это был для нас истинный праздник. Авось когда-нибудь и тебя бог приведет нам увидеть под нашим кровом.

Ты отгадал, любезный друг, мысль мою касательно имения, которое я взял от брата Ильи вместо назначенного им мне Решетова. Да, я видел, что могу быть полезен бедным мужичкам своим, несмотря на трудные условия, которые применил я на себе: грунт земли во всем имении самый нехлебородный и долгу казенного до 40 т[ыс.] р[ублей] ассигнациями. Хозяйству сельскому да и всему мне предстояло учиться. С другой стороны, жена желала, чтобы оставались жить в этом крае; Мих[аил] Ив[анович] был того же мнения. Почтенный дом Пальчиковых призывал нас к этим местам всею силой душевного родства. Итак, я решил взять на себя, как ты говоришь, трудную ношу, в надежде на помощь божию. В имении здешнем давно уже не жили сами хозяева: оттого мне предстояло много работы по всем статьям. Крестьяне обрадовались, что у них теперь живет сам хозяин. Всматриваясь в их быт и нравы, я не могу надивиться, что они еще не в совершенном упадке. Нынешним летом я не мог

посвятить им столько времени, сколько желал, будучи озабочен переделками дома и другими заботами, всеми требованиями моего личного наблюдения. Оно, может, и к лучшему, потому что с русским мужичком надо быть очень осмотрительному. Урожай нынешнего года очень посредственный у нас, но и ему мы рады. Поля все засеянные (под озимь): хорошими семенами. Магазины запасный и сельский полны. Сбор податей благонадежен— и слава богу покуда.

Сейчас получили мы письма от Мих[аила] Ив[ановича] и Marie из-за границы, также от Поленьки из Новгорода. По первым видимо, что наши путешественники скоро будут к нам в Быстрецово, именно в первых числах октября, п[отому] ч[то] они выехали из Остенде 13 сентября и дорогой пробудут в Дрездене 4 дня. Иван Александрович[5] с Верой Ивановной и Поленькой[6] тоже рассчитывают на днях быть у нас. Вот сколько дорогих гостей предстоит нам иметь у себя в скором времени. Мих[аил] Иван[ович] пишет, что раны его на ноге совершенно почти зажили. Marie чувствует себя лучше. Ты, верно, не замедлишь получить их приятнейшие листки, нами прочитанные.

Прошу тебя передать от меня сердечный привет Матвею Ивановичу, Василию Карловичу, Евгению Петровичу и Степану Яковлевичу. Дорога и утешительна для меня память этих почтенных людей. Что же ты ничего не сказал об Иване Дмитриевиче.

Прости, милый друг! Молю бога и подкрепить твое здоровье и ниспослать тебе все, что может служить к твоему спокойствию и утешению. Поласкай за меня свою малютку Аннушку. Крепко и от души обнимаю тебя.

М. Назимов

P. S. Брат мой Илья очень признателен тебе за память о нем и поручил мне передать тебе его усердный поклон.

Пожалуйста, напиши мне, каково поживает Александр Федор[ович] Бригген, и, при случае, засвидетельствуй ему от меня дружеский поклон и искреннее уважение.

29

И. И. ПУЩИНУ

23 декабря 1847. Быстрецово*

Мы хотели писать к тебе с нынешней почтой, как получили листок твой от 15 ноября в ответ на наше последнее. Спасибо тебе, любезный друг Иван Иванович, за известие о своем житье-бытье и о всех наших ялуторовских товарищах. Особенно благодарю за уведомление об Иване Дмитриевиче. Молчание твое, Розена и других, к кому я обращался с вопросами о нем в последнее время, заставляло меня предположить, что он уже кончил свой скорбный путь. Да подкрепит господь всех вас! Очень признателен Евгению П[етровичу] за доброе намерение подарить меня своим листком. Душой жалею, что он лишился малютки своей, о чем писал мне Розен. Тяжелы должны быть сердцу родителей подобные испытания.

На вопрос твой, кто из наших остался еще на Кавказе, кажется, я уже отвечал тебе, что никого. Я последний оставался там и возвратился оттуда. Из числа прибывших туда вместе со мной и в продолжение моей там службы Ал[ександр] Одоевский умер в [1]839 году в десантном отряде Раевского[1] в укреплении Субаши на Восточ[ном] берегу Черного моря, Лихарев убит в [1]840 году в деле под Валериком в Малой Чечне, Дивов умер, кажется, в [1]839 году[2], от ружейной раны в чашку колена, в Щедринском госпитале; он получил эту рану в Чечне, наконец, Мозган почил вместе с горстью храброго Гергебильского гарнизона в (Дагестане) в [1]843 году. Все прочие возвращены в Россию, т. е. получили отставку, последние предо мной получили ее Беляевы, прибывшие на Кавказ в [1]840 году. Я на этих днях получил высочайшее разрешение свободного выезда в Москву и во все губернии империи, кроме Петербурга и Царства Польского, вследствие письма моего к графу Алексею Ф[едоровичу] Орлову[3]. Как только дозволят хозяйственные обстоятельства, первый наш выезд с женой будет в Новгород к твоим почтенным и добрейшим сестрам за их живое и дружеское участие ко мне и жене моей. С последней почтой имели мы письмо из Паричей от Поленьки. Она успокоила нас известием, что они все трое здоровы

---

* Карандашная пометa Пущина: «Пол[учено] 5 февраля».

и благополучно туда доехали[4] и что появившаяся там холера похитила только одну жертву из числа жителей местечка, а теперь, вероятно, уже прекратилась с наступлением холодов.

Мы думали и желали провести это время в Щиглицах, да за бездорожицей, от недостатка снега должны сидеть дома, где, впрочем, для меня всего лучше. Кроме хозяйственных занятий и переписки с родными и друзьями, читаем вместе с женой, я слушаю ее приятную игру на фортепьяно, делим чувства и мысли в беседе, иногда видимся с нашей доброй соседкой Брылкиной, козыряем с ней в преферанс, до которого она большая охотница.

От времени до времени, когда был путь, посещал нас брат Илья с женой и другие близкие нам. Почти каждую неделю бывает служба в нашей домовой церкви. Вот тебе вкратце круг нашей жизни, за которую не могу довольно благословлять бога.

Поздравляю тебя с наступающим праздником[5] и Новым годом и прошу передать от меня то же приветствие всем нашим в Ялуторовске, также отцу Стефану Яковлевичу, с искренней к ним признательностью за добрую память обо мне, усердно желаю всем вам приятно проводить предстоящие праздники и наступающий год. Да дарует вам господь крепость силы духа и здравие и все, что каждому из вас нужно и полезно для преуспевания в жизни, определенной его святой волей. Дружески обнимаю тебя.

Преданный тебе душою М. Назимов.

Александру Федоровичу Бриггену прошу передать мой усердный поклон.

30

Е. П. НАРЫШКИНОЙ

29 января 1848. Быстрецово

Совестно мне, что я замедлил на этот раз писать к Вам, добрейшая, душевно уважаемая Елизавета Петровна. Среди разного рода забот, о которых далее буду говорить, я запустил свою переписку, как вдруг получаем дорогой листок Ваш, от 27 декабря. Он пристыдил нас, и мы оба с женой были в горе, что не успели удовлетворить сердечной своей потребности — предупредить Вас своими приветствиями по случаю наступившего Нового

года. Я один виною в этом замедлении и ожидаю от старой дружбы Вашей великодушного в нем извинения. Примите с Михайлом Михайловичем мое усердное приветствие с прошедшими праздниками и Новым годом. Да будет над вами всегда и во всем щедрой милость божия, о чем ежедневно молю его! Благодарю вас за ваши благословения и желания нам. Мы приняли их с живым искренним чувством; счастливы оба таким отрадным ответом вашим на нашу чистую дружбу и любовь к вам, счастливы с тем вместе известием о вашем возможно счастливом житье-бытье. Ну как не радоваться за Вас, Елизавета Петровна, что здоровье Ваше так хорошо Вам служит, несмотря на глубокие душевные потрясения в последнее время[1]. Признаюсь, я боялся, чтоб Вы не поплатились им по возвращении из Москвы. (Нам писали из Новгорода, что видели там Наталью К[ирилловну][2] с мужем.) Всей душой жалею об утрате, постигшей Евдокию Михайловну и чрез нее всех вас. Да утешит и успокоит ее господь! Как кстати пришло Мих[аилу] Мих[айлович]у разрешение на въезд в Москву. Я думаю, что теперь Евдокия Мих[айловна] переселится к вам. Прошу Вас передать ей мое искреннее участие в ее справедливой скорби вместе с желанием перенести это трудное испытание для ее любящей души.

Очень рад я, что вы часто видитесь с добрым нашим другом с Валерьяном[3] и его семейством. Как бы мне хотелось взглянуть на них и их милую малютку. Для меня большое лишение быть так далеко от вас и их. Иногда особенно живо это чувствую. Прошу Вас сказать им при свидании мой душевный привет, также Николаю Александровичу[4] и Николаю Климовичу за известия, о которых много благодарен Вам. Я полагал Н[иколая] Ал[ександровича] на службе в Симбирск[ой] губ[ернии] и просил Ник[олая] Ал[ександровича] Набокова принять его как старого друга моего, сделать для него все, что можно. Теперь очень рад узнать, что он служит в Туле, потому рад особенно, что он вблизи от вас и что Набоков думает оставить службу, на которой потерял здоровье. После смерти сестры моей Annette[5] он долго страдал и душевно и болью в глазах, которые уже и пред тем сильно были расстроены постоянными занятиями.

Под конец прошедшего года и в начале нынешнего я был в беспрестанных работах по имению. Подати и по-

винности, сбор хлеба в сельские и казенные магазины, снабжение крестьян лесом, окончание счетов за истекший год, доставка хлеба и других продуктов на продажу, она затруднительна из-за бесснежной по сие время зимы; поездки в город для составления купчей — все это требовало и времени и опыта и нередко больших хлопот: вы знаете русского человека с его добродетелями и недостатками. Слава богу, на первый раз все довольно успешно устроилось, а на будущее время прибавилось опытности. Я не ожидал так хорошо окончить первый хозяйственный год свой при тех трудностях, в которых находился по новизне своей и ограниченности средств. С другой стороны, я узнал посреди всех этих проделок всю цену того истинного счастия, которым благословил меня господь в моем друге.

Послезавтра едем мы в Псков делать визиты, располагаем пробыть там не более недели; затем поспешим в Щиглицы (в 12 верст[ах] от Пскова) провести неделю в добрейшем семействе Пальчиковых; возвратившись оттуда домой, намерены пуститься в Новгород недели на две. В Москву же и к вам, вследствие высочайше дарованного мне разрешения свободного разъезда по всей империи, кроме Петербурга и Царства Польского, мы ласкаем себя приятнейшей надеждой побывать в конце нынешнего года или будущей зимой, если не встретится каких-либо неожиданных препятствий. Мы все думали, что авось вы соберетесь в Кярово[6] и завернете в наш уголок. Теперь, узнав, что вы весной хотите ехать к братцу Ивану Петровичу, простились с этой дорогой надеждой. Желаю вам доброго пути и всех тех удовольствий, которые ожидают вас у достойнейшего братца вашего. Пожмите ему за меня руку, уверьте его в искренней моей дружбе к нему, прошу вас.

Мы провели почти всю осень и зиму по сие время у себя в Быстрецове, почти не разлучаясь вдвоем: счастливейшие дни; благодарите за меня бога, добрейшие друзья мои. Он взыскал меня щедрой своею милостью. Вы полюбите мою Вареньку тем более, чем ближе узнаете ее. Мы с ней часто-часто говорим о вас. Она знатно знакома теперь и с Валерьяном М[ихайловичем], с всеми друзьями нашими. Иван Пущин уже несколько раз писал к нам, про Розена и говорить нечего. К нему мы собираемся при первой возможности[7]. Если б я успел по сие время про-

дать хлеб, заскочил бы к нему из Пскова. Вы уже знаете почти быт наш, знаете, что жена моя любит музыку и в душе музыкантша. Фортепиано у ней очень хорошее, и я наслаждаюсь ее игрой, разнообразной и экспрессивной. И теперь пишу под звуки ее аккордов. Простите! Молю бога хранить и миловать вас обоих. Мысленно целую ручки Ваши, Елизавета Петровна, и обнимаю тебя, добрый друг Мих[аил] Михайлович. Не оставьте передать мои приветы Уленьке и Анисье Петровне. Преданный вам душою М. Назимов.

P. S. При всем моем желании посетить тетушку вашу Марию Ивановну[8] я не знаю, когда выберусь.

31

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

12 марта 1848. Быстрецово

Хотя позднее, но искреннейшее приветствие приношу вам, многоуважаемые добрейшие друзья, Елизавета Петровна и Михайло Михайлович, с нынешним постом, усердно желая вам в отрадных благоговейных чувствах совершить его, сподобиться приобщения святых таин и встретить предстоящий святой праздник. Вы, верно, по обыкновению своему уже говели на первой неделе. Мы же не могли в то время иметь священника и отложили говеть до будущей недели. Прошу вас простить нас, в чем мы грешны пред вами.

Около трех недель до наступления поста провели мы во Пскове и в Щиглицах. В первом делали наши свадебные заботы. На ту пору случился там Иван Александрович[1], непременно желавший видеть нас и собиравшийся к нам в Быстрецово. Мы обязаны ему и семейству его (пущинскому семейству)[2] самою родственною дружбою. В весельях псковского общества не могли мы участвовать, будучи оба в трауре[3], но были в театре, данном любителями в пользу бедных, и в концерте проезжавшего квартета. Вообще город был очень одушевлен в то время по случаю ярмарки. После шума и суеты его мы отправились на масленую в благословенные Щиглицы, где точно постигли душой [покой] среди семейства наших добрых друзей. В полуверсте оттуда живет тетушка моя, умная и почтенная старушка, к которой на тот раз приехал из Петербурга сын ее Владимир Иванович[4]. Он сказывал мне, что виделся с тобой, Михайло Михайлович, в Моск-

ве, и вообще отзывался о тебе с большою признательностью и глубоким уважением. Из Щиглиц же ездили мы 2 раза ко всенощному в архиерейский дом на Святую Гору[5], что в 4 верстах от Пенова, и слышали там чудное пение. Жена моя, хорошо знающая церковную вокальную музыку, в восторге от этого хора. С большим трудом возвратились мы по тяжелой дороге уже не на санях или в зимнем возке, а в карете. С тех пор распутица продолжается, на реках взломало лед, снег согнало с полей, тронулась озимь, и на днях появились все признаки весны: живозвонкие перелетные птицы. Старожилы ожидают еще стужу и опасаются за озими и плодовые деревья. Вообще нынешняя весна слишком наступила по здешнему климату и потому неблагонадежна. К тому ж, вследствие переворотов во Франции и беспокойства в Италии[6] ожидают движения войск, при котором неминуемо потребуются подводы, очень тягостные для крестьян по настоящей распутице. Желательно, чтобы могли отбыть эту повинность по просухе. Впрочем, достоверных известий о проходе войск еще вовсе нет по сие время и желательно, чтобы не настала надобность в походе. У нас теперь началась рубка флигеля для людей и продолжается заготовление тесу для перекрышки необходимой других строений. Скоро примусь я работать в саду, а потом и в поле. Хозяйство наше, благодарение богу, помаленьку подвигается вперед. Много еще предстоит мне трудов и издержек, чтобы привести, по крайней мере, главные статьи его в желанный порядок. Нынешним же летом надо будет переделать остальные горницы и отделывать окончательно весь дом. К тебе моя просьба, любезный друг Михайло Михайлович: ты мне обещал, когда я оснуюсь хозяйством, дать мне одного от детей твоего Удалого для завода! Другого заводчика не хочу я иметь. Надели ж меня им с доброй руки. Мне нужна лошадь крепкая, кровная, для породы упряжных лошадей, и потому чем умереннее она ростом, тем лучше. Если ты можешь дать с ним пару маток самых небольших, очень обяжешь меня, и я с благодарностью доставлю тебе, что ты положишь за них. Касательно масти того и других, то лишь [бы] были они не пегие, буланые или вымастки. Буде у тебя с завода есть в продажу стригунки, то я готов взять пару по назначенной тобою цене, которой прошу тебя не стесняться. Таким образом дешевле обошелся бы провод

всех этих лошадей, который в летнюю пору удобнее и сходнее. Ожидаю на это твоего решения. Добрая рука — верное дело при всяком новозаведении; беспрестанно слышишь тому примеры опыта; а твоя рука, верно, самая добрая и благоприятная для меня. Пожалуйста, уведомь скорее, можешь ли выполнить настоящую просьбу мою [7].

Когда увидишься с Николаем Александровичем Загор[ецким] и Никол[аем] Романовичем [8], передай им от меня сердечный привет. Прошу принесть от меня приветствие искренное и почтительное Евдокии Михайловне и передать поклон Анисье Петровне и Уленьке.

Простите, бесценные друзья, жена вместе со мной приветствует вас от всей души, желает вам вместе доброго здоровья с благополучием всех желаемых вам отрад и утешений.

Преданный вам душою друг Михайло Назимов.

Вчера получил я листок от Валерьяна Мих[айловича], с нынешней почтой пишу сам к нему.

32

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

21 октября 1849. Быстрецово

Добрейшие друзья Елизавета Петровна и Михайло Михайлович!

Мы что-то очень давно не имеем ваших известий. Надеюсь, что причиной тому недосуг от удовольствий, в которых вы проводите время. Вы прошедшего лета ожидали к себе приятнейших родных гостей и, верно, в их общениях пожили душой. Я случайно узнал, что в числе их была у вас Марья Ивановна, любимая ваша тетушка. Не сомневаюсь, что и гр[аф] Алексей Петрович провел у вас лето. Итак, вы наслаждались, блаженствовали. Сколько задушевных, симпатических бесед, сколько прогулок, музыки и всякой гармонии! Мы об этом всем не раз вспоминали сами и говорили с нашими щиглицкими друзьями, когда бывали с ними вместе. Они вас искренне любят и принимают в вас живое участие. Мы так провели лето довольно приятно. Нас посетили Варвара и Евдокия Ив[ановны] Пущины и Вера Ив[ановна] Кабанова, последние две провели у нас недели по две. Пальчиковы ведь также были у нас, даже сама старушка Елизавета Томасовна собралась к нам к празднику нашему 6 августа [1].

Она не была в Быстрецове около 40 лет. Узнала все места здесь, где она тогда гостила довольно долго. Были и брат с женой и другие наши добрые приятели, сами мы также ездили в Щиглицы не один раз. В последнее время были мы обрадованы приездом М[ихаила] И[вановича] Пущина и жены его Marie и с сестрой Поленькой, которые остались у нас, первая недели на 2, другая на всю зиму. В хозяйстве нашем все шло хорошо, только в начале осени лишились мы штук до 60 молодого скота, выпавшего от занесенной в здешний край заразы. Замечательно, что против ней никакие рекомендуемые медицинские средства не оказали целебного действия и что пользу принесло одно курение или окуривание скота и хлевов жаром от копыт упавшей скотины.

После холодного и ненастного лета стала у нас довольно теплая, хотя и пасмурная осень. Все лучше снежной слякоти и былого холодного покрова на полях и лесах. У нас приближаются выборы[2], от участия в коих я отказался, не будет ли Алексей Петрович на них? Как бы мы желали хоть по этому случаю повидать его. А вы не располагаете ли зимой посетить Кярово? Тогда авось завернули бы и в наш уголок! Желаю всей душой, чтоб этот листок нашел вас здоровыми и благополучными, и прошу вас принять от меня сердечное приветствие по случаю наступления дня ангела Михайла Михайловича. Да ниспошлет вам господь благословение и щедрые свои милости и сохранит дни ваши для счастия всех вас любящих и уважающих, в числе которых был и есмь преданный вам друг

М. Назимов.

Прошу передать от меня поклон милейшей Уленьке и старому дружку Анисье Петровне.

33

Е. П. НАРЫШКИНОЙ

27 апреля 1850. С. Быстрецово

Христос воскрес!

Многоуважаемая и добрейшая Елизавета Петровна! С душою, полной глубокой признательности и самой искренней дружбы, спешу приветствовать Вас с нынешним светлым праздником и пожелать Вам всех совершенней-

ших благ от господа искупителя нашего, а в настоящей душевной скорби Вашей[1] скорого и полного утешения. Прошу Вас передать мой сердечный привет и усерднейшие желания здоровья и полного счастья жизни достойнейшему братцу вашему гр[афу] Алексею Петровичу. Вы верите, какое живое участие принимаем мы в судьбе его и как желаем, чтобы в ней сосредоточились благословения божии и награды добрым делам Ваших незабвенных родителей, его собственным заслугам и молитвам Вашим с Михайлом Михайловичем. Все это внушает мне упование, что испытание трудное, переносимое им с христианскою кротостью, не замедлит увенчаться отраднейшими дарами милосердия божия. Верно, что велики на него виды промысла божия, когда он благоволил очистить и это золото в горниле таких испытаний. Благословим святую волю его и предадим все наши желания, надежды и скорби ей одной — этой совершеннейшей и непостижимой нами любви.

Благодарим Вас от всей души за Ваш последний листок. Мы поняли в нем все, что Вы желали нам передать о себе и братце Вашем. Вы с нежностью матери, любящей его с детства, явились спасти его в решительную минуту жизни его и облегчить крест его. Признаюсь, мы от всего сердца порадовались Вашему подвигу и не сомневаемся в успехе его, судя по правоте Ваших намерений[2]. Благодарим Вас также за обещание посетить нас. С нетерпением ожидаем подтверждения его. Дорога к нам очень изрядная в это время года. Поворот со станции Крестов, оттуда Вам дадут лошадей до Кеби, а тут мы можем выставить своих лошадей. Только сделайте милость, уведомьте определенно, когда Вы надеетесь быть в Кресты или даже в Кебе. Хотелось бы, чтоб Вы увидели и благословили наш милый, простой уголок. Авось бог даст нам эту радость! Простите, добрый друг наш! Целую ручки Ваши и молю о Вас от всей души,

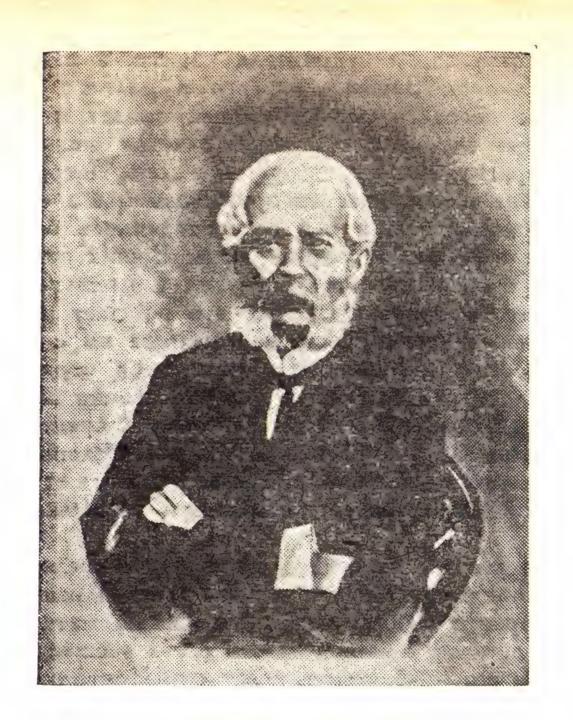
преданный Вам М. Назимов.

34

Е. П. НАРЫШКИНОЙ

27 мая [1850 г.][1] Быстрецово

Узнав от Marie Пущиной, что вы отправились в Кярово с гр[афом] Алексеем Петровичем, спешим принесть

М. А. НАЗИМОВ, конец 1850-х гг.
ГБЛ

вам туда сердечное приветствие с наступающим днем рождения Вашего, добрейшая и многоуважаемая Елизавета Петровна. Пошли вам бог всякое утешение, вечную щедрую милость свою в здешней и будущей жизни. Но прежде всего — да исполнится во всем не наша, а его святая воля. Недавно я был остановлен на этой мысли рассказом одного благочестивого человека, который, увидев, что исполнилось одно из лучших его желаний, сетовал и боялся, не покарал ли его господь этим удовлетворением. Ибо наши желания слепы и непредусмотрительны. Может ли и самый умный человек проникать в свое будущее, закрытое непроницаемой завесой!

Примите также мое усердное поздравление по случаю сговора дорогого братца Вашего, которому прошу Вас сделать мне милость передать мое искреннее приветствие. Слышал я из Петербурга, как это свершилось: прекрас-

ное предзнаменование полной счастия самоотверженной любви. Будем ожидать с живым упованием желанного исцеления! Вы знаете, как мы искренне и много любим вас с Мих[аилом] М[ихайловичем] и Вашего братца. Можете судить — интересует ли нас Ваша с ним поездка за границу на воды. Помоги вам бог.

Долго ль вы пробудете в Кярово? Здоров ли М[ихаил] М[ихайлович]? Где он теперь? Не завернете ли к нам?

Как бы мы хотели скорее увидеть вас троих и всегда б притом здоровыми, вполне благополучными, счастливыми. Мы только что возвратились к себе из Пскова, где наслушались архиерейских певчих, насмотрелись служения нашего владыки и наслушались скрипки Влад[имира] Львова [2] и виолончели Шуберта [3]. Теперь будем бить поклоны. Сегодня ожидаем священника, который останется у нас до праздника. Простите, бесценный друг! Ручки Ваши целую и обнимаю Вашего Мишеля и братца.

Преданный Вам душою М. Назимов.

35

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

Ноябрь [1854 г.] [1] Быстрецово

Примите, бесценные друзья, сердечные приветствия мои с наступающим днем ангела твоего, Михайло Михайлович. Не знаю ничего лучшего пожелать вам на этот раз, как желанной вами радостной, утешительной весточки о победоносном окончании во славу божию нынешней войны [2]. Пусть зальется слезами благодарности к богу милосердному вся русская семья. С верою в него ждем с нетерпением этого известия. Между нами, несмотря на все мои удивления по мастерскому плану и удачному выполнению Крымской нынешней войны, я все лето и по сие время как на иголках: судьбы божии неисповедимы. С каким отрадным чувством сели бы мы в возок и понеслись в белокаменную и в Высокое, куда стремятся сердца и мысли наши и куда мы собираемся нынешней зимой, если бог благословит. Писал мне Петр Павлович [3], что виделся с тобой в Москве, любящий друг Михайло Михайлович, и что вы вспомнили меня, спасибо вам.

Давно бы следовало мне благодарить также тебя за американский плужок, полученный мною летом от Виль-

сона, чрез Петербург. Он у меня славно работал и изрядно нарезал мне земли под лен. Я так им доволен, что хочу в Москве купить еще пару таких же. Титов жалуется на плохой урожай, а у вас каков он? Хоть и мы не можем им похвалиться, но зато лето и осень стояли у нас такие, каких здесь давно не запомнить. Словно климат переменился: так продолжительна была ясная, приятнейшая погода. Работы полевые шли оттого очень успешно. Как будто господь хотел утешить народ в его кручине. Мы все лето провели в деревне, от почты до почты ожидая весточек о наших голубчиках-богатырях. Слыша о их подвигах, сердце твердило: «Жив господь: жива душа твоя, православный народ!» Илья[4], бывший в Крыму и знающий его местность, дополнил мне то, чего не мог я разгадать по картам. Он недавно слег было в постель, после донесения к[нязя] М[еншикова][5] об Альминском деле, не зная еще, что были сикурсы[6].

Право, лучше быть в такую пору под ружьем, чем оставаться вдали и в неизвестности о том, что делается в армии: душа изноет.

Прошу вас при свидании передать от меня искренний привет добрым друзьям Валерьяну Михайловичу и Николаю Александровичу, также Уленьке, или Ульяне Андреевне, и Анисье Петровне.

8-го помолились о вас и выпили за здоровье вашего сердечного высоковского именинника[7] и Ваше, добрейший друг наш, Елизавета Петровна. Между тем будем взывать к богу, чтобы он помиловал наших братий, проливающих кровь свою и терпящих нужды, неразлучные с обязанностями воина на бранном поле.

Преданный вам душою Михайло Назимов.

36

И. И. ПУЩИНУ

7 апреля [1857 г.][1] Быстрецово

С последней почтой мы были обрадованы самою приятною весточкой с Мойки о начавшемся выздоровлении твоем, любезный друг Иван Иванович, и потому, надеюсь, мне дозволено будет хоть недолго побеседовать с тобой посредством этого листа в ожидании лучшего времени. Прежде всего говорю тебе: Христос воскрес! и крепко обнимаю тебя как по случаю нынешнего праздника,

И. А. НАЗИМОВ, БРАТ ДЕКАБРИСТА, 1854 г.
Музей декабристов, г. Курган

так и ради минувшей тревожной болезни твоей [2]. Здравствуй же на многие лета, любезный друг. Пусть каждый день приносит тебе новые силы. Нынешняя весна благоприятствует прогулкам на свежем воздухе, и я с большею прежнего радостью и признательностью буду смотреть теперь на каждый погожий денек ее. Жена моя вместе со мной дружески обнимает и приветствует тебя. Как бы я желал перенести тебя в наш уголок. Мне верится, что ты бы вдвое скорее укрепил свое здоровье. Местоположение у нас приятное, вокруг много лесов, защищающих от ветра и благодаря которым в нашем крае как-то гораздо меньше простудных и эпидемических болезней. Подумай-ка об этом.

Завтра еду к брату проститься с ним. Он на этой же неделе отправляется в Петербург и оттуда куда-то в от-

даленные губернии на службу. Он будет у тебя. Завидую ему в этом случае.

Обнимаю твоих родных, искренно приветствую с нынешним светлым праздником, желаю от всей души им вместе с тобой всех лучших дней здесь и там—куда призывает нас милосердие бога искупителя.

Всегда твой М. Назимов.

37

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

8 сентября [1857 г.][1] Псков

<...>ей утешений видеть друга своего здоровым и на долгое время могущим составить счастье жизни ей и самому быть счастливым ею: это блага здешнего конечного мира. Но другие высшие цели промысла существуют в этом свете — цели духовные. Да будут и они вполне достигнуты обоюдным совершенствованием и приготовлением.

Вчера я узнал, что нашего Ивана Дмитриевича не стало, что он скончался в Москве после трудной, долгой болезни, о которой скрывал и от Пущина в Петербурге[2]. Вечная память и мир душе этого достойнейшего человека. Недаром он жил вообще и в том случае, что оставил по себе сына, такого же человека в полном смысле слова[3].

В бытность в Москве, может быть, вы увидите многих из наших друзей и товарищей; прошу вас, передайте им мой привет. Спасибо Александру Федоровичу Бриггену, сохранившему меня в своей памяти, спасибо и Николаю Ивановичу[4] за его дружбу.

Сделайте одолжение, потрудитесь передать от меня и жены моей приветствие добрейшей сестрице вашей княгине Евдокии Михайловне и всем московским родным вашим, которыми мы так незабвенно были обласканы.

Нельзя ли вам сказать entre autres* Наталье Дмитриевне[5], чтобы она предложила доктору, пользующему Ивана Ив[ановича], испытать следующие два средства от болезни его, если последует ее возвращение.

Употреблять лимоны, очищенные от цедры, с сахаром, начав с одной половины лимона в сутки и довести

* между прочим (*франц.*).

до 9 целых лимонов, а для удобства варения желудка давать магнезию, буде окажется изжога.

Стопив баню и опарив ее, ввести больного на полок и обливать его от шеи до ног всего вокруг коровьим свежим навозом, обернуть простынями и оставить потеть с полчаса, а когда захочет пить, давать морошечную траву. Вода с больного в виде пота потечет, что называется, ручьями, и после нескольких таких баней он получит большое облегчение и даже самое полное выздоровление. Средство это было испытано мною над несколькими больными.

Прости! Оставляю вас до будущей почты. Спешу на почту. Жена будет писать к вам в самом скором времени. Она вас обоих дружески вместе со мной обнимает. Теперь ее нет дома. Верьте, что мы сердечно любим и чтим вас.

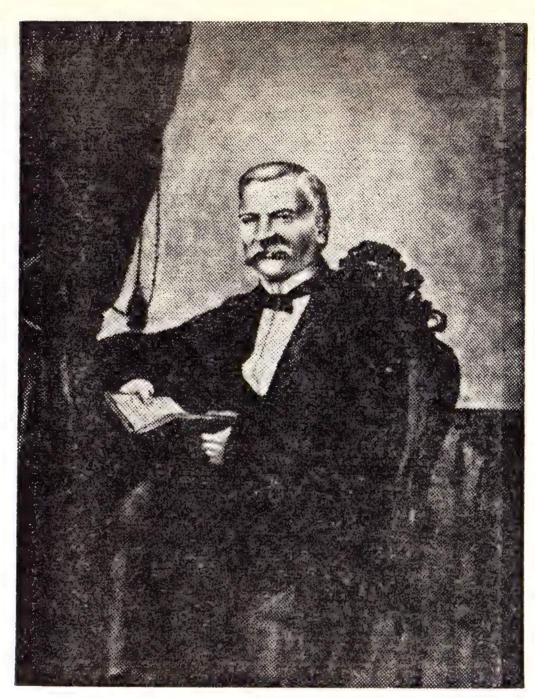
М[ихаил] Н[азимов]

38

М. М. НАРЫШКИНУ

19 декабря 1857

Последний листок твой от 18 ноября утешительно подтвердил нам те радостные известия, которые мы уже имели из Москвы о здоровье твоем, бесценный друг Михайло Михайлович. Всей душой желаю, чтоб эти строки нашли в удовлетворительном здоровье и душевном спокойствии вас обоих с Елизаветой Петровной и благодушной Евдокией Михайловной. Мы прежде твоего уведомления ничего не знали о болезни, которую она вынесла одновременно с тобой. Не все ведь такие герои, как Елизавета Петровна. Но в той и в другой сила божья в милостях совершаемых. После выдержанной всеми вами троими опасной тревоги особенно хотелось бы увидеть вас и крепко прижать к сердцу. С удовольствием вижу, что почерк твой нисколько не изменился после болезни, даже мне сдается, что он стал лучше прежнего. Это лучший признак, что в тебе не осталось никаких следов нервного припадка твоего. Вот уже недалеко и до весны, когда вы спуститесь в вечно цветущий сад Италии, где «яхонт неба рдеет и где из роз гнездо себе природа вьет» (Одоевский)[1]. Там вы помолодеете, отдохнете, наберетесь сил и возвратитесь к нам обновленными. Только, пожалуйста, не задерживайтесь там. Да что и

М. М. НАРЫШКИН. 1859—1860-е гг.
ГБЛ

говорить вам об этом, славянское ретивое не выдержит быть долго в разлуке с родиной и с Белокаменной [2], особливо в такие праздники, когда вся матушка наша как один человек ликует, и молится, и веселится. Поздравляю вас с наступающими такими праздниками [3]. Прошу вас передать от нас также приветствие к[няги]не Евдокии Михайловне и всем вашим, кто помнит нас, а мы не можем забыть вас.

Воображаю, какой теперь съезд и говор в Москве по случаю гласного вопроса об освобождении крестьян [4]. Нельзя не радоваться всеми способностями души, что наконец мы дожили до решения этого важного вопроса в народной жизни нашей. Одним пятном будет меньше на имени русском. Надо желать, чтобы дворянство не унизило себя в этом случае в глазах народа и всего мира сегодняшними расчетами во вред будущего благосостоя-

ния и развития меньших братьев наших, которые были вверены нам судьбой и законом.

Простите! Будьте хранимы богом!

Ваш верный М. Назимов[5]

39

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

[Апрель 1858 г.][1]

Христос воскрес!

Бесценные друзья, почтеннейшая Елизавета Петровна и Михаил Михайлович! От всей души приветствую вас с светлым праздником и прошу вас принять мой искренний поцелуй. Да хранит и покоит дни ваши благодать господа искупителя нашего. Да сподобит он вас совоскреснуть с ним и ныне и в вечности!

Мы вспоминали вас, встречая нынешний великий праздник, и уверены, что вы вспомнили старого, отдаленного друга своего, много раз проводившего с вами эти радостные дни, и добрую жену его. В эти дни, когда хотелось бы обнять в одну охапку всех близких сердцу, как-то особенно тяжела такая долгая разлука с вами. Благодарю бога за это живое чувство и молю, да никогда не покидает оно души моей, лишь бы всегда было подчинено покорности воле святой судьбы, располагающей жребием нашим в этом мире. Ничего не делает она без благой цели, поэтому и разлука с родными по душе необходима, благотворна и спасительна для нас: желание видеть их — испытание, любовь к ним — расширит его душу; воспоминание о них — подарит <одно слово неразб.> на пути жизни; молитвы их невидимо хранят и спасают нас, потребность неразлучно соединиться с ними поощряет сделаться того достойным или даже и без заслуг на то, одною верою в заслуги искупителя нашего, иметь эту отраду в другом мире *.

Как-то вы встретили и проводили нынешний праздник: здоровы ли вы были, весело ли, отрадно ли праздновали? Кто из родных и близких посетил вас на это время? Благоприятствовала ли вам погода? Эти вопросы невольно представляются мне по сравнению вашего сельского, хоть и большого быта с нашим маленьким. В

* Так в подлиннике.

деревне на эту пору добрый родной или друг-гость очень дорог. Но нам не посчастливилось иметь никого, кроме священника, который служил у нас в церкви всю страстную неделю и первые два дня праздника. Церковь наша была полна народу, потому что приходская от нас версты 4, находится по ту сторону реки, чрез которую переправа на плоту, да и дорога была очень грязна. Мужички наши давно уже не встречали этого праздника со своим хозяином, да к тому ж я требовал от них, чтоб они все непременно говели в минувшем посту и чтоб в праздничные дни с каждого двора был, по крайней мере, один человек в церкви. Пред сим же немногие из них вовсе забыли церковь божию и уже несколько лет не были на исповеди и у с[вято]го причастия. По соседству живущие старообрядцы умеют рассевать небрежение к долгу этому святому. Погода у нас была на первый день чудная, лучшего дня и за Кавказом нельзя желать в это время года. Но с понедельника пошли дожди, стало холодно, как осенью, и только сегодня несколько прояснело. Дороги так дурны, что во многих местах проезда нет, особенно в экипажах. Это меня очень тревожит, потому что мне надо ехать в Псков на свадьбу двоюродного племянника, и, может быть, приведется оставить жену одну дома здесь на несколько дней. Простите! Мысленно целую ручки Ваши, добрейшая Елизавета Петровна, а тебя, милый друг Михайло Михайлович, от всей души обнимаю. Анисье Петровне и Уленьке прошу передать от меня Христос воскрес, также и всем вашим людям, знающим и помнящим меня.

Преданный вам друг
Михайло Назимов.

P. S. Прошу вас принесть от меня почтительное приветствие с настоящим праздником к[нягине] Евдокии Михайловне и Анне Николаевне[2], равно и обоим братцам вашим.

40

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

25 июля 1858. Быстрецово

Прежде всего прошу вас, сердечные друзья Михайло Михайлович и Елизавета Петровна, великодушно извинить меня в таком позднем ответе на бесценные отрадные листки ваши. Примите в оправдание мое, с одной

стороны — постигшее нас семейное горе в потере Ильей доброй жены его[1], с другой — наставшие заботы и работы по общему всем нам святому делу[2]. Внезапное разрушение такого полного счастия брата, будущность шестерых малюток, из которых три дочери, глубокая, нелицемерная скорбь и упадок телесных сил брата, вследствие потери его, невозможность поспешить к нему, письма его, раздирающие сердце, все это вместе отразилось на мне, как вы меня знаете. Я не мог говорить с друзьями сердца, с вами о том, что чувствовал в это время, потому, что всякое слово о том волновало и смущало мою маловерующую душу, и мне нужно было молчание, внутреннее, духовное успокоение. Начать же беседу с вами и не коснуться потери нашей было невозможно. Теперь я привыкаю к ее необходимости и обязан этим тому усилию, которое делаю над собой, чтобы сосредоточить все свое внимание на изучении предстоящего по разрешению вопроса о крестьянском деле. Сходно с твоим пророческим желанием, мне привелось сверх чаяния получить от нашего губернатора убедительное предложение быть членом от правительства в нашем комитете[3]. Так как при этом на меня не полагалось никаких исключительных условий, кроме общих для всех вообще членов комитета, то я дал слово, и тотчас же губернск[ий] предводитель просил меня составить общую программу, которою я сразу же и занялся. Это случилось за два дня до получения вести от брата. Будь это несколькими днями позже, я не был бы связан словом и был бы на дороге в Вятку. Программа заняла меня почти 3 недели, сдав ее, отправился на несколько дней в Быстрецово для составления ревизской сказки[4] и потом сразу в Петербург — запастись материалами для предстоящей работы. Там я пробыл 3 недели и пред съездом встретил в книжной лавке Ал[ександра] Ф[едоровича] фон дер Бриггена. Он так же почти бодр, как был в Кургане, мы провели с ним часа три. Он живет в Петергофе у зятя своего, ротмистра Гербеля, доволен своим бытом, обещал быть в Быстрецове, когда откроется железная дорога до Пскова[5], и поручил вам сердечный привет. Вернувшись из Петербурга, поспешил я вместе с женой на свадьбу в Щиглицы. Лиля Гембиц выходила замуж за старшего сына общего нашего приятеля, покойного Александра Андр[еевича] б[арона] Фредерикса. Тут я свиделся с братом его Борисом[6], ко-

торый много говорил о тебе и поручил тебе кланяться: очень приятный и умный человек. Потом были мы на другой свадьбе: двоюродного брата моего[7] сын женился на дочери Горожанского, родственника по жене Пальчиковых. Все это время видели мы почтенную и добрейшую м[ада]м Barotzy, интересовавшуюся о вас. В их семье, на Мойке, проводил я в Петербурге досуги свои, как в родном доме: спасибо им, этим редко добрым и благородным душам. Рад-радехонек, что отговорился от участия в festivite de Korytovo*, мог вернуться домой и провести в нашей тишине несколько деньков. Завтра еду в Ригу и Митаву разузнать на месте, чем хромают тамошние положения о крестьянах, известные из печати. Редакция их так гладка и хороша, а на деле совсем другое: это-то мне и хочется знать верно, чтобы не впасть в какую ловушку. Надеюсь добраться до истины от тамошних православных[8]. Располагаю быть обратно в первых числах августа. 16-го у нас будут выборы членов комитета для уезда, а 16 октября начнутся собрания и работы комитета. Не понимаю, почему назначен такой короткий срок первого периода для всех главнейших решений вопроса. Ужели не продлят его? Почему такое невыгодное исключение или ограничение для наших губерн[ских] комитетов в сравнении с Остзейским краем и Царством Польским, где были уже сделаны предварительные работы, притом если начиналось составление последних положений этого рода? В нашей губернии находится свыше 2600 помещичьих имений. Воображаю, какие бестолковые сведения получатся о них, не столько от недостатка средств, сколько от беспечности и антагонизма многих владельцев предстоящему порядку вещей[9]. Тем не менее надо будет делать выводы, приводить в порядок такие данные. В прилагаемой при сем брошюре и ведомостях общей программы[10] (напечатанных с ошибками) ты можешь видеть, какие будут сведения о вашем Холмском имении. Посылаю тебе предварительные сведения по всей губернии на вопросы, тобою сделанные. Если ты затруднишься в своих показаниях, пришли мне доверенность и определи то, что ты хочешь при предстоящем устройстве в твоем Холмском имении. Я перепишусь с предводителем и устрою по твоему желанию. Он, вероятно, избран членом комитета,

* корытовском празднике (*франц.*).

я его знаю: это очень достойный человек. Буде же у тебя есть данные, требуемые в общей программе, означь их, а по тем графам, где не знаешь или не имеешь, что показать,— прочеркни. Судя по количеству земель и угодий в вашей Холмской деревне, я полагаю, что нынешний оброк, получаемый вами с тягла, останется без уменьшения. Пожалуйста, не показывайте никому приложенных мною листков. У меня составлено несколько предложений на разные случайности установления повинности с крестьян. Если бы виды правительства на будущее время по этому предмету ясно обозначились, можно бы отчетливее действовать и сообразно им приготовить вещи для срочнообязанного периода. Мне кажется, что для облегчения предстоящего устройства обеих сторон необходимы ипотечные книги[11], если не обязательные, то факультативные, т. е. такие, которые выдаются по просьбе землевладельцев. С помощью их последние могли бы иметь право на получение в заем сумм для заведения хлебопашества на вольнонаемной ноге. Выкупы земель со стороны правительства у нас теперь невозможны как по обширности нашего земельного пространства, так равно и по настоящему положению наших государственных финансов. Отрадно видеть мечты и проекты, делаемые на сей конец. Известно, что при операциях этого рода правительство выпускает денежные знаки и выдает эти боны земледельцам с правом на известные проценты и впоследствии на самую капитальную сумму в случае тиража в пользу имеющего боны. Эти бумаги, увеличив число существующих кредитных знаков в обращении, неминуемо упадут в цене и, что все то же, возвысят цены на все товары фабричные и земледельческие. Звонкая монета, в конкуренции с ними не находя выгоды, т. е. не имея возможности выгодного для себя обмена на другие товары наших рынков, утечет за границу, где ей меньше стеснения, где обращение ее более нормально. Между тем иностранцы, находя наши сырые продукты слишком дорогими, обратятся за ними на другие рынки, а нам тем не менее нужны будут их колониальные и другие товары, за которые пришлось бы платить или звонкой монетой наличной или иностранными векселями на наши торговые дома. Но звонкой монеты у нас не оказалось бы, а переводить было бы нечего, потому что прекратились бы или крайне умалились закупы у нас заграничными домами. Стало

быть, мы просто сделались бы банкроты: это обыкновенный ход вещей, и пора бы нам перестать бредить подобно г[осподину] Позену в его многоглаголевом проекте[12]. Если не читал его, постарайся достать из любопытства. В нем есть и система Ιδba[13], и китайская стена, и другие подобные нелепости, а это из наших громких мудрецов.

Зачем мы так далеко живем друг от друга, особенно в нынешнюю желанную пору! Письмо или живая беседа: какая разница. У меня со времени незабвенного осталось отвращение к письму. Я не могу преодолеть при этом воспоминания, что нашу переписку той поры читали все квартальные и земские с их сожительницами: это не упрек, а первый тик памяти сердца.

По первому из писем твоих, бесценный друг, я поджидал вас в наши края, но теперь прощаюсь с этой дорогой надеждой. О, да подкрепит вас милосердный господь: ежедневно взываю к нему об этом. С твоей слабой грудью хорошо бы полечиться в теплом климате. А уж за Вас, Елизавета Петровна, не могу довольно порадоваться. Вижу отсюда, как мысль об общем деле по временам одушевляет Вас и воскрешает Ваши силы. Как бы я был счастлив, если б Михайло Мих[айлович] и многие из наших были призваны на решение нашего вопроса. Они отстояли бы правое дело в своих комитетах[14]. Но и без того мнения их произведут свое доброе действие, потому что всякий дворянин вправе подавать свое мнение в комитет своей губернии. Надеюсь, что ты, любезный друг, подашь его вместе со своим статистическим описанием своей вотчины, которого копию покорнейше тебя прошу сообщить мне. Полагаю, что у вас в Туле соберется много дельных людей. Как-то будут разборчивы наши псковичи; на меня погневались, зачем не дождался выборов уезда; но я считал многих других достойнее себя и по прежним службам обществу более меня имеющими право на выборы в настоящем случае.

Осенью переезжаем в Псков на все время работы комитета. В сентябре открывается железная дорога от Петербурга до Пскова[15]. Не вздумаете ли дать взглянуть на себя? Добрая моя Варя не сетует на меня, что я по целым дням сижу в своем кабинете и оставил ее одну на 3 недели в июне; теперь опять покидаю недели на две. Сочувствие ее живо ко всему добронамеренному и справедливому, или, лучше сказать, по прямому долгу, ука-

ванному нам честным человеком[16], давшим новую жизнь России. Зимою будут и у нас трое малюток, подобно тому, как у вас в настоящее время. Только наши будут сиротами. Брат привезет их к нам, поместив троих старших в Петербурге, а сам располагает съездить будущей весной за границу, поправить полуразрушенное здоровье, чтобы потом продолжить службу, если будет в силах. Что ж касается до меня, то хоть мое здоровье и не богатырское, и спокойная жизнь была бы мне не только полезна, но и необходима, однако я решился служить, пока будут силы, в предстоящем порядке вещей, если удостоят. Мировому судье много будет дела, и если эти должности будут добросовестно исполняться[17], то устройство крестьян много выиграет и скорее достигнет полезных результатов. К тому же и имение было бы под глазами, а в нем много еще надо устраивать и выгадывать. Теперь у меня землемер снимает подробно мои и крестьянские земли. По приведении последних в известность дополню их по мере возможности и уравняю, но всегдашнего постоянного желания моего по этому предмету — разделение крестьянской земли особыми участками — не предвижу возможности достигнуть[18]. Это может быть исполнено только приказанием верховной власти; ибо рутина крестьян будет всегда противиться этой мере. У меня надела на душу придется кругом по $4^1/_2$ десятины[19]. Да поможет бог совершению и успешному, правомерному устроению начатого дела во всей земле нашей!

Варя моя вас обоих душевно приветствует. А я прошу передать от меня искренний привет ожидаемым вами друзьям и позволить мне обнять себя с тою дружбой и любовию к вам, которую вы знаете в вашем верном друге

М. Назимове.

41

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

26 ноября 1858. Псков

Странное дело, добрые, сердечные друзья: вы как будто чуете, когда нам нужны ваши ободряющие слова, как будто видите из своего Высокого, что с нами делается. Сколько раз испытал я ясновидение ваше. Спасибо вам, хоть в нынешнем листке только один ты, Михайло Михайлович, писал к нам, сказал так потому, что вы

оба — одно. Буду носить при себе и перечитывать строки твои, в которых ты так верно постигаешь ход дела при разработке общенародного вопроса нашего[1]. Тут труд и испытания неизбежны, но они тяжки нам только от наших немощей, стоит взглянуть на символ искупления — и кручина спадет с души.

Озабоченный общим делом, я не успел вовремя поздравить тебя, мой добрый гений, с днем твоего ангела. Извините оба, прошу вас. Вспомнить же вас — вспоминал вместе с нашими щиглицкими друзьями, которые в тот день обедали у нас. Пусть ангел твой хранит тебя и утешает и вразумляет!

Я ничего не знал об отъезде гр[афа] Ивана Петровича[2] за границу. Поправил ли он там свое здоровье?

Радуюсь, что вы располагаете вскоре ехать в Москву. Там вам будет хорошо, в чем не сомневаюсь, довольно того, что вы будете вместе с вашим родным другом к[нягиней] Евдокией Михайловной. Как бы мы желали взглянуть на вас и на нее. Передайте ей мои признательные чувства. Недавно я отправил к ней письмо одного бедного отца к кн[язю] Сергею Михайловичу[3] об определении дочери в Елизаветинское училище. Письмо это я поручал Петру Павловичу просить ее передать князю, который так чтит ее. Авось удастся пристроить сироту.

Удивляюсь, что так долго возится ваш комитет с внутренним устройством своим. У нас так все сведения, справки с законами, план занятий и самый порядок производства дел были мною приготовлены до начала работы комитета; все это было утверждено в первом же заседании, но предложено от лица председателя. Теперь мы уже отрабатываем три первых главы[4].

Здоровье мое покамест хорошо, только на этих днях простудился: насморк и голова болит. Варюшка же моя совсем здорова, не смотрит на себя и бережет меня. Как я счастлив с нею!

Железная дорога вряд ли откроется до весны. Что-то гг. французы не споро ведут дела[5]. Я говорил об этом в Петербурге Б. К. Данзасу[6] и указывал, в чем они обманулись, но он не дал веры и как будто прогневался на мои замечания: теперь они оправдываются, к сожалению. Думали открыть дорогу в сентябре, вместо того, может быть, откроют в апреле.

Здесь у нас рано стала зима, около 20-х чисел сдела-

лась оттепель, а теперь опять морозит. Жду по санному пути брата. Он переводится в Казань, там дети будут при нем воспитываться: это и лучше и для них и для него. Грустно будет видеть его, удрученного горем. Уж не возвратится более его прежняя веселость, которой мы, бывало, любовались.

Варенька вас обоих приветствует. Я же мысленно обнимаю ручки Елизаветы Петровны и тебя, моего истинного друга. Господь да будет с вами!

Ваш М. Н[азимов]

42

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

13 апреля 1859. Псков

Христос воскрес!

От всей души говорю вам, бесценные друзья, эти два слова, в которых все наше спасение, вся надежда, приветствуя вас с нынешним воспоминанием светлого, радостнейшего дня нашего искупления. Желаю вам утешительно встретить его в добром здоровье. Помолитесь о нас, а наши приветствия, мысли и сердца вместе с горячим поцелуем были к вам в числе самых первых. То, с которым надеялись обратиться в Марьино, услышит наш Пущин уже не здесь, а там, где настоящее ликование. Три дня тому узнали мы чрез Веру Ивановну о христианской кончине его[1]. Грустно по человеческой немощи, а по вере как не радоваться за него — славного нашего друга. Вы, наверно, знаете, о последних его минутах от Натальи Дмитриевны. Бедная — она не ожидала такой скорой кончины друга своего — и оттого сильнее поражена ею. Из сестер всех больше обнаружила скорбь м[ада]м Barotzy; но мне больше жаль в этом случае Анну Ивановну, которая, по-видимому, невозмущаемо переносит тяжелое испытание.

Нам в первый раз в продолжение 12 лет пришлось встретить праздник не в Быстрецове: комитет наш был закрыт 24 марта, но мне оставалось еще несколько работ, которые задержали меня здесь, да и по дороге к нам несколько ручьев, за которыми нелегко было перевезти трусиху жену мою домой. Кроме этого, брат Илья будет сюда — в Псков — в конце нынешней недели из Петербурга с детьми, из которых двух старших сыновей поместит здесь в пансионе у очень достойного наставника.

Между тем я на последних днях сподобился говеть и причаститься святых таин, и мы оба прослушали благолепную службу с хорошими певчими, что для жены большое духовное наслаждение. О делах нашего комитета поговорим при свидании. Вопрос так идет вперед и развивается, что немногое из положенных работ вообще пойдет в дело при окончательном составлении Положения в главном редакционном комитете[2].

Радуюсь узнать, что вы едете за границу и что мы можем надеяться увидеть вас. Насчет дороги отсюда в Ковно вот что знаю наверное: теперь ходит отсюда дилижанс до Режиц, а в мае полагают, что он будет ходить до Ковно; от Ковно же на пароходе до Тильзита, а далее опять дилижанс до железной дороги. Если вы захотите иметь свой экипаж до Ковно, то в ней можете благонадежно оставить его у почтмейстера.

Мы же просим заблаговременно уведомить нас о своем приезде, чтобы письмо ваше успело дойти к нам в Быстрецово и мы имели время выехать к вам навстречу в Псков, где будем ожидать вас в нашем домике у Красного Креста[3]. До приятнейшего свидания! Обнимаю вас со всею любовию и дружбою,

ваш верный друг М. Назимов.

Почтеннейший Павел Сергеевич[4] был, кажется, при кончине Ивана Ивановича или незадолго пред тем; что вы от него знаете, сообщите, прошу вас, мне.

43

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

26 октября 1861. Быстрецово

Бесценные друзья Михайло Михайлович и Елизавета Петровна!

Несколько дней тому мы приехали сюда поглядеть на наш приятный уголок и пробудем здесь до первых чисел будущего месяца, а может быть, и до 15-го. Между тем я съезжу в Псков 5-го, ко дню заседания нашего присутствия, а 8-е располагаю провести здесь.

От души поздравляю дорогого, сердечного друга Михаила Михайловича с наступающим днем ангела, а Вас, душевно уважаемая Елизавета Петровна, с несравненным именинником вашим. Обоим вам желаю приятно провес-

ти ваш семейный праздник этот. Не стану говорить о том, сколько мы будем вспоминать вас в тот день. Надеюсь, что и вы не забудете о нас тогда же.

Перед отъездом сюда я получил грамотку от вашего холмского бурмистра Ивана Антонова, на которую отвечал ему.

Вместе с тем принес мне землемер Бергман от межевщика его донесение из Борков о своих работах. Из обоих этих писем я увидел, что Ив[ан] Андр[еевич] очень затрудняется указанием земли, которая, при разверстании угодий, должна поступить в отрезку. Глумление и нерешительность его затрудняют работы межевщика. В то же время Вебер[1] пишет мне, что, будучи озабочен служебными делами в разных местах Холмского и Торопецкого уездов, он никак не может быть в Борки ранее исхода ноября. Очень жаль, что так случилось, а отвлечь Вебера от обязанности его нельзя и не следует. Поэтому я просил Бергмана подтвердить его межевщику, чтобы он действовал по указаниям Ив[ана] Антонова, а последнему я написал, чтобы он не тянул дела и при указании отвода земли следовал, с одной стороны, вашим приказаниям, с другой — тому, что я писал к нему на этот счет, а в крайних случаях — обратился к местному мировому посреднику[2]. Больше я ничего не мог сделать. Полагаю, что теперь межевание там уже кончено, и очень любопытно видеть черновой план его, который будет.

Все это время и теперь я пересматриваю то один, то другой проект или новых узаконений или уставов земских банков, которые посылаются к нам для местных соображений. Много полезного и интересного разрабатывается в народной жизни нашей. И по моему убеждению, несмотря на наше безденежье, видимость застоя в промышленности, всеобщие жалобы и сетования, несмотря на затруднения, представляемые сумасбродством поляков[3] и некоторым брожением умов в Финляндии,— мы никогда не были так существенно сильны, как в настоящее время, потому что никогда мы не стояли так твердо на пути улучшения нашего гражданского и общественного быта — как теперь. Прежде мы спали или дремали, и все нам казалось ладно и складно. Теперь мы пробудились и видим, как многое у нас плохо и дурно. Когда же человек сильнее и безопаснее: в спячке или бодрственном состоянии! Кажется, в этом нет недоумения. Вдруг всего

исправить нельзя: терпение, труд, настойчивость, вера, любовь — вот что нам нужно в это переходное время, в которое перерождается наш колосс.

Извините, пожалуйста, что я по ошибке перепутал страницы этого листка: со старостью рассеянность моя увеличивается, иногда смешит, чаще досадует меня.

Варенька сама вам пишет сегодня. Обнимаю вас обоих от всей души. Да хранит вас милостивый господь!

Не забывайте преданного вам друга

М. Назимова.

Пожалуйста, любезный друг Михаил Михайлович, сообщи мне свои мысли о проекте общего земского банка [4], без сомнения, известном тебе. Ты ведь много занимался этим предметом и хорошо знаешь существенную часть его. На мой взгляд, проект этот составлен преимущественно в пользу вкладчиков, срочный платеж его непомерно высок, есть в нем много недомолвок, а прием в залог казенных имуществ по их действительной ценности заставляет опасаться за прочность такого банка.

44

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

Марта 26-го 1862

Сегодня господь сподобил нас обоих причащения святых таин, после чего мы были в большой тревоге по случаю разлития рек и ручьев: с одной стороны, надо было переправлять через нашу Череху служившего у нас священника, которому завтра очередь служить в своей приходской церкви; с другой, мы были в неизвестности, прибудет ли к нам священник другого погоста, за которым вчера отправили лошадей! Слава богу, все это благополучно уладилось, и мы с нашими домочадцами и ближними мужичками будем иметь службу в первые три дня наступающего праздника так же, как слушали ее во всю последнюю неделю. Вы поймете, бесценные друзья, эту заботу нашу и утешение, когда она миновала. Хоть мы не можем сказать о себе: «едино есть на потребу»,— но желаем приблизиться к этой потребности, желаем глубоко и живо чувствовать ее постоянно вместе с вами и со всеми теми, в ком знали и знаем это искреннее чувство. Пишу к вам эти строки в особую природу со всеми ее

условиями, а не увлеклись бесплодным подражанием чужому*; ибо в последнем случае они не найдут сочувствия в народном (здравом) смысле и труд их обратится на деле в пустой формализм, от которого, к несчастью, мы по сие время страдали во всех городах нашего света.

Как-то улаживается у вас крестьянское дело? Здесь, сколько я мог вслушиваться, оно задерживается вопросом об ободворных или усадьбах крестьянских. Однако ж можно ожидать, что в будущем месяце отправят адрес[1]. Мои мужички желают оставаться по-старому, но надеюсь, что и по-новому им будет не только не хуже, но еще гораздо лучше, как я их в том удостоверял. Они подготовлены к предстоящей реформе, и я тотчас же желал бы дать им окончательное положение, но должен подождать весны, чтобы тогда землемер отмежевал и подробно измерил отделенные им земли. Межевщик этот уже договорен мной и по просухе приступит к делу. Много будет и после того работ по устройству нас. Желал бы сделать многое и многое поскорее, пока жив, да средства держат за фалды, а всего более долг казенный, полученный мною за имение. Сколько так же готовых и, может быть, несравненно больше меня стесненных обстоятельствами! Помоги вам бог удовлетворительно устроить свои дела по этому предмету![2]

Прошу принесть от меня поздравления с наступающим светлым праздником княгине Евдокии Михайловне, нашему Валерьяну Михайловичу и тем из наших, кого увидите, также уважаемой Анисье Петровне.

Простите! Желаю вам радостно встретить и проводить нынешний праздник и прошу вспомнить нас в ваших молитвах. Если вы говели нынче, примите усердное от меня поздравление с этими несравненными благами.

Преданный вам душою друг

М. Наз[имов]

Примите, бесценные друзья, усердное приветствие мое и с днем рождения вашей многоуважаемой Елизаветы Петровны. Прошу милосердия бога, чтобы наступающий год был годом утешений, радостей и самого полного счастия жизни вашей.

---

* Так в подлиннике.

45

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

10 мая 1862. Псков

Давно не писал я к вам, бесценные друзья — Михаил Михайлович и Елизавета Петровна, и так давно не отвечал на ваш последний листок, от 2 апреля: виноват, извините, прошу вас. Хотя вы всегда в сердечной памяти моей и нет почти дня, чтобы я не вспоминал вас, но, запустивши в последнее время всю мою переписку, не мог собраться писать и к вам.

На страстной я говел и был занят бумагами по присутствию, и с первого дня святой недели, возвратясь из церкви, трудно заболела жена моя спазмами в груди и боку. Два лекаря посещали ее раза по три-четыре в день. То и знай, что прописывали рецепты, и сколько я мог понять из их толкований, не могли объяснить себе настоящей причины болезни, наконец, по просьбе моей предписали пиявки и ванны — и ей стало лучше на некоторое время, потом боль в боку возобновилась и только дней пять-шесть стала утихать, так что Варенька может свободно вздохнуть. Разумеется, от всего этого она похудела и ослабела. Теперь же по милости божией оправляется и помаленьку прохаживается на чистом воздухе.

В конце прошедшего поста я узнал от гр[афа] Ивана Петровича о постигшей вас неоценимой утрате[1]. Знаю, что вы были приготовлены к ней, но тем не менее она не могла не опечалить вас глубоко, особенно Михаила Михайловича. Сколько воспоминаний, благодарности, благоговения и молитв сопровождает родного друга вашего в царство света, любви и истины. Мы с женой никогда не забудем того, сколько она обласкала нас, я же еще храню ту молитву, которою она благословила меня в Казани и которую я, по воле ее, всегда носил на груди, служа на Кавказе[2]. Благодарю бога, что вы по-христиански перенесли эту потерю, хотя из строк твоих и вижу, что тебе ставили пиявки. Под старость трудны подобные утраты и всякие душевные потрясения. Как ни приятно и хорошо должно быть в вашем Высоком, но я бы лучше любил знать вас за границей, где вы обновили в прошлую поездку силы свои вообще. Еще бы, живя в Высоком, вы не имели непрестанных в настоящее время забот и хлопот с рабочими, а то ведь, вероятно, не без тех.

Я покончил со своими грамотами[3] и обязательными трудами 25 марта. Мужички беспрекословно и с признательностью подписали грамоты, которые за несколько месяцев прежде были предъявлены им. Нанял управителя и рабочих из Белоруссии. Работы идут по сие время успешно; расход на обзаведение нового хозяйства был очень чувствителен для меня: работники наняты по 70 р., работницы по 35 р.[4], дешевле нельзя было нанять, вот какие высокие здесь цены. В результате нового хозяйства едва ли доход будет наполовину прежнего. Надежда моя на поддержку от продажи леса, которого у меня может быть продано до 100 десятин. В последнюю зиму продано его 6 десятин на круг по 300 р[ублей]. Когда успею устроить и упрочить свое хозяйство и получу возможность иметь хоть небольшой, но верный доход, хотелось бы нам пожить в более теплом климате и посмотреть на европейскую цивилизацию. А между тем располагаю в июне или июле съездить на Лондонскую выставку один, всего на 28 дней[5]. Другой раз, может быть, уже не приведется видеть ее. Многое интересует меня на ней и вообще в Англии. Хотелось бы взглянуть на то хорошее в ней, до которого, может быть, и мы достигнем через сотню лет. Но наш фундамент прочнее, у нас благодаря нынешней реформе уже не может быть того социального катаклизма, который угрожает ей рано или поздно.

Чем-то порешили друзья наши Петр Павлович и Юлия Михайловна с их сыном — Михаилом?[6] Я не могу равнодушно вспомнить об них; но мне все верится, что любовь и добросовестность, с которою они действуют в этом крайне трудном вопросе, будут услышаны богом и приведут к возможно лучшим результатам.

Обращаюсь теперь к письмам общего нашего знакомого — Вебера. Он уведомлял меня, что в письме своем к вам просил разрешить ему и дать доверенность — ходатайствовать об уничтожении шлюзов по р. Полисти, также и насчет крестьянского надела в вашей Холмской деревне. Во вторую поездку в нее он убедился, что надел этот сделан неправильно и потому крестьяне будут оспаривать его при составлении уставной грамоты. По его мнению, уступка, сделанная вами, Елизавета Петровна, не оскудит вас и не расстроит общей экономии вашего владения в том имении, а между тем увеличит ваш доход, потому что с крестьян будет больше причитаться обро-

ка, который будет верен, тогда как в случае отказа крестьян взять отходящие от них участки в наем, участки эти будут фактически в их пользовании, а вам не будут приносить дохода. Лесная дача ваша останется в целости: это ведь главная статья там. На продажу тех земель нельзя рассчитывать еще очень долго. Край тот пролегает в стороне от железных дорог и торговых путей, денег ни у кого нет, и на устроенные имения нет покупателей, стоит ли после всего этого вам хлопотать о получении земель, не приносящих вам никакой пользы. Так я думаю, а, впрочем, воля ваша. Иван Антонов радел вам, видел землемера по-своему и округлил дельцо, как умеют его обделывать русские люди, но напрасно, и в конечном результате оно вышло не так. Будет ли стоить игра свеч? Если, обсудив дело, вы согласитесь на изменения надела, находимые Вебером за необходимые, поспешите отвечать ему. В таком случае он не замедлит составлением уст[авной] грамоты, иначе мир[овой] посредник будет вынужден составить ее на ваш счет и при том сделать надел по правилам положения, которые вам известны.

Я вот и близко живу от своего имения, а не только не убавил предъявленной земли, даже прибавил ее в ущерб себе, лишь бы устроить своих мужичков. То только и прочно, что справедливо, а закон служит выражением относительной справедливости, предписываемой современною потребностию государства. Безусловная правда — не от сего мира [7].

Недавно и мы понесли потерю в нашем семействе: старшая дочь покойной сестры Набоковой — Голубцова, славная женщина в полном смысле слова, умерла после родов, оставив трех малюток и мужа, который горячо любил ее. Казалось, ей надобно жить, но бог ведает лучше нас — наши судьбы.

В заключение говорю вам то радостное и утешительное приветствие, с которого надо было мне начать настоящую беседу с вами: воистину Христос воскрес! С верою в его искупление и непостижимую благость его пришествия в наш ничтожный мир — обнимаю вас от всей души, поручая его милосердию. Прошу вас вспоминать нас, преданный вам искренний друг

М. Назимов [8].

46

И. С. ТРУБЕЦКОМУ[1]

[Начало 1860-х гг.]

Дорогой и уважаемый князь Иван Сергеевич!

Пользуясь оказией, спешу отправить к Вам портрет Вашей святой матушки[2]. Вы увидите, что реставрировать его невозможно, не рискуя утратить. Но [сходство], вероятно, было в свое время удовлетворительно; поэтому, кажется, и стоит сохранить его неприкосновенным в том виде, как он есть, и дать хорошему акварелисту снять с него копию под Вашим руководством и по Вашим разъяснениям характера, лет и цвета лица покойной. Если не сразу, то с двух раз можно надеяться получить довольно верный портрет. Жалею, что мало времени смог провести с Вами. В другой раз постараюсь наверстать этот недостаток времени. Когда будете писать ко мне, сделайте дружбу, уведомьте о результатах вашего свидания с А... <неразб.>. В том, как Вы <одно слово неразб.> познакомились с Мих[аилом] Сем[еновичем] Кахановским[3], то позвольте просить Вас переслать ему прилагаемую карточку мою, а другую прилагаю собственно для Вас, с просьбою прислать мне Вашу.

Простите на этот раз; крепко обнимаю Вас, любезный мой Иван Сергеевич, поручаю себя Вашей доброй памяти.

Искренно уважающий и любящий Вас

М. Назимов.

Адрес мой: в Пскове, Мих[аилу] Ал[ександровичу] Назим[ову] в собст[венном] доме у Красного Креста. Извините, что трудно разобрать мое писание, писал просто ощупью.

47

М. И. СЕМЕВСКОМУ[1]

16 ноября 1862

Милостивый государь Михаил Иванович!

Вследствие уведомления Вашего имею честь препроводить к Вам прилагаемые 2 тома Ваших сочинений[2], прося принять искреннюю признательность за одолжение ими и извинение в том, что задержал их на несколько дней, в надежде предупредить Ваше требование и вручить при личном свидании с Вами.

С отличным уважением имею честь быть Вашим

М. Назимов.

48

Е. П. и М. М. НАРЫШКИНЫМ

26 декабря 1862. Псков

Спешу принесть вам, добрейшие друзья — Михаил Михайлович и Елизавета Петровна — усердное приветствие с наступившим праздником рождества искупителя нашего. Желаю вам встретить его вполне утешительно и в житейском и в духовном отношении. Пишу к вам в Москву — где по последнему листку вашему, от 27/XI, вы располагали провести это время. Очень я пожалел, что вас побуждало к тому не столько удовольствие видеть там своих родных и друзей, сколько грустное известие о болезни Уленьки[1]. Воображаю, как она была удивлена вашим приездом. Может быть, вам дано было благословение принести ей и исцеление. О, когда бы так было! Прошу вас пожать ей за меня руку и передать ей от меня дружеский привет. Понимаю, как вас тревожит ее положение и как для вас чувствительна угрожающая ей опасность после недавно испытанной вами семейной потери. Живо сочувствую во всем этом вам, бесценные друзья, и надеюсь побеседовать с вами при личном свидании об этих испытаниях ваших. Не могу довольно желать, чтобы ничто не помешало выполнению вашего плана посетить наши края и нас также. Благодарю вас обоих за эту дорогую, утешительную надежду. Только прошу не оставить предварительным уведомлением о времени вашего приезда, определенно назначив день и поезд, с которым вы будете, чтобы мы могли встретить вас на станции железной дороги и спокойно доставить к себе.

Возвращаясь к последнему листку вашему, искренно и много благодарю вас за добрую память о моей имениннице[2], которая сама будет к вам писать. Затем перехожу к вопросу о ваших уст[авных] грамотах по Холмскому имению.

Недавно на съезде посредников всей губернии я виделся с посредником Полибиным[3], в участке которого ваши деревни, и с Вебером. Они оба обещали мне, что уст[авные] грамоты ваши будут составлены и введены в действие в самом непродолжительном времени. Во всяком случае, вы не подвергаетесь по ним никакому взысканию. Замедление их произошло от одного печального обстоятельства. Посланные вами планы, составленные частным

землемером, были получены с почты в отсутствие Вебера председателем мир[ового] съезда[4] Раздериминым, который, не успев передать их Веберу, положил в свое бюро, отправившись по болезни в отпуск за границу. Теперь он должен быть уже дома, и дело ваше получит безостановочный ход. Вебер сказывал мне, что вследствие согласия вашего на земельный надел крестьяне остаются довольны последним, и все пойдет своим чередом[5], также и оброк будет уплачен бездоимочно, только в случае неполучения его в срок потрудитесь написать о том к посреднику — Николаю Яковлевичу Полибину, и буде затем оброк не будет доставлен в скором времени — обратитесь с просьбою-письмом в наше губ[ернское] присутствие[6], указав на время, когда было вами написано посреднику. Письмо к посреднику лучше отправлять страховое[7], а к просьбе присутствию приложить почтовую квитанцию об отправлении того письма. Это нужно для того, что в некоторых случаях владельцы, не получая оброка, пишут только к своим старостам, которые потом отказываются, что не получали никаких требований. Мы употребляем все, что зависит от нас, чтобы оброки уплачивались своевременно, и как мы знаем, то редко где остались такие недоимки.

Недавно я был очень обрадован известием от нашего славного Андрея Евгеньевича[8] и карточкой его милой фигуры. Хотелось еще увидеть его и всех наших друзей. Ласкаю себя надеждой предпринять поездку с этой целью, когда кончу здесь свое дело, вероятно, в будущем году. Пора — и мое здоровье ветшает, надо готовиться в самую дальнюю дорогу. Поздравляю вас с наступающим Новым годом, призывая на вас благословение. Сегодня и вчера и еще несколько дней у меня досужны. Поэтому пользуюсь ими, чтобы побеседовать с вами и отправиться в деревню осмотреть там свое хозяйство. Вареньку, по бездорожице, не могу взять с собой.

Преданный вам друг

М. Назимов.

49

Е. П. НАРЫШКИНОЙ

[Июль 1864 г.][1]

Усерднейше благодарю Вас, добрейший друг наш Елизавета Петровна, за листок Ваш 20-го прошлого месяца. Этот день остается дорогим для меня, но теперь я встре-

чаю и провожу его не так, как бывало в Кургане. Именинник мой 20-го числа все грустит, и хандрит, и прихварывает, главное от бездействия, так как, продав свое имение, теперь он не занимается хозяйством, а постоянно живет в Петербурге, чтобы следить за воспитанием своих детей. На мой же взгляд, ему была необходима общественная деятельность, чтобы таким образом отвлечь его мысли от сосредоточенности на самом себе и воспоминания о своей невозвратимой утрате. Он поручил мне принесть Вам душевную признательность за милостивую память о нем.

Очень мы пожалели, что Вы живете в тревоге от бродящих в ваших окрестностях поляков, из числа бежавших ссыльных; в летнюю пору, когда лес в листве, а народ занят полевыми работами, они легко могут укрываться в лесах. Впрочем, вероятно, что они пробираются на родину и что при нынешнем настроении русского народа им несдобровать [2]. Воображаю, сколько у Вас было совещаний по этому случаю с Анисьей Петровной и стариком бурмистром. Не могу довольно желать, чтобы Вы скорее были успокоены распорядительными мерами местной администрации.

Кажется, что поляки скоро убедятся в том, что вдались в пошлый обман известного господина, подавшего руку революционному комитету (в Париже) [3] и разогретого для достижения своих личных целей, что в громадном плане его вопрос о самостоятельности несчастного края их был возбужден, насколько это было нужно ему в известный момент, и что теперь роль их кончена, и Пилат [4] обмывает руки в крови стольких жертв своей адской политики. С другой стороны — мы получили урок, как следует управлять своими приобретениями и завоеваниями, обличены в небрежении к нашей православной церкви и нашей народности и т. п., показав, как еще мы зелены в деле управления вообще: факты говорят сами за себя.

В отношении церкви нашей неимоверно до какой степени мы равнодушны. Обратив в православие униатов, мы оставили их на произвол судьбы. Большая часть священников из обращенных униатов чистые ксендзы, не знают по сие время церковного устава и смотрят на православие, как на временное, насильственное явление в их крае, отправляют службы и требы как-нибудь, выпус-

кают из них многие молитвы и нисколько не думают научить свою паству правилам новой веры и заботиться о распространении русской грамотности. Школы существуют на бумаге. Высшее духовенство — прелаты в полном смысле слова, только без духа той пропаганды, которою отличается католицизм, декорум соблюден, насколько нужно в глазах нетребовательного правительства. Церкви в полуразвалинах, монастыри в запустении и тунеядстве. Мудрено ли, что при этом ксендзы и папы успели глубоко подрыть в народе и веру православную, и веру в правительство, и силу государства [5]. Одни только зверские неистовства инсургентов [6] поправили там на время наши дела и восстановили связь с местным русским населением. Надо безотлагательно спешить воспользоваться этим нравственным переворотом в крае. Русская земля должна принять в этом живое, деятельное участие в помощь правительству. От одного уничтожения крепостной зависимости, при апатичности крестьянского населения и деятельности жидов нельзя ожидать скорого успеха в развитии этого населения, нужен свежий элемент великороссийский.

Как я вам признателен за известие о свадьбе дочери Николая Ивановича Лорера и о детях нашего Валерьяна. Надеюсь когда-нибудь увидеть всех их. Не знаете ли, что делает курганский сынок Митя; где он?

Поздравляю Вас с счастливою семейною свадьбою. Хороша парочка. Ведь Софью Кирилловну я видел и в Высоком и в Москве, а Ник[олая] Ив[ановича], ее мужа, в Петербурге у вас [7].

Радуюсь, что Вы имеете утешения в славном Вашем племяннике Петре Ивановиче [8]. Что бы ему когда-нибудь завернуть к нам в Псков. Надеюсь пользоваться его приятным и просвещенным обществом, когда, бог даст, буду в Москве. Позволяю себе мечтать об этом, когда кончу настоящую службу свою, т. е. в будущем году. Известия от наших друзей Титовых очень смущают нас. С благоговением смотрю на христианскую кротость, с которою они переносят трудные свои испытания. Предполагаемая поездка в теплый климат Юлии Михайловны — дело крайней необходимости; но может ли она принести желаемую пользу больной при мысли и виде сопутствующего Михаила Петровича, которого анормальное состояние рассудка не подлежит сомнению. Все это они, бедные друзья,

знают, видят и чувствуют и, однако ж, не находят способов и средств распорядиться иначе. И что может сделать в этом случае самое дружеское участие?! Павел [9], их честный и добрый малый, как вижу, страдает душой от семейного горя и, может быть, выйдет из этого чистилища душой лучшим, чем мог бы быть при более счастливых обстоятельствах своей молодости. Дай бог, чтобы в нем почтенные родители получили награду за свое удивительное терпение и кротость.

Уставные грамоты по Холмскому имению Вашему введены условно. Хотя Вебер оттуда переводится в другие уезды, но и без него нарезка крестьянских наделов будет сделана посредником Паметловским, как только отыщутся планы, попавшие к Раздеримину. О приезде последнего я еже-*

Сделайте милость, сообщите мне, если знаете, как поживают наши Н. А. Загорецкий и братья Беляевы **.

50

М. Я. ПУЩИНОЙ

23 декабря 1865. Псков

Вчера я был обрадован письмецом твоим, родной друг Marie. Чувствую в каждом слове твоем живую горячую любовь и дружбу, которою я обязан ей же, как и теми же драгоценными для меня чувствами всех вас, милые сестры, и всех близких родных и друзей наших, кто любил и умел ценить мою несравненную Варюшеньку [1]. Мне чувствуется, что она витает надо мною и хранит меня, как хранила всегда в этом мире и окружала меня счастием. Теперь я начинаю серьезно, глубже чувствовать и даже понимать, что невольно огорчаю ее своею человеческою грустью, что для ее невозмутимого блаженства нужно мне преодолеть это смущение и повергнуть всецело к подножию креста. Я сделал для этого шаг, как только окончилось собрание, начал говеть и в прошлую субботу сподобился чаши Христовой, начал больной, кончил здоровым, но все еще не совсем: работа нескольких дней разрушается одним мгновением невольного воспоминания или какой-нибудь безделкою, пережившей ее. Эти дни с

* Следующий лист письма утрачен.

** Последняя фраза приписана сверху на обороте листа.

помощью друзей наших разобрал я многие из ее вещей и распределил с общего совета. Многие вещи поступят Маше Подкользиной, в семействе Натальи Евс[тратьевны] и Мих[аила] Анд[реевича] Гущина[2], которым лично передам их в Петербурге, куда завтра намерен отправиться. Я еду туда теперь на несколько дней, чтобы побыть вместе с братом до отъезда в Москву и к вам. Вернусь сюда и устрою свои дела, около половины января думаю пуститься в этот путь и тогда уже буду в Петерб[урге] только проездом.

Тяжело смотреть на Веру Ивановну, хотя она твердо переносит утрату своего старого друга. Она здесь с Над[еждой] Ив[ановной], приехали на крестины новорожденной Параши. Линёшинька так сердечно ласкает меня, голубушка, что я не ожидал от нее такого сердечного чувства, тем более, что она вновь счастлива и живет только этим.

Третьего дня я окончательно сдал дела и суммы управы и получил квитанцию[3].

Меня удивляет, что Мих[аил] Ив[анович] собирается делать парады; пусть бы уж летом, а то зимой с его здоровьем? Это просто страшно. Разве нельзя без этого обойтись коменданту?![4]

Обоих вас поздравляю с наступающим праздником рождества Христова и Новым годом, всей душой желаю вам здоровья и всех благ от бога.

Да, я с наслаждением прочел в газете о твоем училище[5] и тебе самой, дорогой друг мой Marie. Пошли тебе господь. Пиши ко мне, сколько желаешь, сюда.

Преданный вам друг и брат

Михайло Наз[имов].

51

Е. П. НАРЫШКИНОЙ

24 декабря 1865 г. Псков

Не вините меня, добрейший, испытанный друг Елизавета Петровна, в том, что я до сих пор не ответил на два сердечные листка Ваши. Несколько раз брался за перо, но с первых же строк клал его, потому что не видел, что пишу. Хотел говорить с Вами о моем отлетевшем ангеле хранителе и... боялся будить Ваши собственные воспоминания о таком же испытании, хотя Вы и перенесли его с христианским смирением[1], и я ... заключив в душе свои

страдания, решил молча ожидать поры, когда буду в силах говорить о ней с друзьями нашими, и весь затем предался работе по своей должности. Надо было приготовить множество дел по предстоящему губ[ернскому] земскому собранию. Между тем я чувствовал и замечал на голове и силах своих следы постигшего меня потрясения и решил, дождавшись собрания, сложить перед ним свою должность. Нелегко мне было сделать это, но я считал себя обязанным к тому, чтобы впоследствии чрез мою самонадеянность не пострадало как-нибудь общее дело нашего земства. Земство наше благородное поняло и оценило все это. Полученный мною от него адрес сойдет со мной в могилу. После закрытия собрания я тотчас стал говеть; в прошлую субботу сподобился чаши Христовой и как-то во всем моем существе отлегло. Третьего дня окончательно сдал дела и суммы моему преемнику, и теперь, наскоро устроив свои дела, которыми долго не занимался, спешу навестить брата в Петербурге и в половине января собираюсь к Вам. Тогда живым словом передам Вам, бесценный друг, то, что не находит выражения под пером.

Благодарю всею силою души за Вашу любовь и дружбу к моей голубушке несравненной. Она горячо любила всех друзей моих, и вас обоих особенно. Все ее существо было пропитано деятельною любовью, живою верою и серьезным, сосредоточенным стремлением к исполнению долга до мельчайших подробностей. За несколько дней до болезни мы говорили друг другу о нашем счастье, делали планы поездки за границу на предстоящее лето и осень. По окончании срока моей службы мы будем тихонечко жить в Москве на маленькой квартире, посещая тамошние святыни, а я буду ходить на лекции в университете и на земские собрания и передавать ей свои впечатления. И вдруг ... через два ...

Примите усердное поздравление с наступающими праздниками рождества искупителя нашего и Новым годом. Всей душою желаю вам здоровья и всех благ, также покорнейше прошу Вас передать от меня то же приветствие Наталье Дмитриевне, и Петру Николаевичу, и графу Петру Ивановичу [2]. Да подкрепит и помилует Вас милосердный бог! Вспомните нас, прошу Вас, добрейший друг.

52

М. Я. и М. И. ПУЩИНЫМ

20 января 1866. С.-П[етер]бург

Вот уже скоро месяц, что я здесь, а ехал сюда на одну неделю с тем, чтобы, вернувшись в Псков, устроить там финансовые дела свои и поспешить сначала в Москву и Белово, а потом к вам, сердечные родные друзья. Исполнение предположения моего замедлилось на первых же порах. Простуда, которую я не долечил в Пскове, развилась здесь в натуральную лихорадку на третий день по прибытии моем сюда: головная боль, слабость, отвращение к пище и табаку, сильный кашель, ну того и смотри, что совсем свалит с ног. Тут мне пришло на мысль обратиться к вашему медику Мейеру[1]; стал меня пользовать хининою, и, благодаря богу, я теперь оправился и послезавтра думаю вернуться.

То, за чем я ехал сюда, успел устроить. Заказал надгробный памятник над моею святою могилкой, снял портреты с карточки моего ангела и несколько самих карточек по объективу, который нашелся в целости у фотографа. Памятник будет готов к исходу марта. Он состоит из белого мрамора, длиною 2 арш[ина] 3 вершка, шириною 1 аршин, высотою 1 ар[шин] 1 вершок; сверху горельефный крест, с боков горельефные надписи: с одной стороны слово спасителя Марфе над гробом Лазаря[2], с другой: «Помяни, господь, душу здесь лежащей рабы твоей Варвары», с третьей — «Варвара Яковлевна Назимова, рожденная Подкользина, скончалась 11 сентября 1865 года 46 лет». Вокруг памятника железная решетка, по четырем углам чугунные витые колонки и сверху железный зонтик, увенчанный вызолоченным крестом. Гранитная окладина под памятником уже сделана при мне в ноябре. Во всем этом очень помогли мне Владимир Игнатьевич и Михайло Андреевич — эти славные, милые люди. Портреты с карточки тоже удались: один будет вам. Ретушировка их — художественная. Свой экземпляр я велел при себе легко отделать красками — акварелью, и вышло очень удачно, я следил за каждым штрихом, сегодня повезу его показать Вере Ивановне. Вот мои утешения и в чем состоит мое житие здесь. Службою церковной я здесь тоже насладился между прочим в Греческой церкви, где напев совершенно особый в минорном

тоне, сочиненный или положенный на ноты Ломакиным[3] и выполненный в совершенстве любителями его школы.

Вчера обедал с преос[вященным] Тихоном у Катерины Ив[ановны][4] и третьего дня был у него в Невском. Там я встретился у него с Батюшковым[5], который очень огорчен статьей «Моск[овских] ведом[остей]» о твоем училище и собирается написать насчет ее письмо к Каткову[6]. В Рождес[твенской] епархии дела идут худо. В Рождественской татары возвратились в магометанство. Грустно все это: деятельных мер с нашей стороны — никаких почти. Высшая дух[овная] иерархия или равнодушна или отписывается формальными бумагами — ради соблюдения приличия. Правительство не прилагает сердца к делу веры. В здешней роскоши, где миллионы идут на предметы прихоти, не знают или не заботятся о нуждах, нередко вопиющих в провинциях. Здесь бросают к ногам актрис груды букетов, стоящих тысячи — в провинции миллионы едят древесную кору за недостатком хлеба. Это ужасно, гнетет душу, доводит до отчаяния.

По моей бывшей должности я знаю, как скоро и удовлетворительно отвечают на самые настоятельные нужды земства?!

Наталья Евс[тратьевна] при мне опять было захворала, но после причастия с[вятых] таин чувствует себя лучше, я нашел ее на вид еще довольно сильною, но с болезненными страданиями. Капочка и Оленька видно, как всю душу кладут, чтобы успокоить больную мать, как безотрадна и скорбна их жизнь. Владимир удивительный сын и брат. Деточки Мих[аила] Анд[реевича] мне очень понравились. Отец и мать ведут их как нельзя лучше. Утешительно видеть эти заботы и усилия с такими маленькими средствами.

Вчера я узнал, что дочь Софьи В. Марковой выходит замуж за одного моего доброго знакомого, псков[ского] помещика и члена уезд[ной] зем[ской] управы Павла Александр[овича] Плена. Не знаю, успею ли быть у ней, чтобы поздравить.

Брат, узнав, что пишу письмо, поручил приветствовать вас обоих. Я переехал от Демура к нему, так что и он уже с месяц, как никуда не выходит от затвердевшего на глазу ячменя. Его тоже пользует ваш милый Мейер.

Пора кончать, надо ехать в город кончать разные

родственные и свои дела, чтобы скорее иметь возможность вернуться в Псков.

Простите, добрейшие друзья мои! Обнимаю вас обоих. Да, Катерина Ивановна хоть не совсем еще здорова, но выходит. Надежда Ив[ановна] тоже бродит потихоньку, все прочие здоровы, Варвару Ив[ановну] ожидают в субботу из Пскова. Может быть, я дождусь ее здесь.

Душевно любящий вас и преданный вам М. Назимов.

53

М. Я. ПУЩИНОЙ

25 января 1866 г. Псков

Третьего дня, вернувшись из Петербурга, я был обрадован дорогим твоим листком, дорогой друг Marie. В ожидании найти его здесь я поспешил отъездом оттуда, так как накануне вечером, будучи на прощании у Катерины Ивановны, узнал от только что возвратившейся отсюда Варвары Ивановны, что в числе других писем, полученных в мое отсутствие, есть два от моих добрых сестер — из Москвы и Бобруйска. Как я благодарен им за весточку, полную горячей, родной дружбы и любви. Они мне тем дороги вообще, что я обязан ими моему отлетевшему ангелу, который там продолжает свои заботы и попечение обо мне, чтобы облегчить, сколько возможно, жребий небольшого остатка моего сиротства. Передо мною четыре портрета ее; смотрю на них, как бы вчера ее видев живую, находил жизнь и отраду в ее взоре; без слов понимая друг друга, угадывая мысли друг друга, будучи нравственно слиты воедино до последних изгибов сердца; теперь это обаяние сходства, это минутное забвение утраты не медлит уступить место голосу действительности, что она лежит в могиле, что мое счастье разбито вдребезги, когда я за труды мои только и думал, как нам провести в тишине остаток жизни нашей вместе с горячо любимыми родными и друзьями.

Я говорил с нею об этом за несколько дней до роковой минуты, и как утешительно, отрадно она смотрела на меня, отвечала мне и выражала свое живое сочувствие и свои мысли. Marie, друг мой, не вини меня за эти человеческие, немощные чувства. Питая их, я верую, я знаю, что там она наслаждается лучшею, совершеннейшею жизнию, обновленною спасителем, верующей в него: и она пламенно веровала в него, благоговела пред ним и бла-

женным учением его, сострадала ко всякому горю во имя его, знаю, что надо благодарить его за мирный конец всякой христианской души в этом мире; что из любви к спасителю мы должны принести к кресту его в жертву все, все; и бывают минуты, что я благословляю его, говорю сердцем: «Да будет воля твоя!», но потом опять слышу в себе тот же неумолкающий вопль: Вареньки нет, Вареньки нет!.. Вот история моей повседневной жизни.

Сколько писем нашел здесь, самых искренних, с какою любовью встретили наши друзья и меня. Все это наследие моего единственного друга. Аннет[1] ожидала меня, обещала приискать мне нумер в соседней с нею гостинице, так как у ней во флигеле решительно, по моему мнению, нет для меня свободного уголка. Титовы шлют привет еще к нам обоим; я боюсь писать к ним о моей роковой утрате, опасаясь, чтобы письмо не попало в руки м[ада]м Титовой, которая, будучи слабого здоровья и нервная, очень любила мою душеньку. Постараюсь скорее кончить свои дела здесь, чтобы поспешить поехать к вам, мои добрые.

Теперь поздравляю тебя с наступающим днем ангела, а Мих[аила] Ив[ановича] — с дорогою именинницей. Желаю вам радостно и утешительно провести этот день в Паричах[2], куда М[ихаил] И[ванович] хотел переехать к тебе. Я здесь буду молиться о вас обоих.

В Петерб[урге] видел 2 раза преос[вященного] Платона и обедал с ним у Катерины Ивановны. Он приехал туда по своей просьбе ради дела епархии, вследствие допущения смешанных браков[3].

Желал бы продолжить с вами беседу, но пора ехать обедать к щиглицким друзьям. Я дал им слово. Обнимаю вас обоих, всей душой желаю вам здоровья и всех благ. Радуюсь, прочитав письмо М[ихаила] И[вановича] к щиглицким друзьям, что он нашел утешение в деятельной заботе своей об участи арестантов[4].

Преданный вам друг М. Назимов.

54

Е. П. НАРЫШКИНОЙ

30 декабря 1866. Быстрецово

Добрейший, многоуважаемый друг Елизавета Петровна!

Вскоре по отправлении к Вам моего последнего, адре-

сованного мною в Москву на Вашу старую квартиру в дом Ладыженского, я имел удовольствие получить дорогое письмо Ваше, от 5 ноября, в котором Вы так сердечно и заботливо вспомнили меня по случаю наступления бывалого общего нашего с Вами праздника. Очень буду жалеть, если тот листок мой не дойдет до Вас. Я собирался благодарить Вас за добрую дружескую память, как вдруг неожиданно получил из Петербурга известие о кончине Екатерины Ивановны Набоковой и должен был поспешить отдать ей последний долг. Второпях сборов в дорогу я так успел запрятать Ваше письмо, желая тщательно сохранить его, что по возвращении в Псков не мог его отыскать, и только на этих днях удалось мне найти его в своих бумагах. Видно, горе память пришибло под старость. Тем не менее я винюсь пред Вами в замедлении ответом и прошу — на этот раз не посетовать на меня.

О кончине Екатерины Ив[ановны] и оставленном ею семействе Вам, вероятно, писала Наталья Дмитриевна, которую я нашел там вовсе неожиданно, так как Вы писали, что она чувствовала себя не совсем-то хорошо после повторившегося пота и легкого удара. С большим удовольствием я не нашел в ней следов этого припадка и побеседовал с нею, хоть и недолго. Она только жаловалась на боль в глазах и хотела посоветоваться с хорошим окулистом. Что за добрейшая она женщина и как терпеливо переносит она крест телесных своих немощей: видно, что ей неможется и хочется туда, туда! Катерина Ивановна отошла мирно и почти до последней минуты сохранила полное сознание. Теперь Анна Ивановна заступила место ее в почтенном семействе. Какие все сильные личности.

Пробыв в Петербурге всего 4 дня, я поспешил вернуться в Псков к губернскому земскому собранию, в котором не участвовал, но которое по старой памяти и любви к делу постоянно я посещал в качестве постороннего зрителя. Там я часто виделся с Павл[ом] Павл[овичем] Зеленецким и слышал от него, что почтенная тетушка Ваша Марья Ивановна продолжает пользоваться добрым здоровьем и до сих пор может читать и работает без очков. Я надеюсь посетить ее нынешней зимой. Вы пишете, что наш Николай Ив[анович][1] не пишет к ней с тех пор, как разбогател, и что, по дошедшим до вас слу-

хам, вновь собирается жениться. Я думаю, что он не пишет оттого, что при нем нет помощника, который мог бы ловить и излагать его мысли, которые он так живописно умеет выразить на словах. Недавно мне случилось в одном маленьком сборнике стихотворений декабристов, изданном за границей, встретить, к большому моему удовольствию, коротенькие стихи, приписанные ему[2]. Я невольно засмеялся. Не мог не радоваться, что судьба лелеет его на старости, так как, кроме достаточных теперь средств жизни, он живет теперь у замужней своей дочери, в родном семействе и, вероятно, пользуется хорошим здоровьем и прежним юмором, когда, несмотря на восьмой десяток лет, еще собирается жениться.

Очень радует меня, что Вы в своем длительном уединении интересуетесь простонародной литературой, только жалею, что не могу разделить Вашего воззрения на распространение в ней правильных, хотя и начальных понятий о естествоведении. Мне кажется, что это самая здоровая пища для пробуждающейся любознательности в нашем народе. Она усваивает ему правильные понятия о природе и хоть мало-помалу может изменить его от нелепых суеверий и предрассудков[3]. Напрасно опасаются, что она может поколебать веру. Истина всегда плодотворна и ведет к твердому убеждению в верховной истине, премудрости и благости творца. Я еще не успел прочесть рекомендуемую Вами книжку о[т]ца Богословского[4]. Знаю, что автор ее человек высоконравственный. Со своей стороны, укажу Вам на замечательные рассказы о русской истории Петрушевского[5]: слова не даст выкинуть.

Вы хвалите статью Соловьева[6]. Если это та, в которой он излагает свой взгляд на наш государств[енный] кредит, то она мне хорошо знакома. Архимед доказал, что мог бы повернуть земной шар, когда бы мог иметь вне земли точку опоры для рычага[7]. Так и в этом вопросе: без твердой, определенной точки опоры все расчеты и системы — напрасны. Книжку Демирондо[8] ожидаю в непродолжительном времени и по получении тотчас вышлю Вам.

Я уехал сюда от городских празднеств, вечеров, балов, чтобы встретить со своими воспоминаниями нынешний праздник и Новый год и быть в день кончины матери моей, 31 декабря, на ее могиле.

Поздравляю Вас с нынешним праздником рождества Христова и предстоящим Новым годом. Желаю Вам проводить наступающий год вполне благополучно и мирно. Тяжелы Вам, дорогой друг, первые дни его. Да укрепит и утешит Вас бог! 2-го числа мы будем вместе молиться о Вашем и моем друге. Затем в бодрствовании веры и уповании пойдем — вперед!

Преданный Вам и чтущий Вас друг

М. Назимов.

55

Е. П. НАРЫШКИНОЙ

22 мая 1867. Псков

Добрейший друг Елизавета Петровна!

Не нахожу слов благодарить Вас за добрую память. Я еще не успел за суетами отвечать на недавний листок Ваш, от 26 апреля, как имел удовольствие получить другой, от 12 нынешнего месяца. Как Вы добры, что вспомнили мое 19 число[1]. Вот уже наступил мне и 67 год. Не думал я прежде так долго жить, а потом, при жизни моего несравненного друга, желал и надеялся прожить с ним до глубокой старости, чтобы лелеять его. Как теперь ни тяжело иногда, а в минуты благоговейного успокоения духа и сознания святого дара жизни благодарю за нее милосердного подателя ее. Пора готовиться в дальнюю дорогу, но кто весть срок отправления. Хотелось бы еще увидеть прочное благоденствие дорогого Отечества.

Обращаюсь к первому листку Вашему. При самом живом интересе моем о том, чтобы Вы скорее получили недоимку оброка с Ваших холмичей, я, к большому сожалению, должен сказать Вам, что, судя по характеру деятельности тамошнего мир[ового] посредника, вероятно, они в настоящее время не имели чем заплатить, так как в той стороне губернии последние два года были крайне неурожайны, вследствие чего крестьяне для пропитания своего должны были распродать за бесценок большую часть своего скота. Нынешняя поздняя холодная весна не обещает также хорошего урожая. Вы можете видеть из газет, в каком бедственном положении находятся теперь крестьяне во многих местностях Новгородской губернии, смежной с Холмским уездом. Там и казенной недоимки накопилась бездна. Несмотря на все это, я просил здеш-

9

22 Мая 1867. Псков.

Добрейший друг Елисавета Петровна!

[illegible]

ПИСЬМО М. А. НАЗИМОВА Е. П. НАРЫШКИНОЙ
ОТ 22 МАЯ 1867 Г.

него члена губ[ернского] присутствия, который в конце нынешнего месяца поедет с новым нашим губернатором по губернии, и прежде всего в Холмский уезд, употребить свое посредство, чтобы с Ваших холмичей была б взыскана накопившаяся недоимка оброка, если только они действительно в состоянии ее уплатить. Более я ничего не мог сделать.

В последнем письме Вы обусловливаете приятнейшую для меня надежду увидеться с Вами в наших краях — опять тем получением оброка с холмичей. В таком случае очень сомнительна эта дорогая надежда. Но, судя по прошлогоднему урожаю в Высоком и по обширности тамошнего хозяйства Вашего, я никак не могу думать, чтобы оно так мало приносило Вам дохода, что Вы не имеете средств посетить 84-летнюю, так горячо любимую Вами тетеньку Марию Ивановну. Впрочем, в чужом кармане нельзя деньги считать, говорит пословица. И я по собственному опыту знаю, что, несмотря на довольно порядочный валовой доход имения, за вычетом найма рабочих и должностных людей, а также и необходимого ремонта, в остатке приходится получать немного.

Очень мне грустно было узнать также и то, что Ваша невестка при ее большом состоянии потревожила Вас требованием известной Вам уплаты. Но все-таки ведь эту уплату она желает получить не при жизни Вашей, то, кажется, Вам нет необходимости обрывать себя, если даже Вы признаете этот долг правильным. Ваши наследники могут уплатить его.

Вчера я был обрадован письмом Андр[ея] Евгеньевича. Он уведомил меня о помолвке его Инны[2] и ожидает к себе Н[иколая] И[вановича] Лорера, затем в июне располагает быть в наших краях, проездом в Солдино, а оттуда за границу. Я тоже думаю в июле отправиться месяца на два за границу; а на этой неделе хочу съездить в Петербург навестить Анну Ивановну Пущину, которая трудно больна. По последнему письму оттуда знаю, что она на днях приобщалась с[вятых] таин, но я приписываю это не опасности, а потребности дорогой и мною любимой больной.

Простите, бесценный друг! Избегайте слишком предаваться Вашему хозяйству и берегите свое здоровье и душевное спокойствие. Душевно преданный Вам и чтущий Вас глубоко М. Назимов.

56

Ю. М. и П. П. ТИТОВЫМ

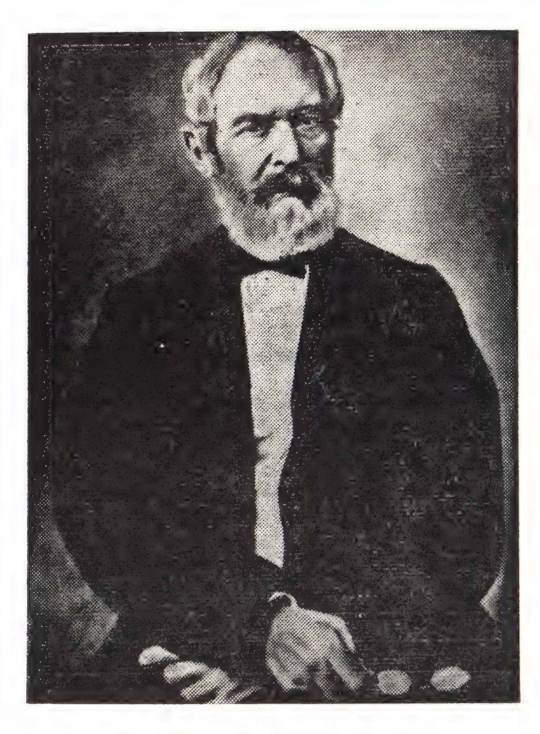
26 декабря 1867. Псков

Почтенные и добрейшие друзья Петр Павлович и Юлия Михайловна. Опять я много виноват пред вами, что так давно не писал к вам. За разными делами откладывая это от почты до почты, я был постигнут общею нашею потерею[1], вследствие которой только теперь могу взяться за перо. Вы уже знаете чрез графа Петра Ивановича[2] все подробности события этой новой нашей утраты. Так близко от меня совершилась она, и я узнал о ней только тогда, когда все было кончено и когда я уже не мог принести последней посильной помощи. Мир душе отшедшей от нас светлой, благородной личности, которой дружбою мы так долго и постоянно пользовались. Пусть ее уделом в вечности будет и есть то, о чем может наша церковь! Теперь она там вместе с ее лучшим, общим нашим другом и другими чистыми душами.

Душой благодарю вас за добрую память и приветствую вас и дорогого гостя вашего Павла Петровича с нынешним праздником и наступающим Новым годом; усердно желаю, чтобы все вы были здоровы и благополучны и мирно, счастливо проводили предстоящий и многие последующие годы. Очень мне жаль видеть из вашего письма, что при всем усердии на службе достойного Павла Петровича она до сих пор не везет ему. Однако ж я слышал от графа Петра Ив[ановича], что он исправляет должность помощника юрисконсульта, круг деятельности которой обширен и важен. Если он еще не получил штатного места, то причиной тому, вероятно, еще не устоявшийся окончательно личный состав министерства юстиции при новом министре[3]. Пока он был здесь губернатором, правда, я пользовался его расположением, может быть всего более потому, что имел с ним сношение только по делам общественной службы и не обращался к нему никогда ни с какой частной просьбой. Мы расстались в самых лучших отношениях, но с тех пор я ни разу не видался с ним, впрочем, из некоторых посторонних примеров знаю, что он не любит, когда его просят о каком-нибудь месте. Уж если вы хотите заинтересовать в Павле

Петровиче, то попробуйте действовать на него чрез Софью Григорьевну, вдову его дяди, гр[афа] Палена[4]. Он очень чтит ее, а к ней вы можете обратиться через Наталью Григорьевну Муравьеву[5]. Этот путь будет вернее и благонадежнее. Впрочем, если бы и мне представился удобный случай видеться с ним и коснуться в разговоре Павла Петровича, то я бы не упустил воспользоваться им. Как бы я желал скорее повидаться с вами. Авось бог даст мне будущим летом иметь возможность и средства посетить вас. Хозяйство имения моего требует беспрестанного, хотя заочного, моего наблюдения. Управляющий мой до сего времени порядочный, еще очень молодой человек, валовой доход с имения изрядный, но конец с концом — чистого доходу немного, да и тот может оказаться не ранее мая, когда оканчивается продажа сельских продуктов, в числе которых один из главных — лен. Жить в деревне — я имел бы гораздо больше средств и удобств, но мне жизнь там невыносима, да при ней я не мог бы посильно исправлять общественных служб, которых оставить в настоящее время не позволяет гражданский долг.

Очень вы меня утешили и успокоили известиями о своем здоровье и житье-бытье. Пользу зимнего употребления минеральных вод я видел на Кавказе из многих примеров. Конечно, в нашем суровом климате при этом необходима предосторожность от простуды. Впрочем, я и без этой предосторожности чувствую на себе большую пользу простого употребления в питье зельтерской воды. Это тоже простая вода с примесью некоторых солей, полезных в общей экономии животного организма. При свидании с графом Петром Ив[ановичем] и проводах останков Елизаветы Петровны я выразил ему желание попробовать написать несколько слов в память ее. Когда я вернулся сюда из города, старался отыскать помещенные в газете «День» несколько слов Евгения Петр[овича] Оболенского в 1863 году[6] в память Мих[аила] Мих[айловича] Нарышкина. В них, сколько я помнил, сделан верный очерк характеристики и нашей новопреставленной Елизаветы Петровны. С большим трудом я мог найти эту сердечную статью Евгения Петровича, и когда прочел ее, то сознал, что к сказанному им о Ел[изавете] Петровне нечего прибавлять: так правдив и верен очерк ее характера в главных чертах. В них мастерски изображено все,

М. А. НАЗИМОВ, начало 1870-х гг.
ИРЛИ АН СССР

что было существенно хорошего и доброго в ее светлой личности, то именно, что составляет высшее призвание женщины вообще и характер русской женщины в особенности. Конечно, нельзя при этом не желать, чтобы сохранились в исторической памяти отличительные черты самой индивидуальности: ее природный ум, сердце, воля, влияние на склад ее характера нравов отеческого дома, добродетели ее матери, доблести ее отца — героя 12 года[7]; тщательного воспитания, руководителем которого был ее просвещенный отец, стоических добродетелей, еще хранившихся после 12 года в обществе того времени; наконец, влияние на нее добродетелей и любвеобильной души Мих[аила] Михайловича. Но для всего этого надо иметь материалы, время и спокойное, не возмущаемое свежими впечатлениями созерцание той, о которой гово-

рится, как равно и об ее обстановке в разные последовательные периоды ее подвижнического поприща. Прошу вас передать это воззрение мое г. Петру Петровичу вместе с моим приветом к нему. Довольно, буде он желает возобновить в памяти друзей покойной то, что еще при жизни ее было сказано о ней одним из лучших друзей ее и Мих[аила] Мих[айловича], тем, который был свидетелем ее добровольного, самоотверженного узничества в Чите и Петровском и находился в постоянных, искреннейших с ними сношениях почти во всей их жизни; в словах которого, как христианина по превосходству, нельзя заподозрить никакой похвалы в ущерб святой истины[8].

Простите на этот раз, бесценные друзья. Всех вас с горячею любовию и дружбою душой обнимаю.

Весь ваш М. Назимов.

57

М. И. СЕМЕВСКОМУ*

25 января [1868 г.]

Многоуважаемый Михаил Иванович!

Сей час был у меня Борис Петрович[1] и сказал, что он сегодня отозван на вечер. Вместе с тем, что он пригласил меня завтра к нему отобедать запросто и поручил передать Вам то же от него приглашение, извиняясь перед Вами, что не успел сегодня утром видеться с Вами.

С уважением и преданностию к Вам

весь Ваш М. Назимов.

58

Н. Д. ПОПОВОЙ[1]

8 апреля 1883 г. Псков

Я получил дорогое письмо твое от 23 марта, мой милый, родной друг. Оно полно такою нежною любовию, таким забвением своего мучительного страдания, что я читал его сквозь слезы, и я был бы рад дать им волю, если бы это не было строго запрещено мне окулистом. Спасибо тебе, неоцененный друг мой, за эти живые искренние чувства ко мне. Прошу извинить меня за неско-

* Сверху помета М. И. Семевского: «Автограф Михаила Александровича Назимова».

М. А. НАЗИМОВ, 1883 г.
Из семейного архива составителей

рый тебе ответ и, независимо от меня, замедление исполнения твоего желания скорее получить мою карточку. Единственный здешний фотограф по болезни не мог исполнить моего заказа. Сейчас лишь получил от него первые два экземпляра моей карточки, которые спешу отправить к тебе с нынешней почтой при этом письме[2]. Позволь же и мне просить тебя прислать мне свою карточку: одну того времени, друг, когда ты была невестой, другую в настоящем твоем виде, если это нисколько не затруднит и не обеспокоит тебя, милейший друг мой.

Как-то ты себя чувствуешь? Есть ли сколько-нибудь облегчения в твоем страдании? Каждый день вспоминаю тебя и призываю на тебя благословение всевышнего, и если б силы позволили мне, полетел бы навестить тебя.

Все в воле божьей! Мы не можем здесь постигнуть и маленькой тени его бесконечной любви и милосердия! Да поможет он тебе в твоем христианском терпении и уповании в преданности святой его воле!

Я немного поправился в последнюю неделю и мог быть уже в церкви.

Всей душой приветствую тебя и все твое семейство с наступающим светлым праздником, желаю, чтобы вы встретили и проводили его в хорошем здоровье, сколько возможно утешительно и приятно.

В заключение целую твои глазки и ручку, писавшую мне столько дорогого и отрадного! Господь с тобой, душа моя Наташа.

Всей душой твой М. Назимов.

59
Н. Д. ПОПОВОЙ

Псков, 4-е ноября 1883

Милый, родной друг мой Наташа!

Я получил два твоих письма; последнее помечено 18-е октября. Грустно, больно мне видеть из них, как много беспокоит тебя мое молчание на первое из них, тогда как я всей душой хотел бы все сделать угодное тебе, чтобы сколько-нибудь облегчить твое страдальческое положение. Но, к прискорбию моему, я вовсе не мог взяться за перо с половины минувшего лета, сначала от яркости дневного света, потом от необычайной, непроходящей темноты. К тому ж и желудок мой не переставал меня мучить каждодневно. Теперь, благодарение богу, мне стало полегче вообще, и в последние два дня мрак стал менее силен, хотя на 2—3 часа утра. Однако же я по сие время не могу еще пуститься в Петерб[ург] посоветоваться с врачами. Справляясь у здешних лекарей насчет твоей болезни, я получил ответ, что тебе было бы полезно брать соленые ванны — градусов в 28—30 и делать массаж в руках и ногах знающею фельдшерицей. Да поможет тебе милосердный господь! Пишу эти строки с помощью моего человека,— друга, и сквозь трафарет.

Прощай, друг души моей! Всей душой, горячо обнимаю тебя и целую твои глазки.

Весь твой М. Назимов.

Сердечно жалею о параличе, постигшем вашего пре-

освященного владыку[1]. Пошли ему всемогущий исцеление!

Дорогому твоему Михаилу Михайловичу[2] и всему семейству шлю сердечный привет и усердные пожелания и всего доброго и хорошего.

60

М. И. БАУЛЕР[1]

14 января 1884. Псков

Милая Маша!

Большое спасибо тебе, добрый друг, за письмо твое от 8 января. Как ни грустны известия твои о бывших в то время страданиях нашего незабвенного Володи[2], по крайней мере, оно успокоило меня относительно тебя самой после твоей болезни. Теперь с Володей все окончено: вчера поутру я получил от Вани[3] телеграмму, что в 4 часа утра наш бесценный мученик перешел в лучшую жизнь. Вечная ему память и блаженное ему успокоение в том мире!

Здесь по православному обычаю я заказал по нему сорокоуст, а после обедни, в тот час, когда будут предавать его земле, я буду молиться о нем на панихиде в одно время с вами. Подкрепи бог силы несчастной Маруси[4] в постигшем ее горьком испытании, и да утешит он всех вас, мои дорогие.

Сделай милость, Маша, давай мне почаще весточку, хотя в немногих словах, как будет себя чувствовать Маруся и здоровы ли ее милые деточки, а также о том, какие вероятности средства может получить она с детьми от правительства за службу покойного своего мужа?

Прошу тебя крепко обнять за меня твоего дорогого Аркадия Васильевича, да извинит он меня, что я не отвечал на последнее доброе его письмо. Что делать, когда глаза не дают возможности самому писать и душа болит от тревожных и грустных известий.

Прощайте, мои родные, всей душою желаю вам здоровья и всего доброго и хорошего; слава богу, что почтенный отец, Аркадий Васильевич, теперь чувствует себя хорошо. Целую вас обоих, сердечно любящий вас родной друг

М. Н[азимов].

P. S. Большая моя просьба к Аркадию Васильевичу:

когда будет он у наших на Фурштатской, взял бы у Наденьки[5] мою книгу «Записки Декабриста»[6] и переслал бы мне с первою почтою; она мне очень нужна. Я неоднократно просил Наденьку возвратить мне ее, но, вероятно, некогда вспомнить об этом.

2. Поздравить Ваню с его новою должностью и уведомить меня, какие она имеет преимущества пред прежней.

61

П. Н. СВИСТУНОВУ

11 апреля 1886

Христос воскресе!

Приветствую Вас, дорогой и уважаемый Петр Николаевич, с наступающим светлым праздником, от души желаю Вам встретить и проводить его в удовлетворительном здоровье, вполне приятно и утешительно. То же приветствие и пожелание прошу передать нашим добрым товарищам, еще остающимся в живых, в случае Вашего свидания с ними[1].

На любезный вопрос Ваш, как я поживаю, скажу Вам, что живу в своем домике, небольшом, но довольно поместительном для меня; хвораю гастрическими недугами, свойственными старости, чувствительно терплю от них более в продолжение осени и зимних месяцев, весной же и летом чувствую себя лучше; почти не выхожу из ограды моего домика; зрение мое слабеет, в ясный день не без труда могу написать несколько строк и столько же прочитать крупной печати и письма тоже крупного, черными чернилами.

Хожу последовательно с помощью вожака, пилю дрова и качаю воду из насоса для моего садика. Ко мне ходят чтецы часа на три, свободные у нас от должности, при мне служит уже более 20 лет честный и добрый человек, усердно берегущий меня[2]. Меня навещают добрые старые знакомые. Живу помаленьку, как позволяют маленькие мои средства. Вот вам, дорогой, почти все, что могу сказать о моей внешней одинокой жизни; затем прощайте, крепко обнимаю Вас и жму Вашу руку.

Искренне любящий и уважающий Вас

М. Назимов.

P. S. Будьте так добры, почтенный Петр Николаевич, при свидании с Александром Петровичем Беляевым[3] пе-

редайте ему от меня искреннее поздравление с нынешним великим праздником воскресением Христовым и самое лучшее и утешительное пожелание. Я часто, часто вспоминаю его и брата, а также приятнейшее знакомство с его многоуважаемыми и добрыми сестрами в Самаре; винюсь пред ними, что не отвечал на его дружеское письмо. Совестно вспомнить об этом. В ту пору мне как-то особенно было тяжело и грустно и не до письма, а затем я не мог отыскать его адреса, хотя два раза отыскивал его чрез Московскую адрес-контору без всякого успеха. Прошу великодушно простить мне эту провинность ради нынешнего праздника.

СТАТЬИ

ОБ ОБРОКЕ ИЛИ РЕНТЕ С СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИИ ВООБЩЕ И В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОСОБЕННОСТИ[1]

> Из всех задач для практических к жизни относящихся наук нет, может быть, труднее для промысла и общественного отношения, но вместе с тем и важнее, как отыскание правильной, наименьшим недоразумениям подверженной методы определить ценность производительных земель, вытекающую из чистой их доходности.
>
> Бер[нгарди Теодор][2]

При предстоящем устройстве быта помещичьих крестьян надел их землей и оброк (рента) с нее составляют два важных вопроса, тесно связанных между собою. Первый имеет предметом: обеспечить крестьянам средства к существованию и уплате податей и оброка посредством участка земли, представленного землевладельцем в их пользование; предмет второго: установить правильный оброк (ренту), который крестьяне будут обязаны платить за такие поземельные участки в продолжение переходного срока.

От правомерности этой ренты будет зависеть, с одной стороны, благосостояние крестьян и прочность их оседлости, с другой — благонадежность их положения.

Вопрос о наделе землею вызвал в нашем журнале многие основательные исследования. Другой, неразрывный с ним вопрос, ожидает столь же тщательных и добросовестных изысканий. Постараемся принять в них посильное участие.

Так как определение поземельной ренты в сельском быту следует основать на оценке пользы, получаемой земледельцем от возделывания участка земли, то здесь предлежит рассмотреть производство этой оценки.

Известно, что оценка сия производится двумя способами *: наибольший чистый доход с участка земли сперва исчисляется или прагматически, т. е. через определение состояния, в каком находится данный участок (в отношении его почвы, возделывания и местных условий), или исторически, т. е. по сведениям о предшествовавшем его употреблении, на основании счетных хозяйственных книг, письменных отчетов и т. п.; и потом уже из результата всего сказанного выводится искомая оценка дохода.

Прагматическая метода, будучи основана на определенных, опытом подтвержденных правилах, на приведении в известность точных свойств почвы, имеет неоспоримое преимущество перед той исторической методой, которая делает ограниченные частные выводы свои по счетным хозяйственным книгам, потому что редко можно найти последние, а тем реже целое хозяйство, веденные правильно в течение долгого времени.

Она состоит: 1-е) в описании составных частей почвы; 2-е) в классификации и оценке почвы; 3-е) в приведении в известность чистого дохода с данного участка земли.

Каждая из этих трех частей, как можно видеть, требует основательных, точных и немаловременных исследований. Сверх того, им должны предшествовать: специальное обмежевание казенными землемерами каждой общинной или частной земельной собственности и подробная топографическая съемка их, не говоря уже о геогностической съемке [3].

Как зрелый плод современной науки, эта метода неоспоримо превосходна не только в теории, но и в практике, когда все условия ее выполняются тщательно, правильно и добросовестно **; но применение ее к России в

* Смотри: Правила оценки сельскохозяйственных земель. Сочинение Якова Ионсона, 1840 года. *(Примеч. М. А. Назимова.)*

** Достойный уважения пример тому отряд комиссии уравнения денежных сборов ведомств государственных имуществ[4], делавший и исследования по сему предмету лет 20 тому назад в губернии. Собранные ими систематические и верные сведения о ценности поземельных угодий в этой губернии послужили мне пособием бла-

настоящих обстоятельствах было бы сопряжено, по мнению моему, со следующими неудобствами:

Во-первых, в материальном отношении.

Где найти такое множество казенных и частных землемеров, ученых и опытных агрономов как для составления выше означенных планов, равно и для определения по этой методе качества почвы и оценки дохода миллионов земельных участков разной величины на необъятном пространстве империи? Сколько времени потребуется на учебное приготовление целых легионов таких специалистов! Какие огромные суммы были бы нужны на снаряжение составленных из них комиссий для целой страны! Когда могла бы кончиться подобная операция*, сколько бесчисленных перемен в продолжение ее действия могло бы произойти как в пространстве земель, подлежащих ее описанию, так и в самом качестве их вследствие новых условий помещичьего и крестьянского хозяйств!

Не говоря уже о целой стране, которая по обширности своей равняется части света, одни только северные великороссийские губернии потребовали бы вековых трудов и огромных сумм для точного измерения и описания земельных собственностей. В геогностическом отношении, принадлежа к девонской формации[5], они представляют бесконечное разнообразие почв, которых нередко можно встретить 3—4 рода на одной десятине, не исключая в это число подпочв, имеющих большое влияние на верхний слой земли.

Наконец, прагматическая метода только тогда состоятельна, когда все данные, входящие в состав ее, оценены верно; в противном случае, сумма дробных погрешностей в каждой из них может привести к самым странным выводам, которые не останутся в области теории, но перейдут, может быть, в действительную жизнь, внеся в нее на долгое время или даже навсегда весь вред от их применения.

Во-вторых, в нравственном отношении.

годаря обязанности г. председателя Псковской палаты государственных имуществ г. Казначеева для составления вывода, сделанного мною в таблице, приложенной в конце этой статьи. *(Примеч. М. А. Назимова.)*

* Между тем как правильная метода оценки этого рода безотлагательно нужна. *(Примеч. М. А. Назимова.)*

Кроме теоретических знаний, умения применять их к делу и неослабной деятельности, таксаторам земли необходимо следует быть людьми строгой честности и добросовестности. Откуда взять такое множество подобных людей? Опыт остзейских губерний показал, как трудно найти их. С одной стороны, неумышленные погрешности, с другой — преднамеренно ложные таксации, вследствие подкупа от помещика, ставили там в некоторых местах самые дурные земли в классы лучшей доброты и наоборот [6].

Можем ли мы обольщать себя надеждой устранить у себя вышесказанные неудобства и злоупотребления прагматической методы? Отнюдь не отрицая правильность ее, смею думать, что применение ее у нас будет возможно только с большим развитием просвещения, нравственного чувства и общественного мнения. Между тем предстоящее устройство нашего сельского быта настоятельно требует правильного установления поземельной ренты на основании верно исчисленного поземельного дохода. Итак, надлежит искать другого способа.

Историческая метода оценки дохода.

В таком тесном смысле, как обыкновенно разумеют ее в науке сельского хозяйства и в каком мы приняли ее в начале статьи, метода эта, конечно, не может привести к верным результатам, особенно у нас, где редко ведутся систематические хозяйственные книги.

Но, рассматривая эту методу в пространном ее значении, следует обратиться к источникам нашей истории и к уцелевшим в народе обычаям.

Возможно ли, чтобы народ, по преимуществу земледельческий, в продолжение многих веков своего существования не выработал какого-либо своеобразного способа оценки земель и чтобы правительство не установило основных для того правил, когда в них была ежедневная надобность при заключении словесных условий и письменных актов между вотчинниками и помещиками, с одной стороны, и оброчниками земель, с другой.

Если после прикрепления крестьян к земле условия этого рода между вотчинными и поместными владельцами земли, с одной стороны, и наемщиками ее, с другой, становятся редкими, а потому самому смолкают уставы и законы наши о них, то в века вольного перехода наших

меньших братий это было иначе, и, возвращаясь теперь к нашей нормальной жизни в этом отношении, мы должны искать указаний по сему предмету в исторических источниках, до черных времен Годуновщины и Шуйского[7]. Древнее законодательство наше определяло платить обычный оброк — ренту хлебом.

Так, по уставу Ярослава Владимировича[8] оброк был *половина* прибытка, т. е. целого урожая земли. По переписной окладной книге по Новгороду Вотьской пятины 1500 года почти все доходы с деревень составляют *треть* из хлеба и в некоторых только пятину.

Такой же коренной, исконный народный обычай существовал у западных и южных славян и уцелел до сего времени в Герцеговине, Сербии и Боснии.

В России, по крайней мере в некоторых северных губерниях, сколько известно, он сохранился поднесь, при отдаче земель в наем по вольной цене; причем пашни ходят с известного снопа, сенокосы исполу. Так, в Вологодской губернии эта рента, или оброк с пашни, составляет *половину* урожая, в Новгородской и Псковской — *пятину*, то есть с пятого снопа, *четвертину*, то есть с четвертого снопа, и *третину*, то есть с третьего снопа, хотя все сии виды оброка в народе под общим именем пятины, как более общей, обыкновенной и нормальной ренты. С третьего снопа отдаются земли, необходимые наемщику или самые выгодные и находящиеся близ городов. Покосы же обыкновенно исполу, то есть из половины выставленного на них сена. Кроме этих паев в пользу собственников земли, как-то: церквей, монастырей, помещиков, церковников, купцов, мещан, разночинцев и крестьян казенных и помещичьих — оброчники нередко соглашаются давать условленное число конных и пеших работников и работниц для вывозки удобрения и в страдное время на покос и жатву хлеба.

Рассматривая этот способ ренты в экономическом отношении, нельзя не признать его правомерность, простоту, удобоприменимость и наглядность. Вольный наем и опытность земледельца в своем ремесле служит ручательством, что последний обязывается производить оплату, которая сверх стоимости его работы и расходов на возделывание и обсеменение земли и ему доставляет выгоду; вместе с тем землевладелец, не прибегая к много-

сложным исчислениям для оценки отдаваемого участка, имеет с каждой пяди его следующий доход*.

Земледелец не может не признать справедливость этого условленного выдела. Он видит в нем законные, обычаем утвержденные, неопровержимые права хозяина земли и свои в отношении к нему обязанности. Обязательная рента деньгами *по стольку-то с десятины*, общая для всей страны, даже для одной какой-либо губернии, не может быть столь правильна, как плата известным снопом; ибо едва ли какая-либо губерния имеет одинаковую почву и одинаковые цены на хлеб на всем ее пространстве.

В тех местностях, где коренной обычай *поснопной*[9] ренты утратился или вовсе не существовал, его можно установить, применяясь в определении числа снопов с копны к найму земли по вольной цене.

Перечтем удобства и выгоды этого исторического способа.

Во-первых: он прост, нагляден, удобопонятен для земледельцев и основан на коренном народном обычае, при нем нет места недоразумениям, обманам, жалобам и тяжбам; крестьянин не может заподозрить в нем лукавого намерения запутать его в сбивчивых расчетах с целью подчинить обременительным утвержденным повинностям. Всякий спорный случай может быть тотчас решен: или третейским судом, или в первой судебной инстанции — волостном суде.

Во-вторых: он представляет очевидную соразмерность платы с действительным пространством и качеством земли почвы.

В-третьих: если допустить, что пай, выделяемый в пользу крестьянина, на сколько-нибудь более или менее самой точной меры платы за наем ее, то и в таком случае ошибка или неправильность может быть только в одном, а не во многих обстоятельствах расчета оценки, как при прагматическом способе.

---

* При жнитве хлеба ставят снопы в стоянку, или бабки, в каждой по 10—11 снопов; пять таких стоянок составляют копну и обыкновенно ставят рядом, одна возле другой. Таким образом, землевладелец, выделив себе для примерной оценки дохода с пашни одну стоянку, или бабку, из каждой копны, получает самую точную меру условленной пятины. Для третины или четвертины он выделил бы себе третью или четвертую часть из числа нажатых стоянок. *(Примеч. М. А. Назимова.)*

В-четвертых: он не потребует никаких издержек ни от правительства, ни от землевладельцев.

Что касается до измерения на месте самой пятины или другой поступающей в ренту части урожая, то оно может быть сделано таким образом: так как при существующем дележе земли между крестьянами каждое тягло получает полосы одинаковой доброты с прочими тяглами во всех поземельных угодьях общины, то измерение по жребию среднего качества пятины или другого подобного оброка с одного тягла будет служить верным мерилом для всех остальных тягол той же сельской общины. Выделив по жребию в каждом селении по три тягловых участка, буде их не менее этого числа, и в течение трех лет тщательно определяя умолот, по известному снопу со всей пажины с пробных участков, и потом разделив этот умолот на три части, можно получить искомую нормальную величину оброка хлебом и соломою с одного тягла в ржаном и яровом поле. Землевладельцу предоставляется право постановить в договоре условие об уплате ему оброка натурой или деньгами по существующим ценам в той местности, приняв в расчет сложность цен в продолжение 14 лет и исключив из них 2 года самой высокой и 2 года самой низкой цены на хлеб и солому.

Для поверки способа оценки ренты собственно по пятине, то есть по пятому снопу, сравнительно с выводом чистого дохода, сделанным по прагматическому методу, прилагаются две таблицы, составленные для Псковской губернии. В них принят за норму надел тягла девятью десятинами земли, из коих примерно пять десятин под пашней, три десятины под покосами и одна десятина под выгоном, и выведен расчет пятины, как подесятинно, так и со всей пашенной земли, полагая $1/3$ пашни под рожью[10], $1/3$ под яровым и $1/3$ под паром. Из сравнения в сей таблице количества пятины и третьей части чистого дохода можно усмотреть: 1) что размеры их почти совершенно тождественны, но в то же время способ пятины прост, нагляден, очень своеобычен и ничего не стоит ни собственнику земли, ни правительству, тогда как оценка трети чистого дохода повела бы к кадастровой или прагматической методе, сопряженной с вышеобъясненными неудобствами и издержками; 2) что, за вычетом стоимости расходов на обработку, удобрение и обсеменение своих полей, за выделом пятины и за уплатою

Исчисление с трех главных почв Псковской губернии наибольшего податей и пятины, выведенного в четвертях ржи, предполагая под пашней, 3 десятины под сенокосом и 1 десятина под выгоном, принято $2^1/_2$ м[ужского] п[ола] души. Цена ржи взята 5 р. за

Расчет с 1 указанной десятины пашни, полагая $^1/_3$ ее под рожь, $^1/_3$ под яр и $^1/_3$ под пар. Почва принята 3-х нижеобозначенных классов, из коих каждый подразделяется на 4 степени

Классы почв	Валовой доход				расход на возделывание, удобрение и обсеменение	чистый доход с 1 десятины
	Весь урожай зерновых с 1 десятины	соломы		итог валового дохода с 1 дес[ятины]		
		пудов	приведено в четв. ржи			
I. Глинистых:						
1-й степени	5,33	80	0,60	5,93	2,08	3,85
средний с 4-х степен[ей]	3,62	54	0,40	4,02	1,95	2,07
II. Суглинистых:						
1-й степени	5,62	85	0,64	6,26	1,85	4,40
средний с 4-х степен[ей]	3,93	60	0,45	4,42	1,72	2,70
III. Песчанистых:						
1-й степени	4,96	72	0,54	5,50	1,84	3,66
средний с 4-х степен[ей]	3,46	52	0,40	3,86	1,75	2,10

казенных податей с $2^1/_2$ душ мужского пола, полагаемых в тягла, крестьянину остается еще значительная прибыль от пашни и сенокоса, кроме пользы, которую сверх того он может иметь от огорода, от посева в яровом поле более ценных растений, чем овес, как-то: льна, ячменя, гороха и пр.; от заработков в свободное время в господском хозяйстве и на стороне и, наконец, от промыслов.

Псковский помещик Михаил Назимов

Таблица 1

и среднего валового дохода и чистой прибыли, за вычетом расхода, надел земли на 1 крестьянское тягло 9 десятин, из коих 5 десятин с показанием в параллели: пятины и 1/3 чистого дохода. В тягле 1 четверть[12], а за пуд соломы 2 3/4 коп.

		Расчет с 5 десятин				
1/3 чистого дохода с 1 десятины	пятина с 1 десятины	чистый доход с 5 десятин	пятина с 5 десятин	подати и казенные подушные с 2 1/2 м. п. души, или с тягла, считая подушных по 86 к. с души и повинностных 85 к.; всего 1 р. 71 к. с души	чистая прибыль с 1 десятины зернового урожая	всего вообще прибыли
1,28	1,18	19,25	5,90	0,85	2,50	13,5
0,69	0,80	10,35	4,0	0,85	1,10	5,5
1,47	1,25	22,0	6,25	0,85	2,98	14,9
0,90	0,88	13,50	4,40	0,85	1,65	8,25
1,20	1,10	18,30	5,50	0,85	2,39	12,4
0,70	0,77	10,50	3,85	0,85	1,16	5,8

18 июня, 1858 г.

При сем прилагаются две таблицы: № 1 для пашенных земель и № 2 для сенокосов. Из них можно сделать о ренте дальнейшие выводы, которые теперь, к сожалению, я не имею времени поместить в настоящей статье. Авт.[11]

Исчисление валового дохода, расхода, чистого дохода, выдела дохода и выдела половины оного с одной десятины выгона, причем принята цена соломы по $3^3/_4$ за пуд, а рожь — за 1 четверть

Классы покосов	Валовой доход с одной десятины покоса: среднее количество выставляемого сена на покосах каждого из трех классов	выражен в пудах сена	1 пуд сена сравнен: пуды соломы ржаной	1 пуд сена сравнен: цена в копейках	итог в гарнцах ржи	Расход на выставление и перевозку сена с 1 десятины в гарнцах ржи
I	Поемные сенокосы	140	3	$11^1/_4$	201,8	36
II	Муравые[13] сенокосы	113	2	$7^1/_2$	108,8	32,6
III	Болотные сенокосы	86	$1^1/_2$	$5^5/_8$	62,08	29

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ГОЛОС»[1]

Милостивый государь, по слабости зрения моего, я, к крайнему моему сожалению, только на днях узнал, что в фельетоне № 15-го «Голоса» помещена статья князя А. И. Васильчикова[2], озаглавленная: «Несколько слов в оправдание Лермонтова против г. Маркевича»[3]. Статья эта была вызвана следующим выражением, помещенным в повести последнего «Две маски» («Русский вестник»). «Лермонтов, скажу мимоходом, был, прежде всего, представителем тогдашнего поколения гвардейской молодежи». Читавшие статью, вероятно, еще помнят силу, с которой уважаемый автор ее опровергает вышеприведенный отзыв нашего беллетриста. Чтоб показать всю его несостоятельность, князь Васильчиков представляет в ярком и истинном свете коротко известное ему направление своего друга-поэта, его серьезное отношение к жизни вообще, и к современной русской жизни в особенности. Вместе с тем в подтверждение сказанного им он ссылался на небольшой кружок тех, которым поэт открывал свою душу, и в числе их на меня, как могущего засвидетельствовать, с каким потрясающим юмором Лермонтов описывал ничтожество того поколения, к которому принадлежал. Спешу подтвердить истину этого показания. Действительно, так не раз высказывался Лермонтов мне

Таблица 2

половины и чистой прибыли с трех десятин покоса, а также чистого выведенного для 3-х классов покосов и выгонов Псковской губернии; 5 р.

Чистый доход			Выдел половины			Чистая прибыль		
с 1 десятины в гарнцах ржи	с 3 десятин в гарнцах ржи	с 1 десятины выгона в гарнцах ржи	из всего валового дохода 3 дес. покоса в гарнцах ржи	с дохода от выгона в гарнцах ржи	итог всей половины в четвериках ржи	с 3 десятин покоса и 1 десятины выгона в четвериках ржи	С 3 десятин покоса и 1 выгона деньгами	
							руб.	коп.
165,8	497,4	98,56	302	49	5,5	3,83	19	15
76,1	228,3	80,1	163	40	3,17	2,3	11	50
33,08	100	40,96	93	21	1,7	2,2	11	—

самому и другим, ему близким, в моем присутствии. В сарказмах его слышалась скорбь души, возмущенной пошлостью современной ему великосветской жизни и страхом неизбежного влияния этой пошлости на прочие слои общества. Это чувство души его отразилось на многих его стихотворениях, которые останутся живыми памятниками приниженности нравственного уровня той эпохи. При таком критически-серьезном отношении к светской молодежи его общественной среды может ли быть сколько-нибудь применим к нему отзыв г. Маркевича и особенно выдающиеся в нем слова: прежде всего, был представителем... и проч. Можно ли говорить о такой личности, как Лермонтов, мимоходом, и чем объяснить появление в нашей беллетристике, особенно в таком видном журнале, как «Русский вестник», такого легкомысленно бесцеремонного и лишенного всякого основания отзыва о нашем знаменитом поэте, успевшем еще в молодых летах проявить столько пытливого, наблюдательного ума, оставить столько драгоценных произведений своего поэтического творчества и память которого дорога всем, умеющим ценить сокровища родного языка, а особенно тем, которые близко знали и любили Лермонтова[4].

М. Назимов

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

СПИСОК О РОДСТВЕННИКАХ И ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ СОСЛАННОГО НА ПОСЕЛЕНИЕ МИХАИЛА НАЗИМОВА, СОСТАВЛЕННЫЙ В КОНЦЕ 1826 Г. ПСКОВСКИМ УЕЗДНЫМ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ДВОРЯНСТВА ЯХОНТОВЫМ ПО ЗАПРОСУ ВОЕННОГО МИНИСТРА[1]

Надворная советница Марфа Степановна Назимова[2], лишась в 1810 г. мужа[3], осталась с семерыми детьми: 5 сыновьями и 2 дочерьми, из них старший, Борис[4], за год перед тем только выпущен был из Морского корпуса офицером, прочие же оставались малолетними до такого возраста, что младшей дочери было 2 года. На недвижимом имении состояло долгу казенного и частного до 70 тыс. рублей. Заботливостью ее и родительским попечением долги уплачивались исправно, дети воспитывались в страхе господнем, с преподаванием познаний, возможных в провинциях по другим предметам. В 1811 г. выдала старшую по первому сыну дочь Варвару в замужество за колл[ежского] сов[етника] Озеровского, наградя движимым и недвижимым имением по ценности на 100 тыс. рублей, которая живет ныне отдельно в Холмском уезде, в имении своем. Полагая опору на старшего сына, располагая иметь помощь от него в трудах ее, лишилась в 1813 г. и его: он убит под Данцигом. Старший за ним оставался Сергей, гардемарином в Морском корпусе, 16 лет. Выпущен будучи офицером и прослужа около 4-х лет, мать не в силах будучи уже распоряжаться имением одна, вынуждена была просить его, оставя служ-

бу, быть ей помощником. В 1817 г., оставя он службу военную, занимался хозяйством в общем нераздельном имении, в Островском уезде; по выбору дворянства служил 8 лет сряду; с каким успехом продолжал оную, о том предстоит аттестовать его Вашему превосходительству[5]. Издержки, требуемые на воспитание детей, еще 3 сыновей и дочери, уже не дома, но в общественных заведениях столицы, пребывание ее при них, отделение части имения замужней дочери, значительные пожертвования и исправное выполнение повинностей в войну 1812 года не давали возможности привести дела имения в надлежащее устройство. Из числа 3-х сыновей, воспитывавшихся в С.-Петербурге, один, по болезни и неспособности к службе, Александр, уволен из Морского корпуса кадетом и, служа потом по статской службе, женясь на дочери колл[ежского] ас[ессора] Крекшина, имеет ныне жительство в имении жены своей, в С.-Петербургской губернии, в Лужском уезде. По нем Михаил, ныне сосланный, определен будучи в конную артиллерию юнкером и получа офицерский чин, перемещен был лейб-гвардии начально в Саперный батальон, а потом в Коннопионерный эскадрон. За ним выпущен был из юнкеров Инженерного училища офицером Илья, который ныне находится лейб-гвардии в Саперном батальоне. За год перед ним выпущена была из Патриотического института[6] младшая дочь ее Анна, воспитывавшаяся в оном, как и старшие ее дети, по другим заведениям, на счет собственный ее. Издержки на содержание сыновей офицерами гвардии и выпущенной в публику юной дочери увеличились. Мать, по минованию младшему сыну Илье совершенных лет, поделила каждому из них движимое и недвижимое имение; оставшиеся затем 350 душ продала тайному советнику, сенатору и кавалеру Лаврову, и за уплатой некоторой части долгов, принятых ею платежом на себя, 120 тыс. рублей, г. Лавров по покупке остался ей должным. Выдав последнюю дочь Анну в замужество за подполковника Набокова, перевела ей в награждение, из числа 120 тыс. рублей, 90 тысяч. Таким образом, устроив с помощью старшего сына своего прочих детей своих, наградив каждого уделом, дав каждому приличное воспитание, поставя на путь благородной и отличной службы, располагала преклон-

2

КОПИЯ С ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА О СЛУЖБЕ ШТАБС-КАПИТАНА НАЗИМОВА

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян, и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда				В течение службы в которых именно полках и баталионах по переводам и произвождениям находился			
			чины	годы	месяцы	числа	полки и баталионы	годы	месяцы	числа
Штабс-капитан Михайло Александров сын Назимов	27[1]	Из дворян, сын надворного советника Псковской губернии	Юнкером	816	Мар[та]	8	В конную артиллерийскую 23-ю роту, по переименовании оной в 12-ю	819	Мар[та]	20
			Прапорщиком	817	Мар[та]	22	По переименовании в 20 в л[ейб]-гв[ардии] в Саперный баталион Л[ейб]-гв[ардии] в Коннопионерный эскадрон	820	Генв[аря]	17
			Подпоручиком	820	Авгу[ста]	21				
			Поручиком	822	Сент[ября]	19				
			Штабс-капитаном[2]	825	Мар[та]	21				

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОПИОНЕРНОГО ЭСКАДРОНА

Во время службы своей и походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить	Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли	В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок	В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда	Холост или женат и имеет ли детей	В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится	К повышению достоин или зачем именно не аттестуется
Не бывал	Языки французский и немецкий, арифметике, геометрии, алгебре, часть фортификации, российской, всеобщей истории, географии, ситуации и рисовать знает	823 на 28 дней был и на срок явился, 824 года на 15 дней был и находился за болезнию в просрочке 4 м[еся]ца и 23 дня, 825 года на 28 дней, на 1 м[еся]ц и на 18 дней и находился за болезнию в просрочке 20 дней	Не бывал	Холост	Находится при эскадроне, болен с 21 декабря 825 года	Достойный

Подлинную подписали: флигель-адъютант полковник Засс 4-й и командующий всею пехотою Гвардейского корпуса генерал-адъютант Бистром I-й.

ные лета свои проводить спокойно со старшей родной сестрой своей, девицей Авдотьей Шишковой, которая, по долговременной болезни, в прошлом году скончалась. Но, напротив того, г. Лавров за купленное имение уплаты не делает; выданная в замужество младшая дочь, не получая тоже уплаты, живет на ответственности ее, не имея более никакого имения как у себя, так и со стороны мужа своего. Лишась сестры, через год увидела впавшего в преступление и сына Михаила; расстраиваясь в делах своих через неполучение должной г. Лавровым суммы, видя расстройство и почти крайнее положение через сие же оставшейся неустроенной дочери, скорбя без роптания по сестре и сыне и не имея возможности более дать пособие детям, она, с свойственным ей смирением, в надежде об участи сына на милосердие государя, об устройстве дел своих и уплаты долгов, ожидая от г. Лаврова удовлетворения, пребывает ныне в имении своем.

Псковский уездный предводитель дворянства Н. Яхонтов

3

КОПИЯ ВЕРЮЩЕГО ПИСЬМА[1]

1826-го года, марта дня[2]

Милостивый государь Сергей Александрович!

Прошу Вас иметь надзор за управлением имения моего, состоящего: Псковской губернии, Островского уезда, в селе Горончарове с деревнями и пустошами и принять на себя полное по сему распоряжение. В делах до судебных мест, могущих встретиться по сему имению, прошу Вас действовать вместо меня в точном исполнении обязанностей находящегося в оном нанятого мною по контракту управляющего, равно и в послушании сему крестьян и дворовых людей иметь наблюдение, настоятельность и взыскательность Вашу. Поступающие с имения деньги прошу употреблять на уплату партикулярных и казенных долгов моих по срокам, получая в том на имя мое квитанции, а до оных класть таковые суммы для приращения в Государственный банк или же в опекунский совет, управляющему давать в получении сумм расписки. Какие есть на имя мое верющие письма, то право действия их и самое исполнение по оным поручаю тоже Вам. Производящие в некоторых судебных местах по просьбам моим ныне дела, равно могущие и впредь начаться, передаю в непосред-

ственное ходатайство Ваше, уверен будучи, что Вы ничего не упустите для пользы и выгоды моей и благосостояния крестьян моих, впрочем, остаюсь навсегда Вашим покорнейшим слугою.

Брат Ваш лейб-гвардии Коннопионерного эскадрона
штабс-капитан Назимов.

4

ВОПРОС СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА И ОТВЕТ НАЗИМОВА (ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ)[1]

В дополнение прежнего ответа Вашего Комитету нужно знать, не состоит ли недвижимое имение Ваше в залоге в опекунских советах; банке или приказах Общественного призрения, с объяснением, какое именно имение в какой губернии и уезде состоит, где, когда и от чьего имени заложено и когда срок платежам.

На вопросный пункт от высочайше утвержденного Комитета имею честь ответствовать.

Принадлежащее мне недвижимое имение состоит в Псковской губернии, Островского уезда, Староуспенского прихода в сельце Горончарове с деревнями, в коих состоит всего по последней ревизии 163 души; из оных 48 душ заложены 1820 года июне матерью моею надворной советницей Марфой Назимовой в С.-Петербурге в ломбарде на 12-летний срок; 48 душ заложены мною 1824 в декабре месяце в оном же совете на 24 года; и достальные в сем числе 67 душ, купленных мною от помещика Вонлярлярского, заложены в оном же С.-Петербургском опекунском совете в 1824 году на 24 года и срок оным в декабре месяце. Кроме того, по оному же Опекунскому совету и частью я обязан долгами, доставшимися мне по разделу с братьями моими, во уравнение частей, равно и мною самим сделанными как при покупке имения от г. Вонлярлярского, так и в продолжение службы, хотя сей последний, я надеюсь, уже уплачен по доверию, данному мною с дозволения высочайше учрежденного Комитета брату моему коллежскому секретарю Сергею Назимову.

Штабс-капитан Назимов.

5

ЖУРНАЛ ЧАСТНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА. 9 МАРТА 1864 Г.[1]

3. Действительный член М. А. Назимов по поводу читанного им в недавнее время в отчете Географического общества 1863 года проекта об осушении посредством прорытия канала около Нарвского водопада, берегов Чудского озера для обхода порогов и понижения уровня озера на 3 или 4 фута, с целью образования на осушенных местах со временем покосов, нужных для прибрежных крестьян, заявил, что вследствие понижения уровня Чудского озера должен понизиться уровень и Псковского и реки Великой. Мало того: река Великая весьма неглубокая, особенно при впадении своем в озеро, с понижением уровня в ней может вовсе перестать быть судоходной. Обстоятельства эти, прибавил г. Назимов, заслуживают серьезного внимания; нужно бы непременно и притом возможно скорее и подробнее измерить действительную глубину Псковского озера и реки Великой и тогда обратить внимание кого следует на этот предмет. При этом комитет с удовольствием принял предложения своего действительного члена А. Ив. Гергенца, очень близко поставленного к занимающимся судоводством по р. Великой и Псковскому озеру,— предоставить подробные сведения о значении и качестве водного сообщения между Псковом и Чудским озером. На основании таковых и других, которые имеются в комитете, М. А. Назимов изъявил согласие представить записку на проект Географического общества[2].

6

ЖУРНАЛ ПСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЯ. 3 ИЮЛЯ 1864 Г.

Жалоба помещика Нелидова на перевод временнообязанных ему крестьян на оброк без предварительного заявления ему о том.

Губернское присутствие поручило 22 мая расследование дела члену присутствия М. А. Назимову, который тщательно и добросовестно выполнил поручение и составил акт о правомерном поведении крестьян, который

подписал и помещик, дав дополнительную подписку о желании прекратить иск[1].

7

П. А. ВИСКОВАТЫЙ о М. А. НАЗИМОВЕ и М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ

Декабрист Назимов, которого в 1879 или 80 году посетил я в Пскове именно с целью узнать о Лермонтове, с коим он встречался в Пятигорске, говорил: «Лермонтов сначала часто захаживал к нам и охотно много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали. Передать теперь, через сорок лет, разговоры, которые вели мы, невозможно. Но нас поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прикрепленным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих крыльях своих. Над некоторыми распоряжениями правительства[1], коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические[2], которые являлись будто наследием лучших умов Европы и за живое задевали нас и вызывали восторг, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой запрос, или отделывался шуткой или сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьезная беседа. А в нем теплился огонек оригинальной мысли — да, впрочем, и молод же он был еще!» <...>

Князь А. И. Васильчиков рассказывал мне, что хорошо помнит, как не раз Назимов, очень любивший Лермонтова, приставал к нему, чтобы он объяснил ему, что такое современная молодежь и ее направление, а Лермонтов, глумясь и пародируя салонных героев, утверждал, что «у нас нет никакого направления, мы просто собираемся, кутим, делаем карьеру, увлекаем женщин», он напускал на себя la fanfaronade du vice* и тем сердил Назимова[3]. Глебову не раз приходилось успокаивать расходившегося декабриста, в то время как Лермонтов, схватив фуражку, с громким хохотом выбегал из комнаты и

* бахвальство порока (*франц.*).

уходил на бульвар на уединенную прогулку, до которой он был охотник. Он вообще любил или шум и возбуждение разговора, хотя бы самого пустого, но тревожащего его нервы, или совершенное уединение. <...>

«Я был очень молод еще»,— говорил мне кн. Ал[ександр] Ил[ларионович] Васильчиков: «je ne savais pas sur quel pied danser» * и придавал ли такое большое значение вольностям и выходкам Лермонтова, как это делали некоторые. На суждения мои имел большое влияние М. А. Назимов. Он научил меня с уважением относиться к уму и таланту Лермонтова».

8

И. С. ОДОЕВСКИЙ[1]— М. А. НАЗИМОВУ

1 окт[ября] 1837

Милостивый государь Михаил Александрович! Позвольте мне принести Вам душевную благодарность за дружбу Вашу к моему другу милому Александру; видя лично всегдашнее дружеское Ваше попечение о нем, не нахожу слов, как изъяснить Вам чувство вечной моей к Вам благодарности. Прошу искреннейше Вас обязать исполнить Ваше мне данное обещание, не отказать хранить к Александру моему всегдашнее расположение Ваше и беречь его от столь вредного воздуха и столь опасного огня в крае вашем. Письмо Ваше, адресованное на имя матушки Вашей Марфы Степановны, для пересылки вернейшей, лично вручено мною владимирскому почтмейстеру вчерась в проезд мой через наш сей губернский город, который при мне и отправил сие письмо и за верную доставку Вам отвечает.

Прошу уведомить меня по адресу Владимирской губернии, в город Юрьев, как Вы доехали, дошел ли Ваш тарантас, столь сильно нагруженный? Служите ли вы все трое в одном батальоне? И сообщите мне адрес Ваш. Словом, прошу одолжить сообщить мне все, что до Вас касается, со дня расставания, столь убийственного для меня! Не забудьте об обещании вашем прислать мне портрет милого и бесценного друга моего[2] — за что по гроб не премину быть Вам благодарным. Христа ради, сберегите мне моего Александра, расцелуйте его за меня и твердите ему ежедневно, что он, сберегая свое здоровье

---

* я не знаю, с какой ноги танцевать *(франц.)*.

и свою жизнь, он сделает благополучие последних дней жизни моей. Прошу также и мне сделать препоручения Ваши, кои всегда исполню с величайшим удовольствием, а я с вечной благодарностью и почтением имею честь быть, милостивый государь, покорнейший Вам слуга

Иван Одоевский.

9

А. И. ОДОЕВСКИЙ — М. А. НАЗИМОВУ

Лагерь при Субаши. 1839, 21 июня

Мой милый друг, Михаил Александрович! Я потерял — моего отца: ты его знал. Я не знаю, как я был в состоянии перенести этот удар,— кажется, последний: другой, какой бы ни был,— слишком будет слаб по сравнению.

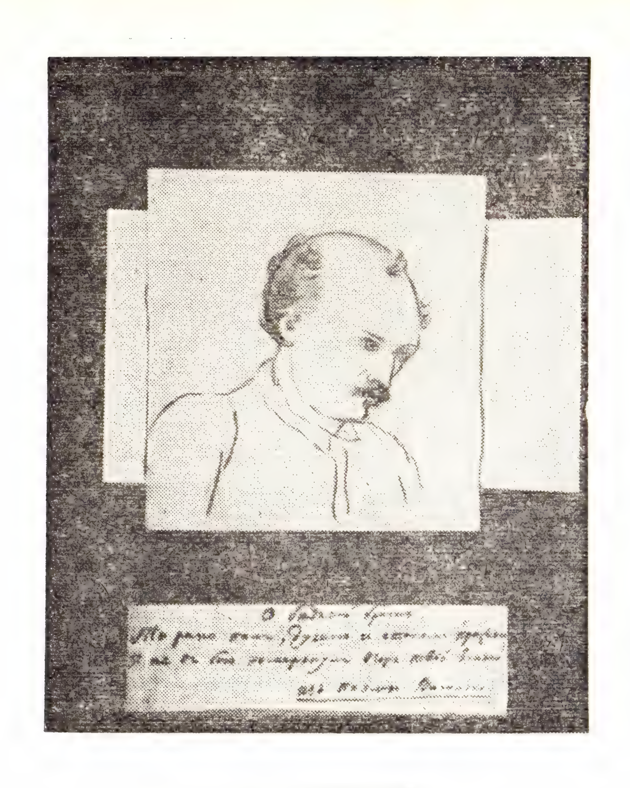
Все кончено для меня. Впрочем, я очень, очень спокоен. Мой добрый, мой нежный отец попросил перед кончиной моего портрета. Ему подали сделанный Волковым. «Нет, не тот»,— сказал он слабым голосом. Тот портрет, который ты подарил ему, он попросил положить ему на грудь, прижал его обеими руками,— и умер. Портрет сошел с ним в могилу [1]. Прощай, мой друг; обнимаю тебя от души и желаю тебе более счастья, гораздо более, нежели сколько меня ожидает в этом мире. Ты, впрочем (я уверен!), будешь счастливее меня.

Нарышкин и Лорер лечатся в Тамани. Н. А. Загорецкий и Лихарев [2] тебе кланяются. Мы все еще в Субаши. Еммануил Еммануилович Попандопулло [3] все расскажет тебе; а мне не до того. Я спокоен,— говорить — говорю, как и другие; но когда я один перед собою или пишу к друзьям, *способным разделить мою горесть*, то чувствую, что не принадлежу к этому миру. Поздравляю тебя с галунами [4]. Мой сердечный поклон тезке моему Александру Ивановичу [5]. Обнимаю тебя от всего сердца и желаю тебе счастья и всех успехов возможных, равно как и Александру Ивановичу. Прощай еще раз!

Твой Александр.

Сердечный мой поклон моему племяннику П. А. Головину. Целую тебя от всей души. Ермолову я твое письмо отдал.

Приписка Назимова: «Скончался 12 августа через 51 день в Псезуапе».

А. И. ОДОЕВСКИЙ
Рисунок М. А. Назимова, 1837 г.
Всесоюзный музей А. С. Пушкина

10

А. Н. ПЫПИН[1] — Н. А. НЕКРАСОВУ

Понедельник, [27 ноября 1872 г.][2]

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Сегодня я виделся с М. А. Назимовым, имя которого Вам, вероятно, известно. В разговоре он упомянул, что, бывши у Кахановых[3] (кажется, ваши общие знакомые), слышал об одном из Ваших последних стихотворений, которое его очень интересовало и которое, как я понял из его слов, Вы сами желали или не отказывались ему про-

честь. Он недоумевал теперь, как это могло бы случиться, и я предложил ему написать Вам,— сам он по болезни глаз не может этого сделать,—с просьбой устроить свидание у него или у Вас, как Вы найдете это удобным. В случае Вашего согласия он просил бы Вас известить его, где и когда вы могли бы встретиться. Он живет в двух шагах от Вас — в Моховой, в глазной лечебнице (войдя во двор, во флигеле в глубине двора, прямо против ворот). Если Вы увидитесь с ним, то имейте в виду, что его зрение еще очень плохо*. Я сам собираюсь к нему вечером в четверг — этот вечер, между прочим, у него свободен.

Я очень жалею, что Вы не застали меня, в последний раз бывши у меня. Скажу Вам, хоть несколько поздно, свое спасибо за память.

Ваш искренне преданный А. Пыпин.

11

Н. А. НЕКРАСОВ — А. Н. ПЫПИНУ

30 ноября [1872 г., Петербург][1]

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я очень рад познакомиться с почтенным М. А. Назимовым[2]. Так как я сегодня вечером не совсем свободен, то заезжал к нему утром, но, к сожалению, не застал. Постараюсь быть у него хотя ненадолго вечером и очень рад буду там с Вами встретиться.

Искренно пред[анный] Вам Н. Некрасов.

12

Н. А. НЕКРАСОВ — А. Н. ПЫПИНУ

16 марта 1873 г., [Петербург]

Многоуважаемый Александр Николаевич,

здесь М. А. Назимов очень ненадолго, я его видел; завтра он будет у меня в 8—7½ вечера. Если хотите его видеть, милости прошу, и вообще желательно бы повидаться. Лишних никого не будет, именно: еще будет только Каханов (бывший губернатор) да Салтыков.

Искренне Вам преданный Н. Некрасов.

---

* Кроме того, он — «стар, как возвращенный декабрист» буквально. *(Примеч. А. Н. Пыпина).*

13

Н. А. НЕКРАСОВ — А. Н. ПЫПИНУ

[Начало июня 1873 г., Петербург]

Любезнейший Александр Николаевич!

Посылаю мои и Салтыкова книги для отсылки — да еще посылаю карточку Назимова, которую старик просил Вам передать. Если не уеду во вторник на охоту, то буду просить Вас и Суворина в этот день ко мне обедать, ибо надо бы повидаться. В субботу уезжаю за границу.

Пред[анный] Вам Н. Некрасов.

14

НЕКРОЛОГ

Михаил Александрович Назимов

9-го августа, в 4 часа пополудни, тихо и безмятежно угасла, на 88-м году жизни, кроткая благородная личность — Михаил Александрович Назимов. Покойный родился 19 мая 1801 года; он принадлежал к старинной псковской дворянской фамилии и получил блестящее образование, службу свою он начал в конной артиллерии, откуда был переведен во вновь сформированный дивизион гвардейских конных пионеров и скоро дошел до чина штабс-капитана. Будучи замешан в деле 14 декабря 1825 года, он был сослан в Сибирь, откуда в 1830[1] году был переведен рядовым на Кавказ, где был полезен, как сведущий пионер, при постройке мостов и сооружении военных дорог. Его беззаветная храбрость в стычках с горцами обратила на себя внимание начальства, и он скоро был произведен в офицеры, но, участвуя в сражениях, предводительствуя отрядом, он, из убеждения, никогда не обнажал оружия.

В 1840-х[2] годах он был, в виде особой монаршей милости, уволен в отставку с чином поручика. Возвратившись после этого на родину, он поселился в родовом своем имении Быстрецове, Псковского уезда. Михаил Александрович, со свойственной ему энергией, принялся за сельское хозяйство и довел его до возможного в тогдашнее время совершенства; вместе с этим он заботился о материальном благосостоянии и нравственном развитии своих крепостных крестьян, для чего, между прочим, устроил сельскую школу, в которой крестьянским детям — ночлег и пища.

Благодетельные реформы царствования Александра II возбуждали в нем горячее сочувствие[3], и им он посвятил почти всю свою остальную жизнь. Вначале он был избран членом от правительства в губернский редакционный комитет по освобождению крестьян от крепостной зависимости. По объявлении манифеста 19 февраля 1861 года был назначен членом губернского по крестьянским делам присутствия; при введении же земских учреждений был первым председателем губернской земской управы. Крепкая натура Михаила Александровича была значительно потрясена невзгодами молодости, а в особенности — смертью жены Варвары Яковлевны, последовавшей в 60-х годах, но никакое горе не вызвало у этого кроткого, незлобивого человека ропота на провидение и на людей. В начале 1870 годов он начал слепнуть, а перед смертью совершенно ослеп; скончался же он безболезненно, под гнетом своих преклонных лет, и перед смертью, за несколько дней, не мог принимать никакой пищи, и это обстоятельство ускорило его кончину.

15

НЕКРОЛОГ

Скончался 12-го августа[1] во Пскове последний декабрист, Михаил Александрович Назимов, умерший на 89-м году. Возвращенный при покойном государе из ссылки, М. А. Назимов принял самое деятельное участие в близком для его сердца деле освобождения крестьян, а с введением земских учреждений получил возможность применить свои силы на общественной выборной службе и долгое время состоял гласным как губернского, так и уездного псковских земских собраний. Он же был и первым председателем Псковской губернской земской управы. В Псковском земстве он особенно поработал над вопросами о равномерной раскладке земских сборов, о возможно лучшей организации народного образования и призрения неимущих. Несмотря на преклонный возраст, М. А. постоянно интересовался всем, касающимся народного благосостояния и просвещения, причем отличался щедрой благотворительностью. Среди псковичей М. А. Назимов пользовался большим уважением и любовью за его доброе сердце, светлый ум и светлые нравственные принципы. После Назимова остались интересные записки[2]. При жизни М. А. не любил касаться своего прошлого, обильного тяжелыми испытаниями.

КОММЕНТАРИЙ

ПИСЬМА

1. С. А. и И. А. Назимовым

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д 302, л. 94

[1] Правительство проявляло большой интерес к материальному положению арестованных членов тайного общества. С помощью губернских властей оно собирало сведения о их родственниках, размерах состояния и имущественном положении. Всех арестованных запрашивали об их финансовых делах, кому и сколько они должны, кто и сколько им должен, о том, где и какие их имения заложены. Давалось указание об отсрочке платежей Опекунскому совету и другим учреждениям, где были заложены имения. В связи с этим, несмотря на запрещение всех сношений арестованных с внешним миром, была разрешена переписка по деловым вопросам. Настоящее письмо является ответом на следующее письмо братьев: «Любезный брат Михайло Александрович! Уведомь, здоров ли ты, мы и родные наши нетерпеливо желаем этого знать, касательно же участи твоей, милость государя, дающая все способы к оправданию подвергнувшихся несчастному подозрению, твердо обнадеживает нас в твоем освобождении. Но дела, как по общему нашему, так и собственному твоему имению, оставшемуся без всякого устройства и окончания, поставляют нас в необходимость спросить твоего согласия и разрешения на изложенные ниже сего предметы, равно и наставления, кому из нас и как ты поручишь действовать по оным до личного твоего прибытия.

1-е

По раздельному акту имения нашего должен ты брату Илье Александровичу 14 000 рублей; я же по покупке у тебя имения состою тебе столько же должным; брат Илья Александрович согласен получить сии деньги от меня, почему и дает тебе квитанцию в получении сей суммы с тем, чтобы ты передал ему право на векселя, мною тебе выданные.

2-е

Нужно знать, где находятся обязательства сии.

3-е

Когда срок уплаты долга твоего Лярскому 10 или 11 тысяч рублей и какие предпринять средства к сей уплате.

4-е

Свидетельство на залог купленного мною у тебя имения до сих пор еще не получено из Пскова, с получением же оного, взяв из Государственного совета деньги, уплачу за тебя в оный по займу 1820 года за нынешний 1826 год 3060 рублей, да чтобы оплатить мое имение, то еще 600. Остальные же отдам брату Илье Александровичу за тебя, по залогу Опоченского имения его.

5-е

Если решишься продать своих верховых лошадей, то назначь им цену, они все здоровы.

6-е

Вероятно, у управляющего твоего должны поступить деньги за проданный в Риге лен, куда их ассигнуешь, уведомь.

7-е

Разреши продавать продукты нынешнего года, по какой цене и какое количество намерен оставить к будущему урожаю.

8-е

Нет ли кому уплатить еще за тебя частным лицам и на какие сроки, равно не состоит ли тебе кто должным.

9-е

Успокой матушку несколькими строками только о здоровье твоем, ибо касательно тебя та ничего еще не знает.

Истинно любящие тебя братья Сергей Назимов, Илья Назимов».

В письме помета: «Ответ отдан брату Назимова 9 марта», что дает возможность датировать оба письма началом марта 1826 г. (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 302, л. 830).

Сергей Александрович Назимов (1797—1831), коллежский секретарь. Окончил Морской корпус в 1813 г., вышел в отставку в 1817 г.

Илья Александрович Назимов (1805—1874), поручик лейб-гвардии Саперного батальона. Участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и подавлении польского восстания в 1831 г. Вышел в отставку в чине инженер-полковника. С 1856 г. управляющий Вятской удельной конторой.

[2] Содержание вступительной части этого делового письма предназначено автором явно для чтения официальными лицами, через руки которых оно пройдет. Это соответствует принятой Назимовым с начала марта 1826 г. новой тактике — «искреннего» раскаяния, в отличие от проводимой до этого — «незнания» о тайном обществе и «неучастия» в нем.

[3] *Петр Васильевич Вонлярлярский*, псковский помещик, у которого Назимов купил имение в Островском уезде Псковской губернии.

[4] Штабс-капитан *Денисов*, поручик *Дараган*, подпоручик *Голохвостов* — гвардейские офицеры, знакомые Назимова, с которыми у него были денежные отношения.

2, Прошение Николаю I

ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/859, св. 55а, д. 62

[1] Прошение было подано М. А. Назимовым одновременно с аналогичными прошениями Н. А. Загорецкого, Н. Ф. Заикина, находившихся вместе на поселении в слободе Витиме, и А. В. Веденяпиным 1-м, находившимся на поселении в Киренске. На просьбы декабристов последовал «высочайший» отказ (*ЦГВИА*, ф. 36, оп. 7/850, св. 51а, д. 2, л. 7). В дальнейшем все же по указанию Николая I Назимов и Загорецкий были переведены на Кавказ рядовыми, первый — в 1837-м, второй — в 1838 г. Заикин скончался в 1833 г.

3. А. Ф. Бриггену

ИРЛИ, ф. 8/2578, ед. хр. 39, л. 1,
приписка к письму без даты М М. Нарышкина
А. Ф. Бриггену. Год установлен по содержанию
Литературный вестник. СПб., 1902, т. 3, с. 175

[1] *Александр Федорович Бригген* (1792—1859), отставной полковник, член Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по VII разряду. Отбывал каторгу в Чите и с 1828 г. — ссылку в Пелыме, затем в Кургане. Вернулся из Сибири в 1857 г. Умер в Петербурге.

[2] *Иван Федорович Фохт* (1794—1842), штабс-капитан Азовского пехотного полка, член Южного общества. Осужден по VIII разряду. Жил на поселении в Тобольской губернии, затем в Кургане, где и умер.

[3] *Федор Иванович Бурзенкевич* — курганский городничий.

[4] Имеются в виду супруги Соболевские. Антон Антонович впоследствии стал курганским городничим, сменив на этом посту Ф. И. Бурзенкевича (ок. 1840—1842 гг.)

[5] Дом Назимова купил декабрист П. Н. Свистунов, прибывший в том же 1837 г. в Курган.

4. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5808, ед. хр. 1, л. 1,
приписка к письму М. М. Нарышкина жене, написанному
по дороге на Кавказ в Новочеркасске. Дата указана
в письме Нарышкина

[1] *Елизавета Петровна Нарышкина* (урожд. гр. Коновницына, 1801—1867) последовала за мужем в Сибирь, а в дальнейшем на Кавказ.

[2] *Михаил Михайлович Нарышкин* (1798—1863), полковник Тарутинского пехотного полка, член Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по IV разряду в каторжные работы. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе. Жил на поселении в Кургане. В 1837 г. направлен рядовым на Кавказ. После отставки в 1844 г. поселился в имении Высоком Тульской губернии. Умер в Москве.

[3] *Григорий Петрович Коновницын*, брат Е. П. Нарышкиной, не

замешанный в движении декабристов, в отличие от старших Петра и Ивана.

5. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5808, ед. хр. 1, л. 9—10 об., приписка к письму М. М. Нарышкина от 3 декабря 1837 г.

[1] Встреча Назимова с М. М. Нарышкиным произошла после переезда в Прочный Окоп из ст. Пашковской в связи с прикомандированием к отряду генерала Г. Х. Засса.

6. И. Ф. Фохту

ГБЛ, ф. Фв, карт. 2, ед. хр. 65, л. 1—2

[1] *Николай Иванович Лорер* (1795—1873), майор Вятского пехотного полка, член Южного общества. Был близок к П. И. Пестелю. Осужден по IV разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе. С 1832 г. жил на поселении в Кургане. В 1837 г. вместе с Назимовым отправлен рядовым на Кавказ. После отставки в 1842 г. жил в имении Водяное Херсонской губернии. Умер в Полтаве.

Алексей Иванович Черкасов (1799—1855), барон, поручик Квартирмейстерской части, член Северного и Южного обществ. Осужден по VII разряду, отбывал каторгу в Чите до 1828 г., на поселении в Березове и Ялуторовске. В 1837 г. отправлен на Кавказ рядовым. После отставки в 1843 г. жил в Белевском уезде Тульской губернии.

[2] *Григорий Христофорович Засс* (1798—1883), барон, генерал от кавалерии. С 1835 г., будучи генерал-майором, командовал войсками Кубанской линии. В 1840 г. назначен командующим правым флангом Кавказской линии и произведен в генерал-лейтенанты. В 1848 г. вышел в отставку. По настоянию командующего Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевича (1782—1856) принял участие в Венгерском походе. В 1864 г. назначен состоять по Кавказской армии. В 1877 г. произведен в генералы от кавалерии.

[3] *Алексей Петрович Коновницын*, младший брат Е. П. Нарышкиной.

[4] Е. П. Нарышкина с детства болела сердечной астмой.

[5] И. Ф. Фохт, назначенный Николаем I вместе с другими рядовым на Кавказ, из-за болезни остался в Кургане.

[6] *Андрей Евгеньевич Розен* (1800—1884), барон, поручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества. Осужден по V разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе, с 1832 г. жил на поселении в Кургане. В 1837 г. направлен рядовым на Кавказ. В 1839 г. по болезни уволен в отставку.

[7] На Кавказе А. Е. Розен встретился со своим старшим сыном Евгением (1826 — не позднее 1899), который после отъезда матери в Сибирь воспитывался в семье ее сестры М. В. Вольховской.

[8] *Анна Васильевна Розен* (1799—1880), жена А. Е. Розена, дочь В. Ф. Малиновского, первого директора Царскосельского лицея. Последовала за мужем в Сибирь, а затем на Кавказ.

[9] *Александр Иванович Дуранов* — курганский исправник, на дочери которого Татьяне Александровне женился в 1842 г. П. Н. Свистунов; *Антон Антонович* — *Соболевский*.

[10] Александр Гаврилович — или Абрамов, учитель Курганского уездного училища, или, скорее всего, Худяков, смотритель Ишимского училища. О каком переводе идет речь, к сожалению, установить не удалось.

[11] И. А. Назимов, вышедший в 1834 г. в отставку, жил с тяжело больной матерью в имении, откуда он часто уезжал по делам в Петербург.

[12] М. М. и Е. П. Нарышкины также находились в это время в Прочном Окопе.

[13] Фамилии поляков приведены не очень точно. Например, Додкевич, Кижо — скорее, Дуткевич, Кошко, а Череницкий — это, вероятнее, Черминский. Дополнительных сведений о них, к сожалению, найти не удалось. Остальные фамилии реальны и проходят по официальному делопроизводству Западной Сибири.

7. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, М 758, карт. 2, ед. хр. 40, л. 1

[1] *Иван Иванович Пущин* (1795—1859), коллежский асессор, член Союза благоденствия и Северного общества Осужден по I разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе. На поселение вышел в 1839 г. и жил в Туринске, а затем в Ялуторовске Тобольской губернии. После амнистии с 1856 г. проживал в с. Марьино Московской губернии, где и умер.

[2] *Петр Иванович Пущин* (1813—1856), младший брат И. И. Пущина, служил в 1840 г. на Кавказе.

[3] Предполагаемый переезд И. И. Пущина в Восточную Сибирь не состоялся.

[4] *Николай Александрович Загорецкий* (1796—1885), поручик Квартирмейстерской части, член Южного общества. Осужден по VII разряду. Каторгу отбывал в Читинском остроге. С 1828 г. на поселении в слободе Витиме Иркутской губернии, с 1833 г. — в с. Бурети. В 1833 г. отправлен рядовым в действующую армию на Кавказ. После отставки в 1845 г. жил в Тульской губернии, с 1868 г. — в Москве, где и умер.

[5] *Александр Иванович Вегелин* (1800—1860), поручик Литовского пионерного батальона, член Общества военных друзей. За «принадлежность к тайным обществам, намерение возмутить батальон и уклонение от присяги» сослан в каторжные работы на десять лет. В 1837 г. был переведен на Кавказ рядовым. Служил вместе с Назимовым в Кабардинском егерском полку.

Братья *Беляевы Александр Петрович* (1803—1885) и *Петр Петрович* (1804—1864), мичманы Гвардейского экипажа, члены Северного общества. Осуждены по IV разряду. Каторгу отбывали в Чите и Петровском Заводе. На поселении были в г. Минусинске Енисейской губернии в 1832—1839 гг. В 1839 г. направлены на Кавказ рядовыми в Кабардинский полк. Уволены в отставку в 1846 г.

[6] *Валерьян Михайлович Голицын* (1803—1859), князь, камер-юнкер, член Северного общества. Осужден по VIII разряду. Ссылку отбывал в г. Киренске Иркутской губернии. В 1829 г. отправлен рядовым на Кавказ. Уволен в отставку в 1839 г. и жил в своем имении в Епифанском уезде Тульской губернии, с 1853 г. в Москве.

[7] *Сергей Иванович Кривцов* (1802—1864), подпоручик гвардейской Конной артиллерии, член Северного общества. Осужден по VII разряду. Каторгу отбывал в Читинском остроге, поселение с 1827 г. в Туруханске и Минусинске. С 1831 г. служил на Кавказе. Уволен в отставку в 1839 г. Проживал в своем имении Тимофеевском Орловской губернии. Там и умер.

8. А. Ф. Бриггену

ИРЛИ, ф. 7/2577, XI, ед. хр. 16, л. 3

Литературный вестник, 1902, т. 3, с. 176—180

[1] Николай Иванович — Лорер.

[2] Н. И. Лорер, М. М. Нарышкин, А. И. Черкасов и В. Н. Лихарев прибыли на Кавказ одновременно с Назимовым в 1837 г. Н. А. Загорецкий — в 1838 г. Назимов был произведен в юнкера позднее — 6 ноября 1840 г.

[3] Действительно, брат Н. И. Лорера Дмитрий Иванович и его невестка Варвара Григорьевна встретили его после отставки в 1842 г. тепло, по-родственному. Но жить вместе с братом Лореру было трудно. Он пишет М. М. Нарышкину: «Он (Д. И. Лорер.— *О. П.*) человек благородный, добрый, но самоуправный и тяжел в семейной жизни. К несчастию, он меня не понял, во мнениях мы с ним не сходны, и он видит во мне не брата и друга, а бедного родственника» (*Лорер*, с. 364). Следует также иметь в виду, что после осуждения и лишения имущественных прав имение Н. И. Лорера Водяное перешло к брату. Большинство родственников возвратили вернувшимся из Сибири декабристам имения, Дмитрий Иванович этого не сделал, а выдавал брату лишь по 1500 р. ассигнациями в год, и только после усиленных просьб Н. И. Лорера он согласился завещать имение в его пользу после своей смерти.

[4] Циммерман — шутливое прозвище Н. И. Лорера среди декабристов, приписывавших ему любовь к уединению (*Циммерман Иоганн Георг*, 1728—1795, немецкий писатель, автор философского трактата «Über die Einsamkeit» — об уединении).

[5] *Владимир Николаевич Лихарев* (1800—1840), подпоручик Квартирмейстерской части, член Южного общества. Осужден по VII разряду. Каторгу отбывал в Читинском остроге, ссылку с 1829 г. в г. Кондинске и Кургане. В 1837 г. определен на Кавказ. Был убит 11 июля 1840 г. в бою при р. Валерик. Лорер в своих воспоминаниях пишет: «В последнем деле, где он был убит, он был в стрелках с Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение приходило к концу, и оба приятеля шли рука об руку, споря о Канте и Гегеле, и часто, в жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навылет, и он упал навзничь. Ожесточенная толпа горцев изрубила труп так скоро, что солдаты не поспели на выручку останков товарища-солдата (*Лорер*, с. 266—267).

[6] И. Ф. Фохт. В письме к Фохту (с. 62) Назимов предлагал ему жить в его доме до тех пор, пока он не будет продан.

[7] *Петр Николаевич Свистунов* (1803—1889), корнет Кавалергардского полка, член Северного и Южного обществ. Осужден по

II разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе, поселение — в с. Идинском (Каменка) Иркутской губернии. С 1838 г. в Кургане, а с 1841 г. — в Тобольске. Возвратился из Сибири после амнистии, жил в Калуге. Умер в Москве.

Иван Семенович Повало-Швейковский (1790—1845), полковник Саратовского пехотного полка, член Южного общества. Осужден по I разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе. В 1839 г. отправлен на поселение в Курган, где и умер.

9. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 1—2

[1] Назимов имеет в виду военные экспедиции, в которых вынуждены были участвовать он и другие его товарищи — ссыльные декабристы. Назимов с горечью называет их «глупыми походами» из-за ничтожных результатов при значительных людских потерях.

[2] *Александр Семенович* — возможно, *Гангеблов* (1801—ок. 1887), поручик л.-гв. Измайловского полка, член Северного общества, привлекался к следствию, но от суда освобожден и в 1826 г. отправлен на Кавказ, где служил до 1832 г. В 1837 г. прощен и жил в Екатеринославской губернии. В 1841 г. А. С. Гангеблов был в Пятигорске. В своих «Воспоминаниях» он написал об этом посещении: «В 1841 г. я пользовался на Кавказских водах. Там был и Дорохов, нисколько не переменившийся». И далее он описал участие в похоронах М. Ю. Лермонтова (Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М., 1888, с. 182—183).

[3] Фельдцейхмейстер — здесь начальник артиллерии корпуса.

[4] *Михаил Васильевич Дмитревский* (1812—1842), поэт, старший помощник секретаря гражданской канцелярии главноуправляющего по Грузии (1837—1841). Затем ставропольский вице-губернатор. Печатался в «Сыне отечества» в 1842 г. Был близок кругу ссыльных декабристов. Просьба Назимова свидетельствует о том, с каким нетерпением ждали ссыльные декабристы производства в первый офицерский чин, дававший право выйти в отставку и вернуться на родину.

[5] *Ипполит Александрович Вревский* (1814—1858), барон, генерал-майор, внебрачный сын князя Александра Борисовича Куракина (1752—1818) и крепостной крестьянки. Учился в школе гвардейских прапорщиков и юнкеров вместе с М. Ю. Лермонтовым. В 1838 г., будучи офицером Генерального штаба, приехал на Кавказ. В 1840 г. участвовал в экспедиции П. Х. Граббе в Малую и Большую Чечню. По свидетельству декабриста А. П. Беляева, Вревский был «одним из образованнейших и умнейших людей своего времени» и был близок к декабристам, сосланным на Кавказ. В 1855 г. командовал пехотной дивизией и левым флангом Кавказской линии. В 1858 г. при штурме аула Катури был смертельно ранен. Назимов надеялся, что Вревский как офицер Генерального штаба сможет содействовать продвижению его прошения об отставке.

[6] *Алексей Петрович Каде* — знакомый офицер в Прочном Окопе.

10. А. Ф. Бриггену

ИРЛИ, ф. 7/2577, XI, ед. хр. 16, л. 1
Литературный вестник, 1902, т. 3, с. 176—180

[1] *Василий* (Вильгельм Сигизмунд) *Карлович Тизенгаузен* (1781—1857), полковник Полтавского пехотного полка, член Южного общества. Осужден по VII разряду. Каторгу отбывал в Чите. На поселении с 1828 г. сначала в Сургуте, Тобольске, а с 1829 г. в Ялуторовске. Вернулся из Сибири в 1853 г.

[2] *Флегонт Миронович Башмаков* (1775—1859), разжалованный из полковников артиллерии рядовой Черниговского пехотного полка. За участие в восстании Черниговского полка сослан на поселение в 1827 г. в Западную Сибирь. Находился в Таре, а с 1838 г. в Кургане, потом в Тобольске, где и умер.

[3] Письмо не сохранилось.

[4] Жена Бриггена по настоянию мужа не поехала за ним в Сибирь, а осталась с малолетними детьми в России. Встретились они лишь после амнистии в 1857 г.

[5] *Павел Христофорович Граббе* (1789—1875), член Союза благоденствия. Был арестован и привлечен к следствию. После четырехмесячного заключения в крепости был возвращен на службу в чине полковника. С 1837 г. генерал-лейтенант и командующий войсками Кавказской линии и Черноморья. С 1839 г. генерал-адъютант. В 1862 г. — наказной атаман войска Донского, с 1866 г. граф, член Государственного совета.

[6] *Павел Дмитриевич Мозган* (1801—1843), подпоручик Пензенского пехотного полка, член Общества соединенных славян. Осужден по IV разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе. На поселении с 1833 г. в с. Балахтинское Енисейской губернии. С 1838 г. рядовой на Кавказе. Убит в бою у д. Гергебиль 8 ноября 1843 г.

[7] *Василий Абрамович Дивов* (1806—1842), мичман Гвардейского экипажа, член Северного общества. Осужден по I разряду. Был заключен в Шлиссельбургской, а затем в Бобруйской крепости. В 1839 г. направлен рядовым на Кавказ. Умер от ран в 1842 г.

[8] *Митя — Коромтин Дмитрий*, внебрачный сын Н. И. Лорера.

[9] Полное пренебрежение Лорера ко всем нормам грамматики было широко известно всем его товарищам и служило поводом к нескончаемым шуткам.

[10] *Стефан (Степан) Яковлевич Знаменский* (1806—1877), ялуторовский протоиерей, близкий друг сосланных декабристов, помощник И. Д. Якушкина в создании школ для мальчиков и девочек в Ялуторовске.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол (1793—1886), отставной подполковник, член Южного общества. Осужден по I разряду. Каторга заменена ссылкой в Якутскую область. С 1829 г. в Бухтарме, а с 1836 г. в Ялуторовске. После амнистии жил в Твери, затем в Москве, где и умер.

Иван Дмитриевич Якушкин (1796—1857), отставной капитан, член Северного общества. Осужден по I разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе, ссылку в Ялуторовске с 1836 г. После амнистии жил у сына в Москве, где и умер.

11. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 34

[1] Владикавказ — ныне г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР.

[2] О Григории Толе сведений найти не удалось.

[3] *Александр Иванович Арнольди* (1817—1898), сын генерала от артиллерии Ивана Карловича Арнольди (1780—1860), племянник Н. И. Лорера, офицер, сослуживец М. Ю. Лермонтова по л.-гв. Гродненскому гусарскому полку. Художник-дилетант, учившийся живописи у Р. К. Шведе. Он зарисовал ряд памятных лермонтовских мест. С 1884 г. генерал от инфантерии. Был первым русским военным губернатором Софии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Автор воспоминаний, в которых дает интересные описания быта и окружения М. Ю. Лермонтова в Гродненском полку и в Пятигорске, а также своих встреч с М. А. Назимовым и другими декабристами на Кавказе.

[4] В 1842 г. командующим войсками Отдельного Кавказского корпуса был генерал *Евгений Александрович Головин* (1782—1858).

[5] *Дмитрий Сергеевич Бибиков* (ум. 1861), офицер штаба командующего Отдельным Кавказским корпусом.

[6] Письма не сохранились. Судя по тексту данного письма, Илья Назимов писал о болезни матери, о ее состоянии. Надежда Назимова увидеться с матерью не оправдалась — Марфа Степановна умерла в 1844 г. до его возвращения с Кавказа на родину.

[7] *Аннета* — сестра Назимова Анна Александровна (1808—1847), была замужем за Николаем Александровичем Набоковым, назначенным в это время управляющим Самарской удельной конторой.

[8] *Иван Петрович Пущин* (1754—1842), сенатор, отец декабристов И. И. и М. И. Пущиных.

[9] *Николай Иванович Пущин* (1803—1874), младший брат декабристов, чиновник 2-го отделения III департамента Сената.

[10] *Александр Максимович* — знакомый Назимова и Нарышкина в Прочном Окопе.

[11] Старшая сестра *Мария* (в замуж. Козенс, 1791—1859) и *Софья*, замужем за майором Петром Густавом Отто Зассом (р. 1796), бароном.

[12] *Уленька* — воспитанница Нарышкиных Ульяна Андреевна (в замуж. Давыдова, 1830 — после 1863). Ее муж *Василий Николаевич Давыдов* — коллежский асессор, уездный стряпчий в г. Белеве Тульской губернии.

[13] Николай Александрович — Загорецкий.

[14] *Михаил Петрович Полтинин* — генерал, полковой, затем бригадный командир. О нем очень тепло отзывался А. П. Беляев (Воспоминания.., с. 497).

[15] *Александр Александрович Володский* — офицер Куринского полка, в котором служил Нарышкин.

12. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 5—6

[1] Наур — ныне станица Наурская Чечено-Ингушской АССР.

[2] Командующий войсками — генерал Е. А. Головин.

[3] *Михаил Николаевич Бибиков*, подполковник. В 1845 г. командовал Навагинским полком уже в чине полковника.

[4] Речь идет о возможности отставки для сосланных на Кавказ декабристов, о чем узнавал в Петербурге М. Н. Бибиков.

[5] В «Русском инвалиде» публиковались известия о производствах, увольнениях в отставку и другие официальные сообщения. Здесь имеется в виду увольнение в отставку А. И. Вегелина, К. Г. Игельстрома, В. С. Толстого, А. И. Черкасова.

[6] По-видимому, в этот вечер, когда Елизавета Петровна музицировала, Назимов, обычно очень сдержанный, много говорил о своих чувствах, тоске, мечтах. В связи с этим он вспоминает библейскую легенду о видении пророка Ильи на горе, где с ним говорил бог, и сравнивает свои чувства от прослушанной музыки с чувствами пророка.

[7] *Елена Андреевна Ган* (1814—1842), жена полковника П. А. Гана, писательница. Писала под псевдонимом Зинаида Р-ва.

[8] *Анисья Петровна*, крепостная Нарышкиных, последовавшая за Елизаветой Петровной в Сибирь, затем на Кавказ. Получив вольную, она осталась у Нарышкиных.

13. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 7—8

[1] *М[ада]м Ренненкампф*, жена Карла Фридриха Ренненкампфа (ум. 1848), помощника начальника Императорской военной академии.

[2] Графиня и далее баронесса — лица неустановленные.

[3] *Сергей Дмитриевич Безобразов* (1801—1879), генерал, командир Нижнегородского драгунского полка, в прошлом флигель-адъютант Николая I. Возмутившись тем, что император, пользуясь своим положением, грубо ухаживал за его женой, Безобразов дал ему пощечину, сломал шпагу и заявил, что «не желает служить подлецу». Скандал замяли, и Безобразова сослали на Кавказ. После десятилетнего разрыва с женой он по настоянию Назимова помирился с ней (см. примеч. 6 к письму 17).

[4] *Франсуа де Саль* (1567—1622), католический епископ в Женеве, автор книги «Philathea».

[5] Неясно, кого имел в виду Назимов, говоря о Розене. Декабрист А. Е. Розен в 1839 г. был уволен в отставку и уехал с Кавказа. *Григорий Владимирович Розен* (1782—1841), главноуправляющий на Кавказе гражданской частью в 1831—1837 гг., к этому времени умер. Его сын, *Дмитрий Григорьевич* (1815 — после 1885), однополчанин М. Ю. Лермонтова по л.-гв. Гусарскому полку, на Кавказе не был. Возможно, Назимов встретился с сыном А. Е. Розена — Евгением, в эти годы служившим в армии.

Дмитрий Дмитриевич Оболенский, офицер, товарищ М. Ю. Лермонтова по школе гвардейских прапорщиков.

Владимир Сергеевич Голицын (1794—1861), князь, генерал, участник Отечественной войны 1812 г. В 1839—1842 гг. командовал кавалерией на левом фланге Кавказской линии в отряде П. Х. Граббе. Письмо Голицына жене — первый достоверный источник сведений о дуэли Лермонтова с Мартыновым.

[6] Михаил Николаевич — Бибиков.

[7] Назимов ошибся: Загорецкий — Николай Александрович.

[8] *Лукман Магометович (Дмитрий Степанович) Кодзаков* (1818—1893), кабардинский общественный деятель и мыслитель. В 1838 г. окончил философский факультет Московского университета. В 1840-х гг. встречался с Лермонтовым и декабристами. Известие от Черкасова, уволенного в том году в отставку и уехавшего с Кавказа, получено «с места», т. е. из его имения в Белевском уезде Тульской губернии, где он поселился.

[9] *Евдокия Михайловна Голицына* (урожд. Нарышкина, 1790—1862), княгиня, сестра М. М. Нарышкина.

14. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, *М* 5821, ед. хр. 1а, л. 9—10

[1] М. Н. Бибиков сообщил Назимову о получении в штабе Кавказского корпуса отказа на его прошение об отставке.

[2] Видимо, это описка, вероятно, речь идет о Дмитрии Сергеевиче Бибикове (см. о нем примеч. 5 к письму 11).

[3] Военный министр — *Александр Иванович Чернышев* (1785—1857), князь, генерал-адъютант, член Следственного комитета по делу декабристов.

[4] *Владимир Иванович Назимов* (1803—1874), двоюродный брат М. А. Назимова, полковник, в дальнейшем генерал-адъютант. В 1848—1855 гг. попечитель Московского учебного округа. В 1855—1863 гг. генерал-губернатор Западного края. Его действия по подавлению восстания 1863 г, были признаны слишком «мягкими», и он был заменен М. Н. Муравьевым. В дальнейшем член Государственного совета.

[5] *Петр Петрович* — может быть, Нестеров, генерал, начальник Владикавказского округа, в который входили действующие полки, где служили Назимов и Нарышкин. Скорее же всего — Беляев, декабрист, служивший с братом своим Александром в Навагинском и Куринском полках и часто видевшийся с Назимовым. Через Петра Петровича Беляева Назимов решал многие свои материальные дела (см. последующие письма).

[6] Видимо, это описка. Имеется в виду *Бебутов Василий Осипович* (1791—1858), князь, генерал от инфантерии. С 1838 г. состоял при штабе действующей армии в Польше, затем при штабе Отдельного Кавказского корпуса. С 1844 г. командовал войсками в северном и нагорном Дагестане. В 1847 г. назначен начальником гражданского управления Закавказского края. В 1853—1857 гг. командовал корпусом на турецком фронте. В 1857 г. назначен членом Государственного совета.

[7] *Иван Михайлович Лабынцев* (1801 — после 1881), генерал от инфантерии. В 1838 г. был произведен в полковники и назначен командиром Кабардинского егерского полка, в котором служил Назимов. В 1839 г. произведен в генерал-майоры. В конце 70-х гг. вышел в отставку генералом от инфантерии и проживал в Вильно.

[8] Высокое — имение Нарышкиных в Тульской губернии, где они поселились после отставки М. М. Нарышкина.

[9] В. М. Голицын, в 1843 г. вышедший в отставку, жил недалеко от Высокого в Епифанском уезде Тульской губернии.

[10] К этому времени от большого семейства Назимовых в живых

остались только тяжелобольная мать, Марфа Степановна, два сына — Михаил и Илья и дочь Анна.

[11] Назимов ходатайствовал о прикомандировании его к воинским частям в Причерноморье, в чем ему было отказано.

[12] О нем см. примеч. 5 к письму 13.

[13] Тяжелая почта шла в сопровождении конвоя из казаков, одной-двух рот пехоты с пушками для охраны от нападения горцев.

[14] Станица, где в то время располагался полк Назимова.

[15] *Алексей Петрович Опоченский* (Опочинин, ок. 1806—1885), офицер с 1826 г., генерал-майор с 1856 г., генерал-лейтенант с 1864 г., генерал от инфантерии и комендант Тифлиса в 1868—1885 гг.

15. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 11—12

[1] Дата и место, откуда отправлено письмо, установлены по содержанию.

[2] *Николай Яковлевич Дружинин* — полковник, состоящий по Отдельному Кавказскому корпусу.

[3] *Егор Францевич Канкрин* (1774—1845), граф, министр финансов Назимов ошибается — в 1843 г. Канкрин был жив. Ошибка произошла, вероятно, из-за слухов о его тяжелой болезни.

[4] *Дмитрий Гаврилович Бибиков* (1792—1870), генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Назимов ошибся: Бибиков не был министром финансов. С 1838 г. он являлся киевским военным губернатором и генерал-губернатором подольским и волынским. В 1848—1852 гг. член Государственного совета, в 1852—1855 гг.— министр внутренних дел. В 1855 г. вышел в отставку по болезни.

16. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 16—17
Частично опубл. С. И. Недумовым в статье «Новые материалы о декабристе Назимове».—В кн.: М. Ю. Лермонтов. Ставрополь, 1960, с. 244

[1] Год установлен по содержанию.

[2] А. И. Вегелин, выходивший в отставку и не располагавший средствами, должен был определиться на службу. Отказ И. А. Вревского от обещания дать ему место управляющего своим имением ставил Вегелина в тяжелое материальное положение. Письмо Вревского Назимову не сохранилось, поэтому невозможно установить лицо, воспрепятствовавшее этому назначению.

[3] См. примеч. 11 к письму 11.

[4] Сергей Дмитриевич — Безобразов.

[5] *Александр Дмитриевич Маевский* — поручик, офицер штаба командующего Кавказской линии. В 1845 г., командуя 7-й ротой Кабардинского полка, был убит в бою.

Николай Павлович Слепцов (1815—1851). В 1843 г.— адъютант А. С. Траскина, начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья. С 1850 г. генерал-майор.

Иван Андреевич Фитингоф (1797—1871), полковник.

Василий Никифорович — Ермолов.

17. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5924, ед. хр. 8а, л. 1—2

[1] Дата установлена по содержанию.

[2] Речь идет о возвращении С. Д. Безобразова на Кавказ.

[3] *Карл Паули* (ум. 1843), лекарь в Самаре, друг Набоковых, родственник братьев Беляевых.

[4] Назимов недоумевает о причине перевода его в Грузию в связи с производством в прапорщики. Распоряжение об этом шло от самого императора.

[5] Находясь в отпуске в Петербурге, С. Д. Безобразов, судя по всему, использовал свои связи для ходатайства о производстве Назимова.

[6] Факт, о котором вскользь упоминает Назимов, подробно освещен в воспоминаниях А. П. Беляева. «Безобразов <...> дорогой рассказывал мне, с каким настроением он летит в Ставрополь, где ожидала его жена, с которою он был более десяти лет в разлуке. При этом он также рассказывал мне, что в его решимости примириться и вновь соединиться с женой, с которой так давно расстался, он много обязан Михаилу Александровичу Назимову, одному из наших товарищей, пользовавшемуся большим уважением всех знавших его. По своему уму, высоким качествам, серьезности, прямоте характера, правдивости Михаил Александрович Назимов слыл и был каким-то мудрецом, которого слово для многих имело большой вес. Много раз он уговаривал Безобразова и убеждал примириться с женой, и, вероятно, сильны и вески были его доводы с религиозной и нравственной точки зрения, что «я, как говорил Безобразов, вполне согласился с ним и тем более, что доводы эти проникали в сердце его любовью и искренним благожеланием мне добра, и я всегда буду ему сердечно благодарен» (Беляев А. П. Воспоминания.., с. 494—495).

18. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 18—19

Частично опубл. С. И. Недумовым в статье «Новые материалы о декабристе Назимове», с. 245

[1] Год установлен по содержанию.

[2] В газете «Русский инвалид» публиковались сообщения о производстве.

[3] Темир-Хан-Шура — ныне г. Буйнакск Дагестанской АССР.

[4] Увидеться с П. Д. Мозганом Назимову не удалось: Мозган был убит в бою под д. Гергебиль.

[5] *Аполлон Васильевич Галафеев* (1793—1853), генерал-лейтенант. В экспедиции 1840 г. командовал Чеченским отрядом. Лермонтов в стихотворении «Валерик» (Собр. соч.: В 4-х т. М., 1975, т. 1, с. 91) упоминает Галафеева («генерал»):

Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...

[6] Это письмо М. М. Нарышкина не сохранилось.

[7] *Александр Владимирович Адлерберг* (1818—1888), граф, воспитывался вместе с наследником Александром Николаевичем. В

1841 г. командирован на Кавказ, где принял участие в дегестанской экспедиции, затем остался в Чеченском отряде П. Х. Граббе, командовал ротой Кабардинского полка при переходе р. Фортангу. В дальнейшем генерал-адъютант, генерал от инфантерии, министр двора.

[8] *Константин Борисович Рихтер* — полковник, исправляющий обязанности начальника правого фланга Кавказской линии.

19. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 13—15

Частично опубл. С. И. Недумовым в статье

«Новые материалы о декабристе Назимове», с. 247

[1] Дата установлена по содержанию.

[2] Должно быть, Густав Густавович Аминов, полковник командир Моздокского линейного полка. С ним у Назимова были дружеские отношения.

[3] Трахит — вулканическая горная порода порфировой структуры.

[4] Шифер, иначе аспидный сланец — осадочная порода, плотная разновидность глинистых сланцев.

[5] *Штакельберг*, барон. В 1837 г., будучи прапорщиком гвардейской конной артиллерии, участвовал в экспедиции в Чечне, был ранен.

[6] *Петр Петрович Коновницын* (1802—1830), граф, подпоручик гвардейского Генерального штаба, член Северного общества, брат Е. П. Нарышкиной. Осужден по IX разряду. С 1827 г. рядовой на Кавказе. В 1828 г. произведен в прапорщики. Умер от холеры.

[7] Петр Петрович — Беляев.

[8] *Михаил Павлович Глебов* (1819—1847), товарищ Лермонтова по школе гвардейских прапорщиков, его секундант на дуэли с Мартыновым. В 1838 г. был выпущен из школы корнетом в л.-гв. Конный полк. Участвовал в сражении при р. Валерик 11 июля 1840 г., где отличился и был тяжело ранен. В сентябре 1843 г. попал в плен к горцам, но через полтора месяца бежал. Убит в 1847 г. в бою с горцами.

[9] *Федор Федорович Каспер* (Кашпер) — пятигорский знакомый Назимова, Лорера и других декабристов.

[10] Эта поездка не состоялась, так как в отпуске Назимову было отказано.

20. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 20—21

Частично опубл. С. И. Недумовым в статье

«Новые материалы о декабристе Назимове», с. 249

[1] Год установлен по содержанию.

Шемаха — один из древнейших городов Азербайджана, известен с V—VI вв. В прошлом резиденция ширванских шахов. Ныне районный центр в Азербайджанской ССР.

[2] Опера «Жидовка» («Дочь кардинала»). Автор — *Галеви* (Алеви) *Жак-Франсуа Фроментиль* (1799—1862), французский композитор, автор многих опер.

[3] *Феликс Мендельсон-Бартольди* (1809—1847), выдающийся немецкий композитор. Его музыка сочетает романтические тенденции с классическими традициями XVIII — начала XIX в.

[4] *Джованни Баттиста Перголези* (1710—1736), итальянский композитор, автор комической оперы «Служанка-госпожа» и ряда произведений духовной музыки.

[5] «Тебе поем»— молитва, исполняемая хором во время литургии.

[6] Эктенья, ектенья (моление)— часть церковной службы.

[7] Сын Н. А. Набокова — *Дмитрий Николаевич Набоков* (1827—1904), в 1878—1885 гг. министр юстиции.

[8] Неясно, кого подразумевает Назимов под этим инициалом. Барон Г. В. Розен умер в 1841 г. Ренненкампф не был бароном.

[9] С 1844 г. командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником был *Михаил Семенович Воронцов* (1782—1856), светлейший князь, генерал-фельдмаршал.

[10] *Иван Федорович Садовский* — поручик Навагинского полка.

21. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 29—30
Частично опубл. С. И. Недумовым в статье
«Новые материалы о декабристе Назимове», с. 244—245, 249

[1] Письмо Нарышкина, вызвавшее такой восторженный отклик Назимова, послано из имения Высокое, куда он приехал в отпуск, рассчитывая не возвращаться более на Кавказ в связи с ожиданием отставки.

[2] В последующем об этой встрече нигде в переписке не упоминается, вероятнее всего, она не состоялась.

[3] *Самуил Федорович Гернгрос*, коллежский советник и кавалер, управляющий палатой государственных имуществ Каспийской области.

[4] *Петр Павлович Титов* (1799—1870), поручик л.-гв. Кирасирского полка, адъютант главнокомандующего 1-й Армией, член Северного общества. После трехмесячного пребывания в крепости переведен в Омский гарнизонный полк тем же чином. В 1827 г. переведен на Кавказ. В 1831 г. уволен в отставку по ранению, поддерживал знакомство с Назимовым по гражданской службе.

[5] *Кристоф Герман фон Манштейн* (1711—1757), прусский офицер на русской службе. Автор записок о России, дающих много интересных сведений о жизни русского двора того времени.

[6] *Саади* (между 1203—1210—1292), персидский писатель и мыслитель. Наиболее известные произведения его — поэмы «Бустан» и «Гулистан» («Розовый сад»).

[7] *Федор Федорович Торнау* (1810—1890), барон, писатель, в это время офицер в Шемахе, в дальнейшем генерал-лейтенант, автор ряда произведений, в том числе «Воспоминаний русского офицера» (Русский вестник, 1864).

[8] *Михаил Михайлович Гамалей* — статский советник, тульский вице-губернатор.

22. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 24—25

Частично опубл. С. И. Недумовым в статье
«Новые материалы о декабристе Назимове», с. 247—248

[1] Год установлен по содержанию.

[2] *Тимур-лен, Тамерлан* (1336—1405), среднеазиатский завоева-

тель. Овладел всей Центральной Азией, частично Ираном, Индией, Малой Азией. «Имел свой стол» — т. е. столицу в Самарканде.

[3] *Тохтамыш* (? — 1406), хан Золотой орды. После Куликовской битвы (1380) завладел с помощью Тимура престолом в Золотой орде. Изменил Тимуру и в войне с ним потерпел поражение. В 1398—1399 гг. был разбит ханом Заволжской орды Темир-Кутлуем.

[4] Шуша — город в Нагорно-Карабахской автономной области.

[5] *Александр Михайлович Миклашевский* (1796—1831), подполковник 22-го егерского полка. За причастность к восстанию Черниговского полка выслан на Кавказ, командовал 42-м егерским полком. Убит при штурме Агач-Кале в Дегестане в 1831 г. Похоронен в Шуше.

[6] *Василий Николаевич Семенов*, коллежский советник, до 1843 г. орловский вице-губернатор, в 1844 г. служил в Тифлисе.

[7] *Аполлос Алексеевич Иванов*, генерал-майор, начальник Каспийской области.

[8] *Нильсен* — генерал, в 1837 г. в чине полковника командовал Саперным батальоном в Абхазии.

23. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 26—27

[1] *Моисей Захарович Аргутинский-Долгорукий* (1797—1855), князь, генерал-адъютант. С 1842 г. командовал Самурским отрядом, за успешные действия произведен в генерал-лейтенанты. В 1847 г. назначен Дербентским военным губернатором, а затем командующим войсками Прикаспийского края.

[2] Река Самур на границе Дагестана и Азербайджана.

[3] *Шеганов* — майор, командир батальона Кабардинского егерского полка, в котором служил М. А. Назимов. Убит в 1843 г. при взятии д. Гергебиль. В этом бою погиб и П. Д. Мозган.

24. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1а, л. 28—29

[1] Дата и место написания письма установлены по содержанию.

[2] Речь идет о поданном Назимовым прошении об отставке, которое, наконец, было удовлетворено, и 23 июня 1846 г. он был уволен.

[3] Наместник — М. С. Воронцов.

[4] Шурины Нарышкина — братья Елизаветы Петровны *Иван* и *Алексей Петровичи Коновницыны*.

[5] Приписка, адресованная Е. П. Нарышкиной.

25. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1б, л. 1—2

[1] Речь идет о продаже леса в холмском имении Е. П. Нарышкиной купцу Боборыкину, переговоры с которым по просьбе Нарыш-

киных вел Назимов. Как видно из следующего письма, эта сделка не состоялась. Иван Антонов — староста Нарышкиных, направленный в Псков для ведения переговоров о продаже леса.

[2] По приезде на родину Назимов остался в одиночестве, так как мать и брат Сергей Александрович умерли, остальные члены семьи разъехались. Возникла мысль переехать в Тульскую губернию, поближе к друзьям. Здесь обосновались Нарышкины и В. М. Голицын. В дальнейшем эта мысль не осуществилась, Назимов остался на Псковщине и жил в имении Быстрецове.

[3] Здесь отражаются сложные материальные отношения между братьями. После осуждения Назимова его имения перешли к братьям. Вернувшись на родину, он получил от Ильи имение Быстрецово, а в возмещение доходов Илья обещал брату определенную сумму, об оплате которой и идет речь.

[4] *Анна Николаевна* — жена брата М. М. Нарышкина Кирилла Михайловича, урожденная Сутгоф (1800—1886), сестра декабриста А. Н. Сутгофа.

[5] Великий пост, продолжавшийся семь недель, между масленицей и пасхой.

26. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 16, л. 3

[1] Сделка по продаже леса, как упоминалось выше, не состоялась.

27. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, М 758, карт. 2, ед. хр. 40, л. 4—5

[1] В 1847 г. Назимов женился на Варваре Яковлевне Подкользиной (1819—1865), сестре второй жены М. И. Пущина.

[2] *Анна Ивановна* (ум. 1867) и *Екатерина Ивановна* (1791—1866), жена генерал-адъютанта Ивана Александровича Набокова (1787—1857), сестры Пущина. Они принимали горячее участие в женитьбе Назимова.

[3] Михаил Иванович Пущин и его жена Мария Яковлевна, сестра жены Назимова.

[4] Пальчиковы, друзья Назимовых (М. И. Пущин был женат первым браком на Софье Петровне Пальчиковой — ум. 1835), жили в имении Щиглицы, недалеко от Быстрецова.

[5] И. Д. Якушкин и М. И. Муравьев-Апостол жили в это время в Ялуторовске, где отбывал ссылку И. И. Пущин. *Фердинанд Богданович Вольф* (1800—1854), штаб-лекарь при главной квартире 2-й Армии, член Южного общества. Осужден по II разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе. На поселении был в Урике. С 1845 г. жил в Тобольске, где и умер.

[6] С. Я. Знаменский (примеч. 10 к письму 10).

28. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, М 758, карт. 2, ед. хр. 40, л. 6—8

[1] *Авдотья (Евдокия) Ивановна Бароцци* (ум. 1866) — сестра И. И. Пущина.

[2] *Аннушка*, Анна Ивановна (1842—1863), внебрачная дочь

И. И. Пущина (в замуж. Палибина). В некоторых материалах называется Ниной. Это объясняется следующим: в письме к Н. Д. Фонвизиной 13 февраля 1856 г. И. И. Пущин пишет: «М[ария] А[лександровна] [Дорохова] просит, чтобы я Аннушку называл Ниной, в воспоминание ее дочери».

[3] Жена И. А. Назимова — *Любовь Ивановна Трофимова* (ум. 1858).

[4] *Варвара Ивановна* (1804—1880)— сестра И. И. Пущина.

[5] Иван Александрович — Набоков.

[6] *Вера Ивановна* (в замуж. Кабанова) и *Поленька* — дочери И. А. Набокова.

29. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, М 758, карт. 2, ед хр. 40, л. 9—10

[1] *Николай Николаевич Раевский* младший (1801—1843), генерал-лейтенант, сын героя Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Раевского (1771—1829), брат М. Н. Волконской (1805—1863), жены декабриста С. Г. Волконского. В 1829 г. во время русско-турецкой войны командовал сводной кавалерийской бригадой. Покровительствовал декабристам, служившим в действующей армии, чем вызвал неудовольствие и доносы со стороны И. Ф. Паскевича. В конце 30-х — начале 40-х гг. командовал на Кавказе Черноморской береговой линией.

[2] Назимов ошибается, В. А. Дивов умер в 1842 г.

[3] Письмо Назимова главному начальнику III Отделения А. Ф. Орлову (1786—1861) не сохранилось. Военный министр А. И. Чернышев 3 декабря 1847 г. сообщил: «Высочайше повелено отставному поручику Михаилу Назимову дозволить иметь свободный въезд как в Москву, так и другие губернии, кроме, однако, С.-Петербурга и Царства Польского» (*ЦГВИА*, ф. 1, оп. 1, д. 17036, л. 31).

[4] Паричи — имение М. И. Пущина в Бобруйском уезде Минской губернии. *Поленька* — Полина (Пелагея) Яковлевна Подкользина, сестра жены М. И. Пущина, впоследствии монахиня. В то время она гостила у Пущиных. «Все трое»— это она и супруги Пущины.

[5] Праздником рождества Христова.

30. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 2, л. 1—2

[1] Смерть Петра Алексеевича Голицына, мужа Е. М. Голицыной, сестры М. М. Нарышкина.

[2] Наталья Кирилловна — племянница М. М. Нарышкина.

[3] Валерьян — В. М. Голицын.

[4] Н. А. Загорецкий.

[5] Сестра Назимова А. А. Набокова умерла в 1847 г.

[6] Кярово — имение Коновницыных в Холмском уезде Псковской губернии, перешедшее в приданое Е. П. Нарышкиной.

[7] А. Е. Розен жил в это время в имении Большое Солдино, недалеко от г. Нарвы.

[8] *Мария Ивановна Лорер* (урожд. Корсакова), жена старшего брата Н. И. Лорера, Александра, тетка Е. П. Нарышкиной.

31. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 1—2

[1] И. А. Набоков.

[2] Будучи женатым на Екатерине Ивановне Пущиной, И. А. Набоков, как считал Назимов, входил в близкое ему семейство Пущиных.

[3] В связи со смертью А. А. Набоковой.

[4] В. И. Назимов.

[5] В Святогорский монастырь.

[6] Ожидалось вступление в Европу русских войск для подавления революционного движения. Учитывая сохраняющийся за ним полицейский надзор и неизбежный просмотр его писем, Назимов крайне осторожно пишет об этом, ничем не выдавая своего отношения к происходящему.

[7] Решив поднять благосостояние своих крестьян, Назимов в первую очередь старается снабдить их хорошими лошадьми и обращается за помощью к Нарышкину, отличный конный завод которого хорошо известен.

[8] *Николай Романович Цебриков* (ок. 1800—1866), подпоручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества. Осужден по XI разряду «к лишению токмо чинов с написанием в солдаты с выслугой», а по конфирмации — разжалован в солдаты без выслуги и с лишением дворянства, т. е. конфирмация ужесточила приговор. В 1826 г. отправлен рядовым на Кавказ, в 1837 г. произведен в прапорщики, в 1840 г. уволен в отставку по болезни. Поселился в Балашовском уезде Саратовской губернии, с 1854 г. жил в Тульской губернии.

32. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 3—4

[1] Шестое августа — церковный праздник Преображения господня.

[2] Дворянские выборы, на которых избирали предводителя дворянства.

33. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 2, л. 3—4

[1] В конце 1849 г. умерла племянница М. М. Нарышкина, дочь его младшего брата Александра Михайловича Мария Александровна.

[2] А. П. Коновницын страдал психическим заболеванием. После смерти матери Елизавета Петровна взяла заботу о нем на себя.

34. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 5, л. 1—2,
приписка к письму В. Я. Назимовой

[1] Год установлен по связи с предыдущим письмом от 27 апреля 1850 г.

[2] *Владимир Алексеевич Львов*, скрипач, видимо, сын компо-

зитора А. Ф. Львова (1798—1870), директора императорской певческой капеллы.

[3] *Франц Шуберт* (1797—1828), немецкий композитор.

35. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 5—6

[1] Год установлен по содержанию письма — по ссылке на сражение при р. Альме.

[2] В ноябре 1854 г. Назимов еще надеялся на победоносное окончание войны. Но ее ход, в частности результат сражения при р. Альме, убеждал его в бездарности командования армией, так что слова о «мастерском плане и удачном выполнении Крымской нынешней войны» следует понимать только как горькую иронию, особенно учитывая подчеркивание им слова «Крымской», так как на Кавказском фронте войска под командованием генерала Н. Н. Муравьева-Карского (1794—1866) одерживали победы. Сам Назимов, опытный инженер и сапер, движимый лучшими патриотическими чувствами, пожелал принять участие в обороне Севастополя, но ему было отказано.

[3] П. П. Титов.

[4] И. А. Назимов, вышедший ранее в отставку, во время Крымской войны возвратился на военную службу, поступив в ополчение.

[5] *Александр Сергеевич Меншиков* (1787—1869), князь, генерал-адъютант, главнокомандующий войсками в Крыму до 1855 г. Его бездарное руководство привело русскую армию к поражению в сражении при р. Альме 8 сентября 1854 г.

[6] Сикурс — помощь, поддержка. Здесь — победы русской армии на Кавказском фронте, взятие крепости Карс под командованием Н. Н. Муравьева-Карского.

[7] Имеется в виду М. М. Нарышкин.

36. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, оп. 1, д. 8, л. 149—150

[1] Год установлен по ссылке на отъезд И. А. Назимова на службу в Вятку в 1857 г.

[2] И. И. Пущин, находившийся в это время в Петербурге, поправлялся после тяжелой болезни. Все его друзья, в том числе и Назимов, очень волновались за него, опасаясь рокового исхода.

37. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1в, л. 3—4

[1] Начало письма утрачено. Год установлен по содержанию.

[2] И. Д. Якушкин скончался в Москве 11 августа 1857 г.

[3] *Евгений Иванович Якушкин* (1826—1905), известный юрист и общественный деятель, корреспондент А. И. Герцена, переправивший ему ряд воспоминаний декабристов для опубликования в Вольной печати. По его настоянию, И. И. Пущин написал воспоминания об А. С. Пушкине, а Е. П. Оболенский — о К. Ф. Рылееве.

[4] Н. И. Лорер.

[5] *Наталья Дмитриевна Пущина* (урожд. Апухтина, 1805—1869). С 1822 г. замужем за М. А. Фонвизиным. Последовала за ним в Сибирь. После его смерти в 1854 г. вышла замуж за И. И. Пущина.

38. М. М. Нарышкину

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 1в, л. 17—18
Частично опубл. С. И. Недумовым в статье
«Новые материалы о декабристе Назимове»,
с. 246, 250

[1] Строка из стихотворения А. И. Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы», экспромтом сказанного поэтом Назимову в 1837 г. в пути на Кавказ.

[2] Нарышкины собирались в поездку за границу — во Францию, Италию.

[3] Праздники — рождество.

[4] 24 декабря 1857 г. были опубликованы царские рескрипты виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову и петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву, предписывающие создание губернских дворянских комитетов для разработки проектов освобождения крестьян. Они дали начало широкому обсуждению во вновь организованных комитетах и в печати предстоящей крестьянской реформы. Предугадывая сопротивление крепостников любым мерам в пользу крестьян, Назимов опасается, что «дворянство унизит себя <...> сегодняшними расчетами во вред будущего благосостояния и развития меньших братьев наших», что в дальнейшем и случилось.

[5] К письму В. Я. Назимовой сделана приписка, в которой она, благодаря Нарышкиных за письма и поздравляя их с праздником, сообщает, в частности, о болезни Михаила Александровича гриппом, который еще окончательно не прошел.

39. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л.25—26

[1] Дата установлена по упоминанию о свадьбе двоюродного племянника (см. письмо 40).

[2] *Анна Николаевна* — жена К. М. Нарышкина, брата декабриста.

40. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 7—10

[1] Любовь Ивановна, жена И. А. Назимова, умерла в 1858 г.

[2] Имеется в виду подготовка крестьянской реформы.

[3] «Губернские комитеты для улучшения быта помещичьих крестьян» были созданы в конце 1857— начале 1858 гг. В их задачу входила разработка местных проектов поземельного устройства освобождаемых крестьян. Занятия губернских комитетов продолжались примерно год.

[4] Ревизские сказки — листы по переписи податного населения. По крестьянскому населению они составлялись и подавались поме-

щиками. В 1857—1858 гг. была проведена последняя, десятая ревизия.

[5] Эта поездка не состоялась — в 1859 г. А. Ф. Бригген умер.

[6] Братья *Фредерикс, Александр и Борис Андреевичи*, бароны, давнишние знакомые Назимова и Нарышкина. *Лиля Гембиц* — одна из многочисленного семейства Пальчиковых.

[7] Двоюродный брат — *Гаврила Петрович Назимов* (1794—1850), отставной штабс-ротмистр, псковский приятель А. С. Пушкина.

[8] На основании законов, изданных в 1816—1819 гг., крестьяне Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний были освобождены без земли, с сохранением за помещиками административной власти. Назимов хотел разобраться на месте в результатах такого освобождения крестьян; причем, не полагаясь на мнение слишком заинтересованной стороны — остзейских баронов, он надеялся расспросить пришлых русских, не землевладельцев —«православных», как он их называет. Против такого освобождения без земли возражал в «Русской правде» и Пестель.

[9] В губернские комитеты подавались составленные по специальным анкетам-вопросникам «Описания помещичьих земель», т. е. статистические сведения о числе душ в имении, размерах наделов и повинностей, крестьянских занятиях.

[10] Видимо, инструкции по «Описанию помещичьих земель».

[11] Принятая в Западной Европе ипотечная система предусматривала порядок приобретения и передачи прав на недвижимое имущество посредством внесения соответствующих записей в публичные поземельные, так называемые ипотечные книги. В России введение ипотечной системы предполагалось с 1881 г., но осуществлено не было.

[12] *Михаил Павлович Позен* (1798—1871), тайный советник, статс-секретарь. Как член от Полтавского комитета, принимал участие в составлении общего положения, но не был сторонником крестьянской реформы. По этому вопросу опубликовал ряд статей: «О размере усадьб», «Об угодьях, поступающих в надел», «О выкупе поземельных угодий и о высших и низших размерах наделов» и др.

[13] *Wiljam Löbe* (1815—1891), немецкий писатель, много лет занимавшийся сельским хозяйством в Тюрингии и пропагандировавший в своих произведениях применяемую им систему земледелия.

[14] Здесь Назимов выражает желание, чтобы в комитетах по крестьянским делам приняли деятельное участие его товарищи-декабристы, что способствовало бы более справедливому для крестьян решению вопроса. Он надеется, что к этому же будет стремиться и большинство дворян-землевладельцев, в чем он глубоко ошибался.

[15] Открытие железной дороги состоялось только в 1859 г.

[16] Заблуждение Назимова насчет императора в 1858 г. свойственно всему передовому общественному мнению. Его разделял даже А. И. Герцен.

[17] Намерение стать мировым судьей Назимов осуществил через восемь лет, когда был избран на эту должность.

[18] Назимов считал, что общинная собственность на землю — отжившая форма аграрных отношений и что индивидуальное землепользование ликвидирует принудительный севооборот, чересполосицу, земельные переделы и обеспечит крестьянам свободное пользование землей. Но он ошибался, полагая, что единственным препятствием к этому является «рутина крестьян», в то время как община явно устраивала правительство, в первую очередь общей ответствен-

ностью ее за своих членов — круговой порукой. Эта реформа — столыпинская аграрная реформа — была осуществлена после поражения революции 1905 г. и имела целью создание прочной опоры царизму в деревне в лице кулачества. Таким образом, это привело, вопреки мнению Назимова, к расслоению деревни и ухудшению положения большинства крестьян. Ответом на реформу были массовые выступления крестьян в 1907—1913 гг.

[19] Надел $4^1/_2$ десятины земли на каждого мужчину в семье. Средний по Псковской губернии надел — 3,94 десятины (Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. М., 1978, с. 116).

41. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 11—12

[1] Письмо Нарышкина не сохранилось.

[2] *Иван Петрович Коновницын* (1806—1867), граф. За участие в восстании 14 декабря 1825 г. был переведен из гвардии в конно-батарейную роту и за ним установлен секретный надзор. Уволен в отставку в 1836 г. с воспрещением въезда в столицы и оставлением под секретным надзором. Освобожден от надзора в 1833 г.

[3] *Сергей Михайлович Голицын* (1774—1859), князь, попечитель Московского учебного округа.

[4] Речь идет о местном проекте пореформенного устройства крестьян.

[5] Железная дорога строилась французской фирмой.

[6] *Борис Карлович Данзас* (1799—1868), действительный тайный советник, первоприсутствующий уголовного кассационного департамента. Назимов, видимо, отмечал в разговоре с ним, помимо затяжки строительства дороги, необоснованное завышение стоимости работ.

42. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 13—14

[1] И. И. Пущин скончался 3 апреля 1859 г.

[2] Под главным редакционным комитетом Назимов имеет в виду учрежденные 4 марта 1859 г. редакционные комиссии, председателем которых был генерал Я. И. Ростовцев, а фактическим руководителем — товарищ министра внутренних дел Н. А. Милютин. В феврале 1860 г., после смерти Ростовцева, во главе комиссий стал В. Н. Панин, министр юстиции, противник крестьянской реформы. Одной комиссии предстояло подготовить проект Общего положения для всех губерний; другой на основании проектов и предложений губернских комитетов выработать «местные положения» для отдельных районов.

[3] Дом Назимова в Пскове на Великолукской (ныне Советской) улице, у часовни Красного Креста, не сохранился.

[4] *Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин* (1802—1865), поручик Квартирмейстерской части, член Южного общества. Осужден по IV разряду. Каторгу отбывал в Чите и Петровском Заводе. На поселении в Красноярске и Тобольске. С 1856 г. после амнистии жил в Тульской губернии. Умер в Москве.

43. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 15—16

[1] *Вебер* — чиновник в Холмском уезде Псковской губернии, доверенное лицо Нарышкиных.

[2] Институт мировых посредников был создан в июне 1861 г. Функции их по закону — «примирять» интересы дворянского и крестьянского сословий в ходе осуществления роформы, разбирать все споры, жалобы и недоразумения между помещиками и временнообязанными крестьянами. Мировые посредники назначались губернаторами из числа дворян-помещиков, причем обладавших достаточным имущественным цензом. На мировых посредников правительство возложило административно-полицейские обязанности при проведении реформы на местах: составление и введение в действие уставных грамот, определявших наделы и повинности крестьян, удостоверение выкупных актов крестьян, переходящих на выкуп, руководство разверстанием помещичьих земель и крестьянских наделов, надзор над органами крестьянского управления. Среди мировых посредников, помимо реакционно настроенных крепостников, была значительная прослойка прогрессивных деятелей, в том числе ряд декабристов; Назимов, в частности, был мировым посредником по Псковскому уезду. Ему по поручению Нарышкиных приходилось заниматься их Холмским имением, где староста Антонов сильно ущемлял интересы крестьян.

[3] «Сумасбродство поляков» — этими словами Назимов выражал свое скептическое и даже отрицательное отношение к событиям 1861 г. в Польше и в дальнейшем к восстанию 1863—1864 г.

[4] «Земский» (земельный) банк выдавал долгосрочные ссуды под залог земель и городских строений, погашаемые ежегодными платежами. Проект общего земельного банка, о котором пишет Назимов, осуществлен не был. В дальнейшем были основаны отдельно два банка: Государственный земельный крестьянский (1882) и Дворянский (1886).

44. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 23—24

[1] Непонятно, о каком адресе идет речь. Адреса от дворянства «на высочайшее имя» подавались по вопросам будущего устройства крестьян до реформы 1861 г. Здесь же Назимов, видимо, имеет в виду предполагавшееся послание в Главный комитет по устройству сельского состояния о наделении усадьбами дворовых и крестьян, использовавшихся на промышленных предприятиях и не имевших наделов (по его выражению, «ободворенных»), о которых шли споры в псковском губернском по крестьянским делам присутствии.

[2] Назимов предполагал сразу отказаться в своем имении от барщины, избавив крестьян от этой обременительной для них повинности, а с другой стороны, он видел преимущества использования наемного, а не обязательного труда в хозяйстве.

45. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 17—18

[1] Смерть Е. М. Голицыной.

[2] В 1837 г., когда Назимов и другие декабристы ехали на Кавказ из Кургана, Е. М. Голицына встретила их на пути в Казани и подарила Назимову ладанку с зашитым в ней текстом молитвы. По религиозным представлениям ладанка, носимая на груди, предохраняет от ран в бою.

[3] Уставные грамоты — документы о размерах и составе наделов временнообязанных крестьян, о характере и уровне их повинностей. Они составлялись самими помещиками, проверялись мировыми посредниками и зачитывались на сельских сходах. Уставная грамота на имение Быстрецово составлена Назимовым не в ущерб крестьянам, в ней он сразу отказался от всех барщинных повинностей и перешел на хозяйствование с помощью вольнонаемных рабочих. Его уставная грамота была в отличие от многих других сразу принята крестьянами.

[4] Цена указана за сезон — с апреля до Покрова, т. е. до 1 октября (ст. стиля).

[5] Больше об этой поездке Назимова в Англию на промышленную выставку 1826 г. нигде не упоминается, так что неизвестно, состоялась ли она.

[6] *Титовы Петр Павлович и Юлия Михайловна* (урожд. Левицкая). Их сын *Михаил* (род. 1840) страдал психическим расстройством.

[7] Положение 19 февраля 1861 г. отдавало предпочтение «добровольным соглашениям» помещиков с крестьянами. Если этого не было, то вступали в силу нормы наделов, установленные законом. Судя по всему, в Холмском имении Нарышкиных устанавливался слишком низкий размер крестьянского надела, с которым не согласился местный мировой посредник. Назимов также был не согласен с этим и старался убедить Нарышкиных, взывая к чувству справедливости, а также убеждая их в том, что больший крестьянский надел будет выгоден им самим.

[8] Интересной иллюстрацией к этому письму является письмо В. Я. Назимовой к Нарышкиным, написанное в те же дни (7 мая 1862 г.). Вот выдержка из него: «Мы еще не сообщали вам, дорогие друзья, что у нас в деревне уже все на новый лад — нанят управляющий, наняты рабочие из Витебской губернии, и в дополнение издержано много денег с слабой надеждою на будущие блага. Как бы то ни было, я, однако, очень рада, что мы разделались со своими мужиками и не будем более зависеть от их капризов. Расстались мы с ними весьма дружелюбно — грамоты все ими подписаны, и они пошли на оброк по общему желанию, и теперь мы встречаемся с ними как старые знакомые, и только. Правду Вы говорите, дорогая Лизавета Петровна, что они нам не верят и нас не любят — теперь они все, кажется, это доказали, и грустно должно быть тем, кто заблуждался на их счет. Вот приходится грустить и за Базаровых и за все, что слышишь и подчас и видишь. Как бесподобно написаны «Отцы и дети» и как все благомыслящие люди должны быть благодарны Тургеневу. Зато молодежь, говорят, все против него, и в литературном мире он многих восстановил против

себя, но дело его правое, и будь у нас побольше подобных обличителей — быть может, Базаровы не так бы размножались.

Вообще нужно сказать, что мы переживаем невеселое время — безденежье общее, дороговизна, всякий день возрастающая, умы волнуются, толкам разным несть числа, одним словом, чувствуем приближение грозы, но когда она разразится, конечно, известно одному богу» (*ГБЛ*, ф. 133, М 5821, ед. хр. 6, л. 12—14).

В то время как по письму М. А. Назимова явно видна его забота о благополучии крестьян, что подтверждается также его позицией в губернском по крестьянским делам присутствии, Варвара Яковлевна видит в реформе в основном ущемление интересов помещиков и возмущается отсутствием любви и благодарности бывших крепостных к ним. Также характерны и отзывы о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», вызвавшем в то время бурные споры между прогрессивными и консервативными частями русского общества. В. Я. Назимова явно находится не на стороне последних.

46. И. С. Трубецкому

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, ед. хр. 176

[1] *Иван Сергеевич Трубецкой* (1843—1874), князь, сын декабриста С. П. Трубецкого.

[2] *Екатерина Ивановна Трубецкая* (урожд. гр. Лаваль, 1800—1854), жена С. П. Трубецкого. Поехала за мужем в Сибирь в 1826 г. Умерла в Иркутске. Дальнейшая судьба портрета, о котором пишет Назимов, неизвестна.

[3] Имеется в виду *Михаил Семенович Каханов* (1833—1899), статс-секретарь. Был псковским губернатором, в дальнейшем управляющий делами кабинета министров. Под его председательством была учреждена Комиссия для составления проекта объединения местной администрации с общественным самоуправлением. Комиссия была упразднена в 1885 г.

47. М. И. Семевскому

ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, л. 257

[1] *Михаил Иванович Семевский* (1837—1892), писатель, историк, журналист, общественный деятель. Его сочинения посвящены в основном русской истории XVIII — нач. XIX в. Основал и издавал с 1870 г. журнал «Русская старина».

[2] Вероятно, «Сторонники царевича Алексея», вышедшие незадолго перед этим, в 1862 г., в двух выпусках.

48. Е. П. и М. М. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 21—22

[1] У. А. Давыдова, приемная дочь Нарышкиных, жила в Москве.

[2] Именинница — В. Я. Назимова.

[3] Николай Яковлевич Полибин — мировой посредник по Гдовскому уезду Псковской губернии.

[4] Имеется в виду уездный съезд мировых посредников.

[5] Видимо, Нарышкины согласились с доводами Назимова и увеличили выделяемые крестьянам земельные наделы.

[6] Губернское по крестьянским делам присутствие, рассматривавшее споры крестьян с помещиками.

[7] То есть заказной почтой.

[8] А. Е. Розен.

49. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 3, л. 11—12

[1] Дата установлена по именинам брата Назимова — Ильи. Ильин день — 20 июля.

[2] Речь идет о волне шовинизма, охватившей часть русского общества в связи с польским восстанием 1863 г.

[3] «Известный господин» в Париже — видимо, Назимов имеет в виду *Людвига Мерославского* (1814—1878), шляхетско-буржуазного демократа, назначенного «диктатором» восстания. В момент восстания находился за границей и не смог присоединиться к нему за-за неудачи при попытке перейти границу.

[4] *Понтий Пилат*, римский наместник в Иудее (26—36 гг. н. э.). По евангельской легенде при его правлении был распят Иисус Христос. Приговорив его к распятию, Пилат умыл руки, символизируя этим свою непричастность к происходящему. «Умыть руки» стало ходячей фразой, означающей «снять с себя ответственность». Здесь проявляется возмущение Назимова поведением руководства восстанием, так называемой партии белых, выражавшей взгляды земледельческой шляхты и крупной торговой и финансовой буржуазии, которая в большинстве своем не пострадала в результате разгрома восстания.

[5] Униаты — принадлежащие к униатской церкви. По Брестской унии 1596 г. православная церковь Украины и Белоруссии, находившихся под господством польских феодалов, должна была признать главенство римского папы, что вызывало сопротивление украинского и белорусского народов. На территории России уния была упразднена в 1839 г., но это было проведено правительством Николая I бюрократически, рядом правительственных мер, причем в ряде западных губерний уния была оставлена. После восстания 1863 г. и здесь происходило воссоединение церквей, но только формально, насильственно, о чем сетует Назимов. На территории Западной Украины униатская церковь сохранилась до официального расторжения унии на церковном соборе во Львове в 1946 г.

[6] Здесь Назимов оказался под влиянием слухов о карательных мерах повстанцев против предателей и официальной пропаганды о «зверствах» повстанцев на украинской и белорусской земле.

[7] *Софья Кирилловна*, племянница М. М. Нарышкина, вышла замуж за Н. И. Коновницына, племянника Е. П. Нарышкиной.

[8] *Петр Иванович Коновницын* — племянник Е. П. Нарышкиной.

[9] *Павел* (род. 1842), младший сын Титовых.

50. М. Я. Пущиной

ИРЛИ, ф. 6729, XXXIVб, ед. хр. 40, л. 1

[1] Письмо написано вскоре после смерти В. Я. Назимовой, сестры М. Я. Пущиной.

[2] Гущины — родственники Назимовых.

[3] После смерти жены Назимов подал в отставку с поста председателя Псковской губернской земской управы.

[4] М. И. Пущин был в это время комендантом Бобруйской крепости.

Парад — видимо, по случаю так называемого табельного дня — рождения или именин императора и императрицы.

[5] М. Я. Пущина содержала на свой счет начальное училище в Бобруйске.

51. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 2, л. 5—6

[1] Речь идет о смерти М. М. Нарышкина в 1863 г.

[2] *Наталья Дмитриевна* — Н. Д. Пущина, *Петр Николаевич* — П. Н. Пущин, племянник И. И. Пущина, граф *Петр Иванович* — П. И. Коновницын, племянник Е. П. Нарышкиной.

52. М. Я. и М. И. Пущиным

ИРЛИ, ф. 6729, XXXIVб, ед. хр. 40, л. 2

[1] *Карл Карлович Мейер*, коллежский советник, доктор медицины.

[2] *Марфа и Лазарь* — евангельские персонажи.

[3] *Гавриил Иокимович Ломакин* (1812—1885), преподаватель пения в Петербургской певческой капелле, автор многих произведений духовной музыки.

[4] *Екатерина Ивановна Набокова*, сестра И. И. Пущина. *Тихон* (Александр Павлович Покровский, 1821—1884), епископ Выборгской епархии, духовный писатель.

[5] *Помпей Николаевич Батюшков* (1810—1892), историк, попечитель Виленского учебного округа. Брат поэта К. Н. Батюшкова.

[6] *Михаил Никифорович Катков* (1818—1887), реакционный публицист, редактор газеты «Московские ведомости», а с 1856 г. издатель журнала «Русский вестник». Вел борьбу с передовыми течениями в русской литературе и обществе.

53. М. Я. Пущиной

ИРЛИ, ф. 6729, XXXIVб, ед. хр. 40, л. 3

[1] *Аннет* — видимо, А. И. Пущина (ум. 1867), сестра И. И. Пущина.

[2] Паричи — имение М. И. Пущина в Бобруйском уезде Минской губернии.

[3] *Платон* (*Николай Иванович Городецкий*, 1803—1891), с 1848 по 1867 г. епископ Рижской епархии. Смешанные браки — здесь имеются в виду браки между лицами различных вероисповеданий, в данном случае между православными и католиками.

[4] М. И. Пущину, по его должности коменданта Бобруйской крепости, подчинялась крепостная тюрьма.

54. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 2, л. 7—8

[1] Николай Иванович — Лорер. Далее Назимов намекает на неумение Лорера связно и грамотно излагать свои мысли на бумаге.

[2] Сборник стихотворений декабристов (Лейпциг, 1863), в котором помещено стихотворение Н. И. Лорера «Наполеон».

[3] В недошедшем до нас письме Нарышкина, видимо, высказывала мысль, что сообщение в популярных изданиях для народа сведений по естествознанию будет способствовать распространению атеизма и в связи с этим нежелательно. Назимов же не соглашается с ее мнением.

[4] *Михаил Измайлович Богословский* (1807—1884), доктор богословия, протопросвитер московского Успенского собора, автор ряда богословских книг.

[5] *Александр Фомич Петрушевский* (1826—1901), генерал-лейтенант, историк, автор книг для народного чтения по истории России.

[6] *Яков Александрович Соловьев* (1820—1876), сенатор, деятель крестьянской реформы. Участвовал в Редакционных комиссиях.

[7] Имеется в виду известное изречение Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар».

[8] Сведений об этой книге не обнаружено.

55. Е. П. Нарышкиной

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 2, л. 9—10

[1] 19 мая — день рождения М. А. Назимова.

[2] *Инна (Анна) Андреевна Боброва* (урожд. Розен, 1836 — не позднее 1899), баронесса, дочь А. Е. Розена.

56. Ю. М. и П. П. Титовым

ГБЛ, ф. 133, М 5821, ед. хр. 4, л. 1—4

[1] «Общая наша потеря»— смерть Е. П. Нарышкиной.

[2] Петр Иванович — Коновницын.

[3] «Новый министр»— *Константин Иванович Пален* (1833 — после 1886), граф, в 1864 г. псковский губернатор, с 1867 г. — министр финансов.

[4] *Петр Петрович Пален* (1778—1864), граф, генерал-адъютант.

[5] *Наталья Григорьевна Муравьева* — сестра жены П. П. Палена Софьи Григорьевны. Они сестры Захара Григорьевича Чернышева (1796—1862), члена Южного общества.

[6] «Несколько слов в память почившего сего января 3-го 1863 г. Михайла Михайловича Нарышкина»— статья Е. П. Оболенского в газете «День» (1863, № 3).

[7] Отец Е. П. Нарышкиной, *Петр Петрович Коновницын* (1766—1822), участник войны1812 г., отличился в боях при Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном.

[8] Здесь Назимов имеет в виду строки о Елизавете Петровне из указанной статьи Е. П. Оболенского «В ней нашел ту полноту

сочувствия, которая в жизни выражается полной гармонией,— и стремлений, и цели жизненной, и надежд, и желаний. В этом сердечном союзе протекли многие и многие годы, и Кавказ с его грозными твердынями, и Сибирь с ее пустынями — везде они были вместе, и везде их сердечная жизнь, восполняющая недостатки одного полнотою другого, выражалась в любви чистой, отражаемой во всем строе жизни».

57. М. И. Семевскому

ИРЛИ, ф. 604, 2—5568, с. 162

[1] Борис Петрович — лицо неустановленное.

58. Н. Д. Поповой

Из семейного архива составителя

[1] *Наталия Дмитриевна Попова* (урожд. Трусова, 1816 — после 1886), двоюродная племянница М. А. Назимова.

[2] Эта фотография Назимова хранится в семейном архиве. На обратной ее стороне надпись: «Любимому, родному другу Наташе Поповой. 82-летний дядя М. Назимов. 8 апреля 1883 г. Псков. Воспроизводится в наст. издании.

59. Н. Д. Поповой

Из семейного архива составителя

[1] Владыка — *Иоанн (Алексей Алексеевич Петин*, 1813—1889), архиепископ Полтавский и Переяславский (1862—1887).

[2] *Михаил Михайлович Попов* (1836—1910), отставной поручик, сын Наталии Дмитриевны.

60. М. И. Баулер

Из семейного архива составителя

[1] Письмо написано под диктовку, к тому времени Назимов почти совсем ослеп.

Мария Ильинична Баулер (урожд. Назимова), дочь И. А. Назимова. Ее муж *Аркадий Васильевич Баулер*, полковник, состоящий для особых поручений при главнокомандующем гвардии и Санкт-Петербургского военного округа вел. кн. Владимире Александровиче.

[2] *Владимир Ильич Назимов* (1846—1884), сын И. А. Назимова, товарищ председателя Минского окружного суда.

[3] *Ваня — Иван Ильич Назимов* (род. 1854), сын И. А. Назимова, коллежский советник, правитель дел канцелярии Государственного банка, в дальнейшем действительный статский советник, управляющий Санкт-Петербургской конторой Государственного банка.

[4] *Мария Александровна Назимова* (урожд. Дейша), жена Владимира Ильича.

[5] *Надежда Ильинична Назимова* (1847 — после 1925).

[6] Розен А. Е. Записки декабриста. Лейпциг, 1870.

61. П. Н. Свистунову

ЦГАОР, ф. 1712, оп. 1, ед. хр. 25, л. 3—4

[1] К этому времени оставались в живых еще *М. И. Муравьев-Апостол* (ум. 1886), *В. С. Толстой* (ум. 1888) и *Д. И. Завалишин* (ум. 1892).

[2] Исаак, слуга Назимова.

[3] А. П. Беляев умер в 1885 г., о чем Назимов еще не знал.

СТАТЬИ

Об оброке или ренте с сельскохозяйственных земель в России вообще и в Псковской губернии в особенности

Журнал землевладельцев, 1858, № 5, отд. IV, с. 24—33

[1] В период, предшествовавший крестьянской реформе, широко дискутировался ряд вопросов, в том числе о методах определения размера оброка — вопрос, в котором были кровно заинтересованы как помещики, так и крестьяне. Назимов предлагает наиболее простой, понятный и наименее обременительный для крестьян способ — в зависимости от урожая, причем, как правило, натурой — хлебом.

[2] *Теодор Бернгарди* (1802—1887), немецкий историк, дипломат и экономист. Автор книги «О крупном и мелком землевладении» (русский перевод в 1874 г.).

[3] Устаревший термин, обозначает отдел геологии, изучающий состав и строение земной коры (геогнозия). В то время широко бытовал в сельскохозяйственной статистике.

[4] Министерство государственных имуществ было создано в 1837 г. и ведало государственными землями, а также государственными (казенными) крестьянами. Назимов здесь имеет в виду «Хозяйственно-статистические материалы, собранные комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян» (СПб., 1857, вып. 1—2).

[5] Девонский период — третий период палеозойской эры (310—275 млн. лет тому назад). Девонские отложения, образовавшиеся в результате неоднократного наступления моря на сушу, представляют собой разнообразные глинисто-известковые осадки, богатые органическими остатками.

[6] Многочисленные злоупотребления, происходившие в дальнейшем при межевании земель, показали правильность опасений Назимова на этот счет.

[7] Речь идет об окончательном закрепощении крестьян (указы 1597 и 1609 гг. о сыске беглых крестьян).

[8] *Ярослав Владимирович*, прозванный Мудрым (978—1054), киевский князь в 1019—1054 гг., выдающийся государственный деятель, годы правления которого явились временем расцвета древнерусского государства. При нем был составлен свод феодального права Киевской Руси — «Русская правда».

[9] Натуральная рента, в зависимости от урожая.

[10] То есть озимый клин.

[11] В «Библиотеке для чтения» (1858, т. 151, разд. 2, с. 157—

159) была опубликована положительная рецензия Ф. Г. Тернера на эту статью.

[12] Четверть — старая русская мера сыпучих тел. Четверть ржи считалась равной по весу $7^1/_4$ пуда (116 кг).

[13] Муравые сенокосы — на сухих, незаливаемых половодьем местах, в отличие от поемных, где урожай трав выше.

Редактору газеты «Голос»

Голос, 1875, № 55, 25 февраля

[1] Письмо Назимова в редакцию газеты было вызвано опубликованной в журнале «Русский вестник» (1874, № 12, с. 480—559) повестью Б. М. Маркевича «Две маски» с пренебрежительными отзывами о М. Ю. Лермонтове.

[2] *Александр Илларионович Васильчиков* (1818—1887), князь, секундант Н. С. Мартынова на дуэли с Лермонтовым. Автор воспоминаний о поэте. В своей статье Васильчиков, так же как и Назимов, возмущался бесцеремонными высказываниями Маркевича о Лермонтове. В частности, он писал: «Когда в невольных странствованиях и ссылках удавалось ему встретить людей другого закала, вроде Одоевского, он изливал свою современную грусть в души людей другого поколения, других времен. С ними он действительно мгновенно сходился, их глубоко уважал, и один из них, еще ныне живущий, М. А. Назимов, мог бы засвидетельствовать, с каким потрясающим юмором он описывал ему, выходцу из Сибири, ничтожество того поколения, к которому принадлежал» (Голос, 1875, № 15).

[3] *Болеслав Михайлович Маркевич* (1822—1884), писатель, крайний реакционер. Его произведения «Четверть века назад», «Перелом», «Бездна» направлены против прогрессивных деятелей революционного движения 60-х гг.

[4] Об отношениях Лермонтова и Назимова А. И. Васильчиков пишет: «В Лермонтове (мы говорим о нем, как о частном лице) было два человека: один добродушный для небольшого кружка ближайших своих друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особенное уважение, другой — заносчивый и задорный для всех прочих его знакомых.

К этому первому разряду принадлежали в последнее время его жизни прежде всего Столыпин (прозванный им же Монго), Глебов, бывший его товарищ по гусарскому полку, впоследствии тоже убитый на дуэли князь Александр Николаевич Долгорукий, декабрист Назимов и несколько ближайших его товарищей» (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. 1964, с. 370).

А. Д. Есаков, тогда молодой офицер, вспоминал впоследствии: «Там, то есть в Ставрополе, действительно в ту зиму собралась, что называется, la fine fleure (цвет молодежи). Кроме Лермонтова, там зимовали: гр[аф] Карл Ламберт, Столыпин (Mongo), Сергей Трубецкой, Генерального штаба: Н. И. Вольф, Л. В. Россильон, Д. С. Бибиков, затем Л. С. Пушкин, Р. И. Дорохов и некоторые другие, которых не упомню. Увы, всех названных пережил я. Все это общество раза два в неделю собиралось у барона Вревского. Когда случалось приезжать из Прочного Окопа (крепость на Кубани) рядовому Михаилу Александровичу Назимову (декабрист, ныне живу-

щий в городе Пскове), то кружок особенно оживлялся. Несмотря на скромность свою, Михаил Александрович как-то само собой выдвигался на почетное место, и все, что им говорилось, было выслушиваемо без перерывов и шалостей, в которые чаще других вдавался Михаил Юрьевич. Никогда я не замечал, чтобы в разговоре с М. А. Назимовым, а также с И. А. Вревским Лермонтов позволил себе обычный свой тон persiflage (насмешки)» (там же, с. 261).

Алексей Аркадьевич Столыпин (1816—1858), двоюродный дядя Лермонтова, ближайший друг поэта.

Михаил Павлович Глебов (1818—1847), секундант Лермонтова на дуэли с Н. С. Мартыновым.

Александр Николаевич Долгорукий (1819—1842), убит на дуэли.

Александр Дмитриевич Есаков, прапорщик 20-й артиллерийской бригады. Автор воспоминаний.

Карл Карлович Ламберт (1815—1865), граф, поручик, впоследствии генерал-адъютант.

Сергей Васильевич Трубецкой (1815—1859), князь. Был секундантом Лермонтова на дуэли с Мартыновым.

Николай Иванович Вольф (1811—1881), с конца 1838 г. офицер Генерального штаба, служил на Кавказе.

Лев Васильевич Россильон (1803—1883), барон, с 1838 г. подполковник Генерального штаба в Ставрополе.

Лев Сергеевич Пушкин (1805—1852), брат А. С. Пушкина.

Руфин Иванович Дорохов (1801—1852), участник Кавказских войн, неоднократно был разжалован в рядовые за дуэли и «буйное поведение». Был в дружеских отношениях с Лермонтовым.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Список о родственниках и положении дел сосланного на поселение Михаила Назимова

Рус. архив, 1907, кн. 2, с. 187—191

[1] Настоящий список является практически единственным официальным документом, сообщающим более или менее подробные сведения о семье М. А. Назимова. Он приведен в статье Н. Ф. Окулича-Казарина «Некоторые сведения о псковских декабристах», опубликованной в «Русском архиве». Список появился в результате запроса военного министра ко всем генерал-губернаторам от 6 августа 1826 г. «О высочайшей его императорского величества воле собрать в вверенных главному управлению Вашему губерниях в возможной подробности сведения о положениях и домашних обстоятельствах ближайших родственников всех государственных преступников» (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 315, л. 55).

Обращает внимание доброжелательный к семье декабриста тон документа, составленного уездным предводителем дворянства Николаем Александровичем Яхонтовым, отцом поэта А. Н. Яхонтова. Н. А. Яхонтов — человек прогрессивных взглядов, в 1812 г. был секретарем и переводчиком М. И. Кутузова, приятель Гаврилы Петровича Назимова, двоюродного брата Михаила Александровича.

[2] *Марфа Степановна Назимова* (урожд. Шишкова, 1762—1844), в молодости фрейлина императрицы Марии Федоровны, жены Павла I.

[3] *Александр Борисович Назимов* (1760—1810), отставной се-

кунд-майор, надворный советник, островский уездный предводитель дворянства.

[4] *Борис Александрович Назимов* (1793—1813), мичман. Убит в бою под Данцигом.

[5] Имеется в виду псковский гражданский губернатор, на чье имя направлялся «Список».

[6] Патриотический институт в Петербурге, содержавшийся Патриотическим императорским женским обществом.

2. Копия с формулярного списка о службе лейб-гвардии Коннопионерного эскадрона штабс-капитана Назимова

ВД, т. 15, с. 180—181

[1] В январе 1826 г., когда была снята копия, Назимову было 24 года (он родился 19 мая 1801 года).

[2] В *ВД* ошибочно: капитан.

3. Копия верющего письма

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 302, л. 90

[1] Настоящая копия верющего письма — доверенности, выданной М. А. Назимовым на имя старшего брата С. А. Назимова на управление имением и на ведение всех его имущественных, денежных и судебных дел, приложена к прошению на имя коменданта Петропавловской крепости (*ЦГИА*, ф. 1280, оп. 1, д. 6, л. 203). Судя по содержанию прошения, к нему было приложено письмо Назимова к матери с просьбой передать его одному из братьев. Это письмо не сохранилось. Копия заверена правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым (1788—1856), а подлинник возвращен С. А. Назимову.

[2] Число месяца в копии отсутствует.

4. Вопрос Следственного комитета и ответ Назимова (об имущественном положении)

[1] Документ (без даты) раскрывает весьма распространенный в то время факт — залог имения в ломбарде. Несмотря на то что все имения Назимова были по частям заложены, его материальное положение оставалось достаточно прочным.

5. Журнал частного заседания Псковского губернского статистического комитета. 9 марта 1864 г.

Псковские губернские ведомости, 1864, № 16

[1] Губернские статистические комитеты являлись общественными организациями, связанными с земскими учреждениями, и объединяли прогрессивно настроенных местных деятелей. Власти недоверчиво относились к деятельности комитетов, подозревая их в политической неблагонадежности.

[2] Поднятый Назимовым вопрос иллюстрирует широту его интересов и квалифицированный подход к рассмотрению дела.

6. Журнал Псковского губернского по крестьянским делам присутствия. 3 июля 1864 г.

Псковские губернские ведомости, 1864, № 57

[1] Пример беспристрастного расследования Назимовым конфликта помещика и крестьян, решившего дело в пользу крестьян.

7. П. А. Висковатый о М. А. Назимове и М. Ю. Лермонтове

Из книги «М. Ю. Лермонтов» (М., 1891, с. 303—304, 401)

[1] Речь идет о проекте министра государственных имуществ П. Д. Киселева даровать личную свободу крепостным крестьянам с фиксированием норм феодальных повинностей.

[2] Статьи В. Г. Белинского и других прогрессивных авторов.

[3] Факты, подтверждающие разные точки зрения Лермонтова и декабристов на современную молодежь.

8. И. С. Одоевский — М. А. Назимову

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1677

Рус. старина, 1870, № 1, с. 156—161

[1] *Иван Сергеевич Одоевский* (1769—1839), князь, генерал-майор, отец поэта-декабриста А. И. Одоевского. Он познакомился с Назимовым в Казани, куда приехал для встречи с сыном, отправляемым на Кавказ рядовым в действующую армию. Хоть Назимов был лишь на год старше Одоевского (тот родился в 1802 г.), за недолгие часы знакомства с князем он произвел на него такое сильное впечатление своим умом и трезвостью суждений, что тот просил его заботиться о сыне.

[2] Судя по следующему письму, Назимов свое обещание выполнил и послал И. С. Одоевскому портрет его сына. И. С. Одоевский, видимо, познакомился в Казани с другими работами Назимова, остался ими доволен, если так убедительно просил нарисовать для него портрет сына.

9. А. И. Одоевский — М. А. Назимову

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1677

Рус. старина, 1870, № 1, с. 161

[1] Речь идет, по-видимому, о портрете, о котором писал И. С. Одоевский в предыдущем письме.

[2] В это время М. М. Нарышкин, Н. И. Лорер, Н. А. Зогорецкий и В. Н. Лихарев находились в отряде генерала Н. Н. Раевского, готовившего десант для высадки в районе реки Шахэ.

[3] Эммануил Эммануилович Папандопуло — поручик Тенгинского полка, адъютант генерала Штейбе (Архив Раевских. СПб., 1908, т. 11).

[4] «Поздравляю тебя с галунами» — намек на производство Назимова в апреле 1839 г. в унтер-офицеры.

[5] Александр Иванович — Вегелин, служивший вместе с Назимовым в 80-м Кабардинском полку и бывший в 1839 г. также в экспедиции («Особенно отличились здесь нашего полка <...> рядо-

вые из политических преступников Назимов и Вегелин».— Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881, т. 2, с. 93).

10. А. Н. Пыпин — Н. А. Некрасову

Звенья. М.; Л., 1935, вып. 5, с. 505—506

[1] *Александр Николаевич Пыпин* (1833—1904), историк русской литературы, академик. В 1865—1866 гг. редактор «Современника», с 1867 г. активный сотрудник «Вестника Европы».

[2] Дата определяется по ответному письму Н. А. Некрасова от 30 ноября 1872 г. При сопоставлении этих писем можно заключить, что знакомство Некрасова с Назимовым интересовало обоих.

[3] *Михаил Семенович Каханов* — общий знакомый Некрасова и Назимова, первого — по Ярославлю, второго — по Пскову (см. о нем примеч. 3 к письму 46).

11. Н. А. Некрасов — А. Н. Пыпину

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952, т. 11, с. 230

[1] На первой странице письма имеется карандашная помета дочери А. Н. Пыпина: «Н. А. Некрасов, 1873», но эта дата, безусловно, ошибочна: ср. письмо к А. Н. Пыпину от 16 марта 1873 г., в котором Некрасов говорит о М. А. Назимове, как о своем знакомом. Для Некрасова, в связи с работой над «Декабристами» и «Русскими женщинами», знакомство с Назимовым представляло большой интерес.

[2] Знакомство Некрасова с Назимовым состоялось, видимо, в тот же день. Есть сведения, что Назимов по просьбе Некрасова составил и передал ему записки о женах декабристов, которых он хорошо знал, — о Е. П. Нарышкиной и А. В. Розен (Иеропольский К. М. А. Назимов, с. 40—44). Эти записки, к сожалению, не сохранились.

12. Н. А. Некрасов — А. Н. Пыпину

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, с. 244

13. Н. А. Некрасов — А. Н. Пыпину

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, с. 258

14. Некролог «Михаил Александрович Назимов»

Псковский городской листок, 1888, № 63

[1] Здесь ошибка. Должно быть: в 1837 году.

[2] Уволен в отставку в 1846 г.

[3] Оценка реформ Александра II официальным органом явно преувеличена, но она вполне закономерна на фоне реакционных контрреформ Александра III.

15. Некролог

Исторический вестник, 1888, т. 34, с. 260

[1] Дата ошибочна. М. А. Назимов скончался 9 августа, а 12-го состоялись похороны. После его смерти остались в живых из декабристов еще П. Н. Свистунов и Д. И. Завалишин.

[2] Как упоминалось выше, записки Назимова не сохранились.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВД — Восстание декабристов. Документы, т. I—XV.
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва.
ГБЛ — Отдел рукописей и редких книг Государственной библиотеки имени В. И. Ленина
ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома)
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и гос. управления СССР
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

9(с)15
Н19

Н19 Назимов М. А. Письма, статьи.— Издание подготовлено О. В. Поповым.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985.— 240 с., ил.— (Серия «Полярная звезда»).

1 р. 60 к.

М. А. Назимов хотя и не принадлежал к числу руководящих деятелей Северного общества, но принимал активное участие в обсуждении его программы и планов.

Настоящий том содержит письма декабриста, преобладающая часть которых до сих пор не была опубликована, и две его статьи. В приложениях даны документы, важные для характеристики личности, мировоззрения и деятельности М. А. Назимова, письма к нему, выдержки из воспоминаний о нем современников, некрологи.

Н $\frac{0505010000 - 71}{М\ 141(03)-85}$ 63—85 9 (с) 15

М. А. НАЗИМОВ. Письма, статьи

Художник серии А. М. Муравьев
Художник А. Е. Шпирко
На обложке портрет М. А. Назимова художника Н. П. Нератовой, барельеф — скульптора Е. Скачкова
На фронтисписе портрет М. А. Назимова, неизвестный художник, начало 1820-х гг.

Редактор А. В. Глюк
Художественный редактор Е. Г. Касьянов
Технический редактор А. В. Пономарева
Корректор В. М. Ермакова

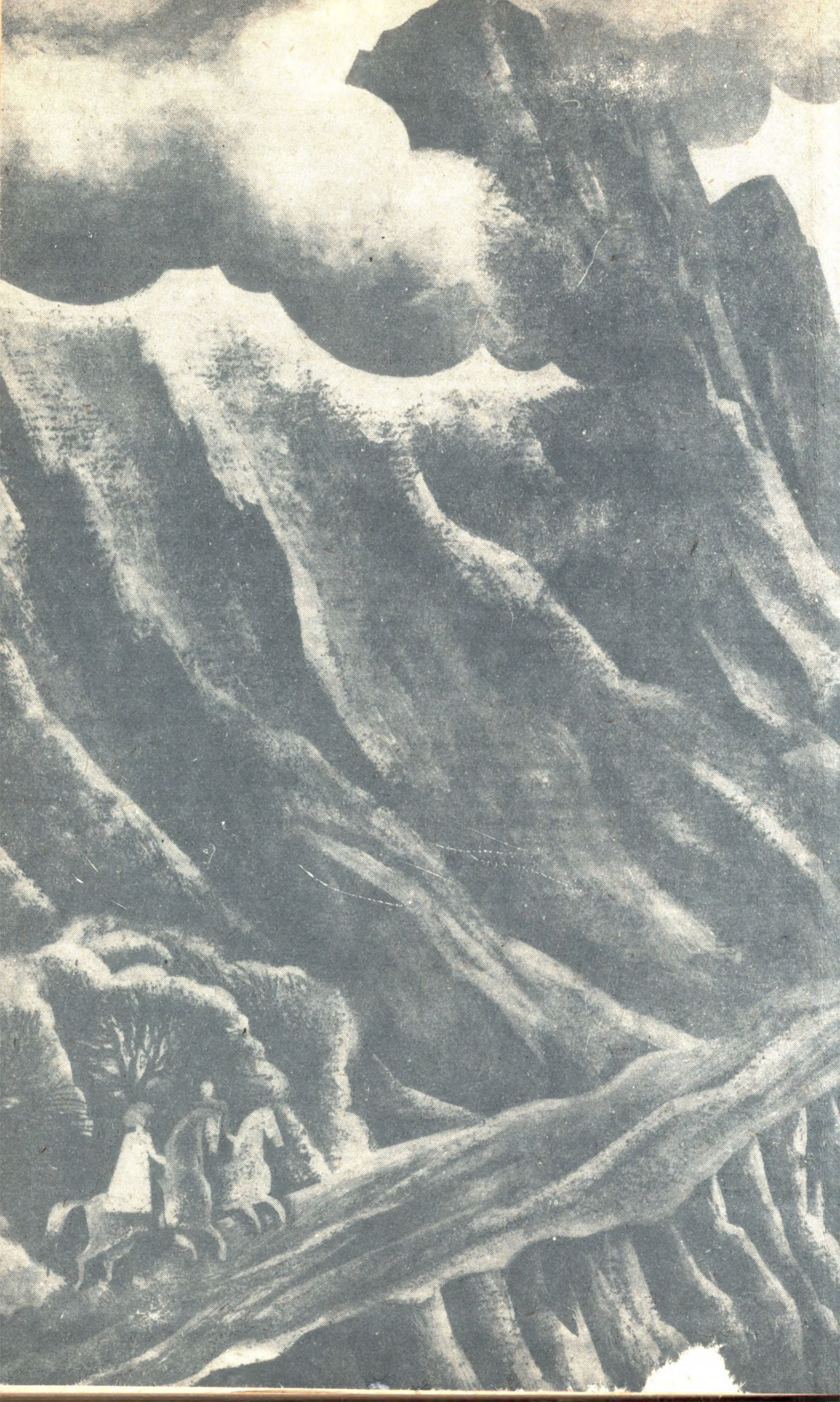
ИБ № 921

Сдано в набор 16.05.85. Подписано в печать 11.09.85. НЕ 04996. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Типографская № 1. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. кр.-отт. 13,23. Усл. печ. л. 12,7 (с вкл.). Уч. изд. л. 13,44 (с вкл.). Тираж 50 000 экз. Заказ 1619. Изд. № 5975. Цена 1 р. 60 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
664000, Иркутск, Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда».
664009, Иркутск, Советская, 109.

6.
e-
,7
9.

CP

1 р. 60 коп.

Иркутск 1985

М.А. НАЗИМОВ